B 8 177.

138/177

5

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

(ПРИРОДА СТРАНЫ, НАСЕЛЕНІЕ И ЕГО ПРОМЫСЛЫ).

Сборникъ для народнаго чтенія.

Томъ VI.

ПРИВИСЛИНСКІЙ КРАЙ.

СОСТАВИЛЪ Я. И. Рудневъ.

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Товарищество типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.
Марьина роща, соб. домъ.
1904.

Рисунки дозволены цензурою. Москва, 27 марта 1904 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

597197 V
М

Полякъ, крестьянскій парень въ подвѣнечномъ нарядѣ, изъ окрестностей города Прошовицъ, Радомской губерніи.

(Съ фотографіи Дашковскаго этнографическаго музея въ Москвѣ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первыя шесть главъ предлагаемаго сборника „Привислинскій край“ представляютъ собою перепечатку, съ небольшими редакціонными измѣненіями, этнографическихъ очерковъ покойнаго Л. Весина „Поляки“, впервые появившихся въ 1884 г. въ журналѣ „Семья и Школа“. Очерки эти, пріобрѣтенные нынѣ редакціей „Приходская Библіотека“, вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы ихъ спасти отъ забвенія и повторить въ изданіи, предназначаемомъ для народнаго чтенія и начальныхъ учителей.

Такъ какъ предлагаемая книга имѣетъ цѣлью ознакомить читателей не только съ поляками, но съ Привислинскимъ краемъ вообще, то, кромѣ статей Весина, въ нее вошли: отрывки изъ книги г. Дѣдлова „По Россіи“, подробный очеркъ промышленности Привислинья, описаніе быта крестьянъ въ Холмщинѣ, свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія въ краѣ и очеркъ просвѣтительной дѣятельности Лѣснинскаго женскаго монастыря.

Я. И. Рудневъ.

ГЛАВА I.

Привислинскій край. — Устройство поверхности; рѣки, климатъ.—Естественныя произведенія.—Населеніе.—Его языкъ.

Великоруссы, бѣлоруссы и малоруссы составляютъ восточное поколѣніе славянскаго племени и образуютъ великое русское царство. Южное поколѣніе образуютъ сербы съ черногорцами и болгары, западное—поляки и чехи съ словаками. Изъ представителей двухъ послѣднихъ поколѣній многочисленнѣйшими являются у насъ *поляки*.

Поляки населяютъ, главнымъ образомъ, Привислинскій край, называемый также Царствомъ Польскимъ. Встрѣчаются они и въ западныхъ и югозападныхъ губерніяхъ, но здѣсь они весьма немногочисленны, да и принадлежатъ болѣе къ дворянскому, помѣщичьему, или городскому сословіямъ. Для ознакомленія же съ отличительными чертами той или иной народности необходимо обращаться къ крестьянской, сельской массѣ, которая лучше сохраняетъ свой народный характеръ, свои природныя черты. Вотъ почему польскую народность мы можемъ изучать только въ Привислинскомъ

краѣ, въ губерніяхъ же юго и сѣверо-западнаго края крестьянское населеніе почти все русское, православное.

Привислинскій край глубоко вдается во владѣнія Германіи и Австро-Венгріи, образуя Западную окраину Россіи. Онъ занимаетъ пространство въ 111.554 кв. версты, дѣлится на 10 губерній и имѣетъ населеніе въ 9.442.590 душъ обоего пола, изъ которыхъ, однако, далеко не всѣ принадлежатъ къ польской народности.

Поверхность Привислинскаго края представляетъ въ общемъ равнинный характеръ. Этотъ характеръ поверхности нарушается только въ сѣверо-восточной и южной части края. Въ первой, по Сувалкской и частію Ломжинской губерніямъ, идутъ невысокіе холмы, извѣстные подъ именемъ Августовскихъ горъ. Въ этой части тянутся также обширные пески и болота. Въ Остроленскомъ уѣздѣ, Ломжинской губерніи, и прилегающей части Плоцкой находятся большія пространства сыпучаго песку, по которому путешественникъ ѣдетъ въ продолженіе двухъ-трехъ дней, лишь изрѣдка встрѣчая вспаханные холмы, засѣянные преимущественно картофелемъ и гречихой. Пески тутъ смѣняются болотами. Инымъ характеромъ отличается южная половина края. Здѣсь находятся самыя значительныя въ немъ возвышенности — *Сандомирская и Краковская,* находящіяся по лѣвую сторону Вислы. Сандомирская возвышенность занимаетъ южную часть Радомской и восточную Кѣлецкой губ., Краковская — западную часть этой послѣдней. Въ Сандомирской возвы-

шенности находится самая высокая вершина во всемъ краѣ—„Лысица“, достигающая 2.500 футовъ. Южная часть этой возвышенности пересѣчена множествомъ глубокихъ, крутыхъ овраговъ и рытвинъ, по которымъ, по большей части, пролегаютъ дороги. Эта мѣстность представляетъ много затрудненій для сообщеній, особенно въ дождливое время года, когда покрывающій ее грунтъ размывается водою. Случается, что съ боковъ рытвинъ внезапно сползаютъ большія глыбы земли и заваливаютъ дороги. Къ востоку отъ Сандомирской возвышенности, по правую сторону Вислы, въ Люблинской губерніи, идетъ также гористая мѣстность. Горы Люблинской губерніи тянутся до Холма и Люблина, гдѣ постепенно теряются въ равнинахъ. Онѣ хотя и представляютъ почти плоскій, округленный хребетъ, усѣянный возвышенностями съ пологими скатами, которые большею частію воздѣланы, но высшія точки этихъ высотъ круты, обрывисты, недоступны. Поэтому здѣсь жители селятся въ лощинахъ и оврагахъ. Путешественнику, слѣдующему по хребту высотъ, мѣстность представляется необитаемою, но стоитъ лишь ему спуститься внизъ, въ долину какой-нибудь рѣчки,—и картина измѣняется, глазамъ его открываются селенія, тянущіяся часто на цѣлыя версты непрерывною цѣпью. Такъ, напр., по рѣчкѣ Гельчевъ на протяженіи почти 40 верстъ идутъ одна за другою 22 деревни. Только опытный глазъ мѣстнаго жителя въ состояніи подраздѣлить все это множество хижинъ и домовъ и назвать по имени каждую деревню. Къ востоку отъ рѣки

Вепржа находятся болотистыя мѣста, переходящія въ лежащую на сѣверъ Сѣдлецкую губернію.

Главная рѣка Привислинскаго края—*Висла*. Она вытекаетъ изъ Карпатскихъ горъ, въ Австро-Венгріи, и на разстояніи 140 верстъ служитъ естественною границею между краемъ и принадлежащею Австро-Венгріи русской провинціей — Галиціей. На этомъ протяженіи рѣка имѣетъ сѣверо-восточное направленіе, мелка и удобна только для сплава. Далѣе, принявъ съ правой стороны рѣку Солъ, она вступаетъ уже въ предѣлы самаго Привислинскаго края и течетъ до впаденія въ него другого праваго притока, Вепржа, въ сѣверномъ направленіи, дѣлая затѣмъ незначительное отклоненіе къ сѣверо-западу до принятія третьяго притока, Западнаго Буга. Эта часть теченія, которую можно назвать среднею, является самою важною. Въ этой части рѣка, благодаря притокамъ, становится многоводнѣе; на ней расположенъ и центръ всего края, *Варшава*. Отъ впаденія Буга Висла принимаетъ западное направленіе и у города Торна входитъ въ предѣлы Пруссіи. Такимъ образомъ, верховья и низовья рѣки находятся въ чужихъ владѣніяхъ, что представляетъ большія неудобства для торговли и промышленности края.

Грунтъ дна Вислы преимущественно песчаный. Песокъ во многихъ мѣстахъ образуетъ различной величины отмели, постоянно измѣняющія свое положеніе. По всей длинѣ теченія Вислы тянутся

острова, число которыхъ опредѣлить невозможно, такъ какъ одни изъ нихъ исчезаютъ, другіе появляются вновь. Такая перемѣнчивость грунта рѣки ведетъ къ измѣнчивости ея фарватера [1]), а это обстоятельство, въ свою очередь, обнаруживаетъ вліяніе на судоходство.

Какъ всѣ рѣки, берущія начало въ высокихъ горахъ, Висла подвергается разливамъ, наносящимъ нерѣдко громадные ущербы населенію. Разливы бываютъ обыкновенно три раза въ году. Первый разливъ—весенній, во время оттепелей и таянія снѣговъ въ горной части теченія рѣки и въ равнинахъ. Наступаетъ онъ обыкновенно въ апрѣлѣ или мартѣ мѣсяцахъ и продолжается около двухъ недѣль. Второй разливъ бываетъ въ іюнѣ, около дня Іоанна Крестителя (24 іюня), продолжается нѣсколько дней. Наконецъ, третій разливъ случается въ іюлѣ.

Весенніе разливы нерѣдко приносятъ большія бѣдствія жителямъ, въ особенности когда ото льда образуются такъ называемые *заторы*, препятствующіе свободному движенію водъ. Въ 1840 г., вслѣдствіе такого затора, разливъ наводнилъ обширную равнину между Варшавою, Новогеоргіевскомъ и мѣстечкомъ Згержъ, такъ что сообщеніе между двумя первыми городами было прервано. Особенно опустошительное дѣйствіе произвелъ весенній раз-

---

1) *Фарватеръ* — водная дорога, т.-е. та линія, по которой безопасно могутъ проходить суда.

ливъ въ 1845 году. Вслѣдствіе образованія затора между Морджицами и Гневашевымъ, вода громаднымъ потокомъ хлынула на прибрежную долину, уничтожая все встрѣчающееся на пути. Въ одно мгновеніе огромные склады мачтоваго лѣса, находившіеся на берегу, были снесены. Многія деревни очутились подъ водою; несчастные ихъ обитатели искали спасенія на кровляхъ своихъ затопленныхъ хижинъ. Вскорѣ, однако, рѣка стала сносить своимъ теченіемъ и самые дома. Въ одной деревнѣ Реговъ изъ 35 дворовъ 32 были снесены, вмѣстѣ съ хозяйственными постройками, при чемъ погибли масса скота и огромные запасы сѣна и хлѣба.

Сильное опустошеніе произвелъ также разливъ въ 1879 году. Во время весенняго разлива въ этомъ году подъ Варшавою образовалось пять ледяныхъ заторовъ, вслѣдствіе которыхъ вода поднялась въ нѣсколько часовъ такъ высоко, что, несмотря на всѣ принятыя мѣры, прорвала устроенный для защиты отъ наводненія валъ въ трехъ мѣстахъ и стремительно хлынула въ заселенную мѣстность. Первою жертвою наводненія сдѣлался домъ сторожа охранительнаго вала, а потомъ вода залила 20 деревень. Несчастные обитатели искали спасенія на крышахъ, гдѣ въ продолженіе 4 сутокъ оставались безъ всякой пищи.

Въ 1880 году наводненіе постигло мѣстности, прилегающія къ городу Сандомиру, Радомской губерніи, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ. Трудно описать произведенныя имъ опустошенія. Крестьянскія жилища во многихъ мѣстахъ были или раз-

рушены, или совершенно снесены. Свидѣтели этого наводненія видѣли по 200, по 300 и болѣе штукъ рогатаго скота и лошадей, затопленныхъ водою, а свиней и домашней птицы—просто неисчислимое количество. Для уничтоженія заторовъ вызваны были инженеры и саперы, которые взрывали ихъ порохомъ. Заторы образуются отъ упомянутыхъ выше мелей, которыя мѣняютъ свое положеніе. Ледъ, сносимый теченіемъ, садится на мели, и такимъ образомъ является заторъ.

Для предохраненія отъ разливовъ по теченію рѣки жители долинъ устраиваютъ валы; но послѣдніе, какъ видно изъ только-что приведеннаго разсказа о наводненіи 1880 года, не вполнѣ защищаютъ ихъ отъ наводненій.

По пословицѣ: „нѣтъ худа безъ добра“ — и разливы приносятъ свою пользу. Послѣ каждаго разлитія Вислы на поляхъ и лугахъ осаждается илъ, который служитъ такимъ превосходнымъ естественнымъ удобреніемъ, что, благодаря ему, родится, безъ всякаго унаваживанія, хлѣбъ отличнѣйшаго качества. Кромѣ того, разливы сообщаютъ влажность почвѣ, что также весьма благопріятно вліяетъ на растительность.

Другія значительныя рѣки края—правые притоки Вислы: *Вепржъ* и *Западный Бугъ* съ *Наревомъ*. *Вепржъ* беретъ начало на югѣ Люблинской губерніи, направляется къ сѣверу, въ нижнемъ теченіи отклоняется къ западу, образуя границу между Люблинской и Сѣдлецкой губерніями, и около Ивангорода впадаетъ въ Вислу. Длина этой рѣки около 250

верстъ. Рѣка не отличается ни шириною, ни глубиною. Во время половодья вода поднимается, затопляя долины, и тогда начинается судоходство, производящееся, однако, не по всему протяженію рѣки, а лишь на разстояніи 150 верстъ съ небольшимъ. Второй правый притокъ Вислы, *Западный Бугъ,* гораздо значительнѣе Вепржа. Онъ беретъ начало, подобно главной рѣкѣ, въ австрійскихъ владѣніяхъ. Ширина Буга значительно превосходитъ ширину Вепржа, но глубина не больше. Поэтому, на большей части теченія Западный Бугъ судоходенъ только во время весенняго половодья. Въ лѣтнюю же пору судоходство по немъ возможно лишь съ мѣстечка Нура, т.-е. приблизительно съ той части, которая пересѣкается Петербургско-Варшавскою жел. дорогою. При помощи притока Западнаго Буга, рѣки *Муховца* и канала, вся рѣчная система Вислы связывается съ рѣчною системою Днѣпра. Западный Бугъ, кромѣ Муховца, принимаетъ значительный притокъ—рѣку *Наревъ,* впадающій въ него съ правой стороны. Долина рѣки Нарева довольно болотиста и лѣсиста, вслѣдствіе чего доступъ къ этой рѣкѣ, особенно въ нижней части, затруднителенъ. Весенній разливъ затопляетъ всю эту долину, оставляя послѣ себя множество медленно высыхающихъ болотъ. Наревъ иногда выходитъ изъ береговъ даже подъ вліяніемъ сильныхъ дождей. Изъ лѣвыхъ притоковъ Вислы можно упомянуть только *Пилицу.*

Рѣка *Варта,* орошающая западную часть Привислинскаго края, принадлежитъ уже къ рѣчной си-

стемѣ Одера. На ней есть много острововъ, населенныхъ и обрабатываемыхъ. Во время разливовъ острова эти покрываются водою; тогда жители поддерживаютъ сношенія при помощи лодокъ. Варта довольно мелка и для судоходства удобна только отъ мѣстечка Коло до прусской границы.

Климатъ Привислинскаго края гораздо лучше, чѣмъ другихъ мѣстностей Россіи лежащихъ подъ тѣми же широтами. Средняя годовая температура лежащей почти въ центрѣ края Варшавы равняется 5,9 гр. по Реомюру, т.-е. выше, чѣмъ въ Кіевѣ (5,5 гр.) и Царицынѣ (5,1), хотя Варшава находится подъ 52° 13′ широты, Кіевъ же подъ 50° 26′, а Царицынъ подъ 48° 42′. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы въ Варшавѣ всѣ мѣсяцы были теплѣе, чѣмъ въ двухъ послѣднихъ городахъ; напротивъ того, лѣтніе мѣсяцы въ Кіевѣ и Царицынѣ жарче. Годовая температура Варшавы выше Кіевской потому, что въ Варшавѣ умѣреннѣе зимніе холода. Отсюда видно, что климатъ Варшавы представляетъ менѣе рѣзкія колебанія температуры: нѣтъ въ ней ни особенно сильныхъ холодовъ ни сильныхъ жаровъ, какіе случаются въ Кіевѣ, а тѣмъ болѣе въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, лежащихъ подъ одною широтою съ Варшавой. Зависитъ это отъ того, что Привислинскій край лежитъ ближе къ морю. Конечно, по одной Варшавѣ нельзя еще составить себѣ точнаго понятія о климатѣ всего края, но большой разницы въ климатическомъ отношеніи въ разныхъ мѣстахъ края быть не можетъ, такъ какъ онъ занимаетъ не та-

кое обширное пространство, чтобы протяженіе его отзывалось рѣзкими различіями въ климатѣ.

О климатѣ страны даетъ понятіе и продолжительность времени, въ теченіе котораго рѣки бываютъ свободны отъ льда. Чѣмъ умѣреннѣе климатъ, тѣмъ менѣе продолжительное время рѣки бываютъ покрыты льдомъ. Такъ, Висла у Варшавы бываетъ покрыта льдомъ, среднимъ числомъ, 85 дней, а свободна отъ льда 280, между тѣмъ Нева у Петербурга покрыта льдомъ 147 дней, свободна 218, Волга въ Астрахани покрыта 101, свободна 264. Висла, такимъ образомъ, способна для навигаціи болѣе продолжительное время, чѣмъ Нева и даже Волга въ самой южной ея части.

Количество атмосферныхъ осадковъ (дождей и снѣговъ), а особенно число дней, въ какіе они выпадаютъ, въ Привислинскомъ краѣ значительно больше, чѣмъ въ средней и восточной Россіи; другими словами, край этотъ отличается большею влажностью.

Всѣ эти условія — умѣренность климата, большая продолжительность времени навигаціи, наконецъ, болѣе правильное распредѣленіе атмосферныхъ осадковъ—ставятъ населеніе Привислинскаго края въ выгоднѣйшія условія сравнительно съ населеніемъ Великороссіи или даже Малороссіи. Умѣренность климата, болѣе раннее наступленіе весны и позднее осени—даютъ привислинскому жителю и болѣе времени для земледѣльческихъ работъ. Болѣе правильное выпаденіе и распредѣленіе атмосферныхъ осадковъ избавляетъ его отъ за-

сухъ, которыя нерѣдко являются истиннымъ бѣдствіемъ для русскаго земледѣльца. Наконецъ, большая продолжительность навигаціи даетъ населенію возможность долѣе пользоваться естественными водными путями для перевозки произведеній края.

А произведенія эти очень разнообразны. Начать съ „царства ископаемыхъ“. Въ Привислинскомъ краѣ находятся обширныя мѣсторожденія каменнаго угля. Главные пласты этого минерала тянутся въ юго-западной части края, хотя онъ есть и въ другихъ мѣстахъ. Самое извѣстное мѣсторожденіе угля—Домбровское. Польскій уголь идетъ, главнымъ образомъ, на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей: онъ потребляется фабриками, заводами и желѣзными дорогами края. Затѣмъ, въ южной части края извѣстно множество мѣсторожденій желѣзныхъ рудъ, изъ которыхъ добывается чугунъ и желѣзо; далѣе, есть мѣсторожденія рудъ цинковыхъ, свинцовыхъ, мѣдныхъ, есть самородная сѣра, соляные источники, мраморъ разнообразныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, огнеупорная глина, песчаникъ и другіе строительные камни.

Растительное царство имѣетъ своихъ главныхъ представителей въ лѣсахъ. Древесная растительность состоитъ изъ ели, лиственницы, дуба, бука, граба, березы, ольхи, вяза, клена, ясеня, тополя. Между древесными породами, какъ видно, въ краѣ есть весьма цѣнныя. Къ сожалѣнію, лѣса эти рѣдѣютъ годъ отъ года, болѣе и болѣе подвергаясь безпощадному истребленію. Въ 1827 г. во всемъ

краѣ считалось лѣсовъ 6.405.000 морговъ [1]), а въ 1878 г. ихъ было уже 5.706.500 м. Въ настоящее время подъ лѣсомъ находится 21,3% всей площади края, или 2.484.000 десятинъ. Лѣса идутъ на срубъ для вывоза дерева за границу. Насколько этотъ вывозъ вредно вліяетъ на лѣсное хозяйство края—видно изъ того, что въ теченіе 1878 г. въ одномъ Красноставскомъ уѣздѣ, Люблинской губерніи, было срублено и отправлено за границу 180.000 балокъ, бревенъ, шпалъ и вообще разнаго лѣснаго строительнаго матеріала, не считая множества дровъ, досокъ и клепки, а въ 1879 г. крупнаго лѣса изъ того же уѣзда отпущено было 160.000 штукъ.

Кромѣ древесныхъ породъ, служащихъ для построекъ, отопленія и другихъ подобныхъ надобностей, въ Привислинскомъ краѣ есть не мало плодовыхъ деревьевъ, каковы груша, яблоня, вишня, слива, абрикосовыя и персиковыя деревья, каштанъ, грецкій орѣхъ и т. п.

Изъ другихъ растеній, водятся лѣкарственныя, мануфактурныя, красильныя, не говоря уже о разнообразныхъ хлѣбныхъ злакахъ. Вообще въ Привислинскомъ краѣ считается разныхъ растеній около 2.000 сортовъ.

Животный міръ также разнообразенъ. Общее число животныхъ, водящихся въ Привислинскомъ краѣ, опредѣляютъ въ 885 родовъ и 13.340 видовъ. Впрочемъ, животныхъ, свойственныхъ исключительно краю, между ними не встрѣчается, а если

---

[1]) Моргъ—0,51247 десятинъ—1230 кв. русскихъ саженъ.

и встрѣчается, то крайне мало: всѣ породы и виды ихъ попадаются и въ другихъ мѣстностяхъ Европы. Въ хозяйственномъ быту мѣстныхъ жителей, не считая обыкновенныхъ домашнихъ животныхъ, имѣли въ старину значеніе и звѣри: медвѣди, волки, лисицы, куницы, бобры, выдры, олени, лоси, зайцы, такъ какъ они служили предметомъ охоты. „Пернатыхъ“ разнаго рода масса. Есть тетерева, куропатки, рябчики, глухари, аисты, журавли, орлы, соколы, не говоря уже о такихъ неизбѣжныхъ обитателяхъ каждаго селенія и каждаго города, какъ куры, гуси, утки, индѣйки, голуби, вороны и пр.

Естественными произведеніями Привислинскій край, какъ видно, очень богатъ. Это богатство даетъ возможность самымъ разнообразнымъ приложеніямъ народнаго труда. И мы, дѣйствительно, увидимъ ниже, что, сверхъ обыкновенныхъ земледѣльческихъ промысловъ, въ Привислинскомъ краѣ развиты другія отрасли, какъ добывающей, такъ и обрабатывающей промышленности. Только въ песчано-болотистыхъ мѣстностяхъ сѣверной части края, въ зависимости отъ не вполнѣ благопріятныхъ естественныхъ условій, дѣятельность населенія не могла принять того развитія, какое замѣчается въ другихъ мѣстахъ.

Познакомясь со страною, перейдемъ теперь къ ея обитателямъ. Число жителей въ Привислинскомъ краѣ равняется 9.442.590 душъ. Но не все это число состоитъ изъ поляковъ. Въ краѣ значительный процентъ населенія образуютъ русскіе

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

(главнымъ образомъ малороссы [1]), евреи [2]), нѣмцы, литовцы. Самое польское населеніе края далеко не вездѣ представляетъ одинаковую чистоту типа: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ этомъ населеніи замѣчаются явные слѣды примѣси другихъ народностей, подвергшихся ополяченію.

Наиболѣе чистыми представителями польскаго народа считаются *великополяне*, населяющіе губерніи Калишскую, большую часть Варшавской и сѣверныя части Петроковской и Радомской. Древнѣйшіе ихъ центры—Гнѣздно, Калишъ, Радомъ, Ченстохово и др. Въ домашнемъ быту, одеждѣ, въ нравахъ и обычаяхъ они съ большею чистотою сохранили польскую старину. Это въ особенности можно сказать про *куяковъ*, живущихъ въ Варшавской губерніи. Другую отрасль польскаго народа образуютъ *мазуры*, населяющіе *Мазовію*, т.-е. губернію Плоцкую, привислинскую часть Варшавской, также Сѣдлецкую (преимущественно Луковскій уѣздъ). Мазуры говорятъ особымъ, мазовецкимъ, нарѣчіемъ. Они высокаго роста, крѣпкаго сложенія. Характера они веселаго, беззаботнаго, любятъ повеселиться, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, храбры, настойчивы, упрямы. Ихъ національный танецъ, мазурка, отчасти можетъ служить для характеристики ихъ натуры. Указанныя черты характера мазуровъ не исключаютъ въ нихъ религіозности, привязанности къ церкви: ихъ даже

[1]) Количество православнаго населенія въ Привислинскомъ краѣ простирается до $^1/_2$ милліона.

[2]) Евреи послѣ поляковъ являются наиболѣе многочисленною составною частью населенія (свыше 2 милліоновъ).

Полька, крестьянская дѣвушка въ подвѣнечномъ нарядѣ, изъ окрестностей города Прошовицъ Радомской губ.
(Съ фотографіи Дашковскаго этнографическаго музея въ Москвѣ).

называютъ правовѣрными мазурами. Эта правовѣрность не мѣшаетъ имъ, впрочемъ, держаться разныхъ суевѣрій, уцѣлѣвшихъ среди нихъ еще отъ временъ язычества. Когда-то мазуры образовывали особое, самостоятельное Мазовецкое княжество, храбро воевавшее съ своими сосѣдями, литовцами. Въ 1264 г. между мазурами и ятвягами (литовскимъ племенемъ) произошло кровопролитное сраженіе близъ нынѣшняго Лукова, въ Сѣдлецкой губерніи. Мазуры одержали побѣду надъ ятвягами, подчинили ихъ себѣ и съ теченіемъ времени ополячили. Потомками этихъ ятвяговъ являются въ настоящее время такъ называемые *курпики* (отъ слова: курпе—лапоть), живущіе въ западной части Ломжинской и Сувалкской губерній. Населяя мѣстности песчано-болотистыя, но богатыя лѣсомъ, курпики издавна занимались и охотою, и за ними уже въ старину установилась слава искусныхъ стрѣлковъ. Разсказываютъ, что одинъ стрѣлокъ-курпикъ былъ такъ силенъ въ своемъ искусствѣ, что въ присутствіи короля Станислава-Августа, на разстояніи 400 шаговъ, выбилъ пулями на щитѣ шифръ S. A. R., т.-е. Stanislaw August Rex (Станиславъ Августъ Король). Во время многочисленныхъ польскихъ войнъ, изъ курпиковъ всегда набирался отрядъ стрѣлковъ. Во время Сѣверной войны они своими внезапными нападеніями нанесли такой ударъ шведскому королю Карлу XII, что послѣдній едва успѣлъ спастись самъ бѣгствомъ. Курпики наружностью напоминаютъ своихъ родичей—литовцевъ. Это—здоровый, крѣпкій

народъ. Говорятъ они не совсѣмъ чистымъ, правильнымъ польскимъ языкомъ.

Въ южной половинѣ Привислинскаго края обитаютъ кракусы, или краковяки и любляне. *Краковяки* произошли отъ народа бѣлохорватовъ, подвергшихся ополяченію подобно ятвягамъ. Они живутъ въ Келецкой губерніи и въ южныхъ частяхъ Радомской и Петроковской, т.-е. въ юго-западной части края. Они отличаются довольно красивымъ типомъ. Нравомъ своимъ отчасти напоминаютъ веселыхъ мазуровъ. Извѣстенъ ихъ танецъ „краковякъ“. Но они притомъ способны, смышлены, трудолюбивы. Отрасль кракусовъ—*сандомиржцы* представляютъ нѣкоторыя замѣтныя особенности. Они рослѣе и крѣпче сравнительно съ краковяками. Характеръ ихъ представляетъ серьезность, сосредоточенность. Юго-восточную часть Привислинскаго края, т.-е. по правую сторону Вислы, занимаютъ потомки малоруссовъ, извѣстные подъ именемъ *подляховъ* и *люблянъ*. Первые живутъ въ Сѣдлецкой губерніи. Они средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ довольно угрюмымъ выраженіемъ лицъ; въ движеніяхъ своихъ медленны, неповоротливы. Вообще они напоминаютъ малоруссовъ. Говорятъ подляхи языкомъ, представляющимъ смѣсь малорусскаго съ польскимъ. Любляне, живущіе между Вислою и Вепржемъ, въ Люблинской губерніи, точно также потомки малоруссовъ. Но они подверглись въ большей степени ополяченію. Хотя, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, еще въ XVII столѣтіи между люблянами находились лица православной вѣры, но теперь всѣ

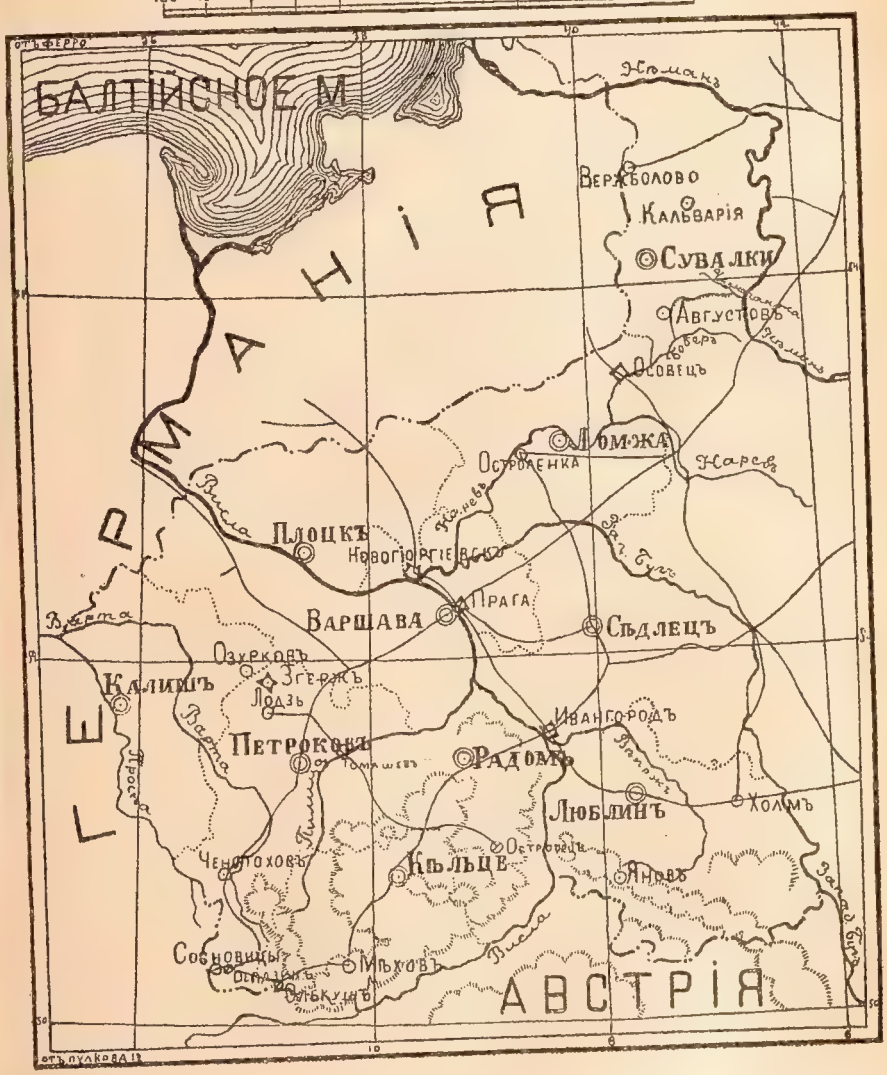
любляне сплошь католики, говорящіе польскимъ языкомъ. Ближайшіе ихъ сосѣди, живущіе по другую сторону Вепржа, одного съ ними происхожденія, но гораздо лучше сохранили свою народность. Въ нихъ сейчасъ видны представители южно-русскаго племени. Говорятъ они малорусскимъ языкомъ, хотя въ нравахъ и обычаяхъ у нихъ замѣчается не мало общаго съ люблянами. Они до недавняго времени принадлежали къ уніатамъ, т.-е., сохранивъ церковные обряды православія, признавали главою церкви папу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ многіе изъ нихъ были присоединены къ православію, чѣмъ остановлена была возможность дальнѣйшаго ихъ слитія съ польскимъ населеніемъ, потому что унія, какъ показываетъ исторія, служила обыкновенно переходной ступенью къ окончательному совращенію принявшаго ее населенія въ католицизмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ ополяченію.

Изъ сдѣланнаго нами общаго очерка польскаго населенія Привислинскаго края видно, что населеніе это представляется далеко не однороднымъ. Значительная часть этого населенія носитъ на себѣ ясные слѣды происхожденія отъ сосѣднихъ съ поляками народностей, которые подверглись только полонизаціи.

Въ зависимости отъ этого различается характеръ и даже языкъ разныхъ представителей польскаго края. Нѣкоторыя особенности характера мы замѣтили выше. Что же касается языка, то прослѣдить болѣе или менѣе мелкія отличія его у разныхъ

ПРИВИСЛИНСКІЙ КРАЙ.

МАСШТАБЪ: АНГЛІЙСК. ДЮЙМЪ 100 В.



представителей очень трудно. Польскій языкъ имѣетъ много общаго съ русскимъ и другими славянскими, будучи одного общаго съ ними происхожденія. Многія польскія слова понятны безъ всякихъ объясненій каждому русскому.

Если прочесть по-польски молитву Господню („Отче нашъ"—Ojcze nasz) съ должнымъ вниманіемъ, то ни одно слово ея не останется непонятнымъ для русскаго. Нельзя только, не зная польскаго произношенія, прочесть приведенную молитву правильнымъ образомъ. Но ознакомленіе съ польскимъ произношеніемъ не представляетъ особыхъ трудностей, хотя въ немъ нерѣдко замѣчается стеченіе многихъ согласныхъ, какъ, напримѣръ, држе, прше, хрше, стрше, и т. п. Литература польская довольно богата.

ГЛАВА II.

Рѣзкая обособленность въ Польшѣ крестьянства и шляхты.—Историческое развитіе этой обособленности. — Постепенное закрѣпощеніе крестьянства.—Современное отношеніе шляхты къ простому народу.

Польская народность въ предѣлахъ Привислинскаго края слагается изъ двухъ рѣзко обособленныхъ группъ—дворянства или шляхты и крестьянства. Правда, и въ другихъ странахъ издавна существовала большая или меньшая обособленность этихъ двухъ классовъ, но нигдѣ между ними не лежало такой глубокой пропасти, какъ въ Польшѣ. Въ то время, какъ шляхтѣ принадлежало все, въ то время, какъ она, по своему произволу, вертѣла всѣмъ, даже государствомъ, крестьянство было лишено необходимыхъ человѣческихъ правъ. Объ обширности правъ шляхты лучше всего говоритъ польская поговорка: „дворянинъ, владѣющій огородомъ (дворянинъ на огородѣ), равенъ воеводѣ“; о положеніи-же крестьянъ свидѣтельствуютъ выраженія: „хамъ“, „быдло“ (скотъ, животное), которыми прежде награждался простой сельскій людъ отъ „ясновельможныхъ пановъ“. Плачевное положеніе простого народа въ Польшѣ, до самаго освобожденія отъ крѣпостной зависимости, вмѣстѣ

съ надѣленіемъ его землею, въ 1864 г., имѣло весьма неблагопріятное на него вліяніе въ нравственномъ отношеніи. Нѣкоторыя непривлекательныя стороны характера польскаго простонародья объясняются только гнетомъ, которому онъ подвергался въ теченіе вѣковъ.

Закрѣпощеніе народа въ Польшѣ шло постепенно. Во время глубокой древности въ ней не было разныхъ сословій — всѣ были равны между собою. Земледѣльцы составляли общины, члены которыхъ были равноправны. Когда возникло польское государство, то князь взялъ въ свои руки неограниченную власть, окружилъ себя придворной военной дружиной, которая обезпечивала ему повиновеніе народа, и сталъ управлять народомъ посредствомъ чиновниковъ, назначаемыхъ имъ самимъ въ различныя части. Польскій князь, а потомъ король, считался собственникомъ всего государства, за исключеніемъ относительно небольшого количества земель, оставленныхъ во владѣніи прежнихъ племенныхъ князей и пожалованныхъ церкви или знатнымъ свѣтскимъ лицамъ. Такимъ образомъ, все населеніе сидѣло на княжеской землѣ, и назначенные княземъ чиновники управляли его трудомъ и надзирали за нимъ. Сельское населеніе обложено было тяжелыми повинностями и налогами для военныхъ цѣлей, для содержанія князя и его дружины („владыки“ или „рыцари“) и чиновниковъ, и не имѣло поземельной собственности. Но при всемъ томъ оно владѣло наслѣдственно опредѣленными землями, считалось лично свободнымъ, такъ

какъ не имѣло надъ собою другихъ господъ, кромѣ государя и его чиновниковъ. Жалуя земли костеламъ, государи предоставляли церкви только право взиманія налоговъ съ крестьянъ, жившихъ на этихъ земляхъ; если же государь жаловалъ землю частному лицу, то онъ переводилъ крестьянъ изъ этой земли въ другія свои владѣнія. Но уже съ XI столѣтія начинаетъ развиваться, въ ущербъ королевской власти, могущество высшаго сословія пановъ или *можновладства*. Послѣдовавшія за возникновеніемъ удѣловъ (съ 1139 г.) смуты и усобицы содѣйствовали возвышенію этого сословія, образовавшагося изъ потомковъ княжескихъ родовъ, изъ королевскихъ дружинниковъ и должностныхъ лицъ, наконецъ, изъ высшихъ представителей церкви. XII, XIII и XIV столѣтія были временемъ постепеннаго усиленія можновладства или аристократіи. Съ XIV столѣтія вліятельное положеніе въ польскомъ государствѣ начинаетъ пріобрѣтать мелкое рыцарство или шляхта, которая въ XV столѣтіи выступаетъ, какъ политическая сила, на ряду съ королемъ и аристократіей.

Но по мѣрѣ того, какъ дворянство пріобрѣтало все бо́льшія права, крестьяне свои права теряли и подпадали зависимости отъ помѣстной шляхты. До конца XV столѣтія тяжесть этой зависимости не была такъ чувствительна, какъ впослѣдствіи, потому что крестьяне сохраняли право перехода съ однѣхъ земель на другія, отъ одного владѣльца къ другому, чѣмъ они и пользовались въ случаяхъ притѣсненія. Если крестьянъ что и удерживало на

прежнемъ мѣстѣ, такъ это опасеніе попасть, съ переходомъ, на землю худшую по своимъ качествамъ. Кромѣ того, крестьянство не составляло одинаково безправной массы. Оно дѣлилось на рабовъ, крѣпостныхъ, кмѣтей и солтысовъ, представлявшихъ послѣдовательный переходъ отъ полнѣйшаго рабства до полусвободнаго состоянія. У крестьянъ были свои вѣчныя аренды, съ которыхъ платилась небольшая подать, былъ свой судъ и управленіе, охранявшіеся наслѣдственнымъ солтысомъ, стоявшимъ во главѣ каждой деревни. Солтысы несли обязанности военной службы; кмѣти не служили въ войскѣ, но могли носить оружіе, тогда какъ собственно крѣпостные и рабы были лишены этого права. Военная служба освобождала солтысовъ отъ подати; кмѣти и крѣпостные вносили ее въ томъ размѣрѣ, какой опредѣлялся самимъ помѣщикомъ. Въ XIV и XV столѣтіяхъ, когда въ составъ Польши вошли богатыя южно-русскія области, для крестьянъ открылась возможность перехода на болѣе плодородныя земли. Тогда-то и началось усиленное движеніе польскихъ крестьянъ въ богатыя мѣстности юга. Дворы и цѣлыя деревни Великой Польши стали пустѣть. Къ выселенію побуждало крестьянъ не только плодородіе юга, но также и усилившійся гнетъ панской власти. Пріобрѣтя рѣшающій голосъ на сеймѣ, шляхта постаралась вполнѣ овладѣть крестьяниномъ. Различія, существовавшія между различными группами крестьянъ, начали постепенно сглаживаться, но не въ смыслѣ облегченія участи крестьянства, а въ смыслѣ еще большаго порабо-

щенія. Прежде всего солтысы вынуждены были за извѣстное вознагражденіе уступать свои мѣста шляхтѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ шляхтичъ, владѣлецъ деревни, самъ сдѣлался солтысомъ, крестьянское самоуправленіе теряло почву, такъ какъ у крестьянъ не было человѣка, который бы могъ защищать ихъ права противъ посягательствъ помѣщиковъ. Помѣщики дѣйствительно стали ограничивать крестьянское самоуправленіе и налагать на крестьянъ все болѣе и болѣе тяжелыя повинности и подати. Тогда усилилось выселеніе крестьянъ на Русь, гдѣ представлялись болѣе легкія условія жизни. Шляхта крайне негодовала на уходъ крестьянъ и приняла мѣры для его прекращенія. Начиная съ 1496 г. сеймы по очереди постановляютъ все болѣе строгія запрещенія крестьянамъ оставлять свои мѣста и даютъ шляхтѣ право преслѣдовать и возвращать бѣглецовъ. Постепенно шляхта лишала крестьянина личной свободы и при Сигизмундѣ I окончательно прикрѣпила его къ землѣ. На сеймахъ 1520 и 1521 года она вытребовала у короля законы, въ силу которыхъ каждый крестьянинъ, независимо отъ его прежнихъ правъ, обязанъ былъ работать, въ знакъ подданства, на панской землѣ одинъ день въ недѣлю. Сельское населеніе вскорѣ очутилось въ полной неволѣ у пановъ, такъ какъ король отказался разрѣшать жалобы кмѣтовъ и тѣмъ самымъ передавалъ помѣщикамъ полную судебную власть надъ крестьянами. Только въ коронныхъ имѣніяхъ крестьянинъ сохранилъ покровительство монаршей власти. Правда, не въ одной Польшѣ, но и

въ другихъ странахъ Западной Европы дворянинъ порабощалъ крестьянина. Была только одна разница: на Западѣ дворянинъ, поработившій крестьянина, самъ въ тоже время подчинялся власти своего монарха. Въ Польшѣ шляхтичъ объявлялъ себя полнымъ господиномъ въ своей деревнѣ, но въ то же время торжественно возставалъ противъ неограниченной власти своего короля. (М. Бобржинскій — „Очеркъ исторіи Польши". Т. II, Спб. 1891 г.). Постепенно развиваясь, шляхетскія права дошли до того, что сама королевская власть подпала зависимости отъ шляхты: польскій престолъ въ XVI вѣкѣ окончательно сдѣлался избирательнымъ, а избирала королей шляхта. Постановленія сеймовъ могли быть останавливаемы однимъ голосомъ какого-нибудь шляхтича: ему достаточно было сказать „nie pozwalam" (не позволяю), и рѣшеніе сейма теряло всякую силу. Было бы нелѣпостью, — замѣчаетъ одинъ писатель,—если бы при такомъ всемогуществѣ шляхты хлопъ не былъ обращенъ въ полнаго раба и не потерялъ своихъ послѣднихъ правъ.

Порабощеніе хлоповъ сопровождалось полнымъ ихъ обѣднѣніемъ. Вслѣдствіе произвольныхъ поборовъ владѣльцевъ или ихъ „экономовъ" (управляющихъ), кмѣти и крѣпостные потеряли возможность исправно уплачивать за землю „чиншъ" и другія денежныя повинности. Вслѣдствіе этого, не только въ отношеніи собственно крѣпостныхъ, но и кмѣтей, денежныя повинности были замѣнены *панщиною, барщиною* (обязательная работа крестьянъ на помѣщика). Барщина была очень тягостна. Сперва она

была ограничена однимъ днемъ въ недѣлю, позже число дней возросло до 2, 3, 4, наконецъ, дѣло дошло до того, что барщину отбывали крестьяне въ теченіи 6 дней, пользуясь для своихъ личныхъ работъ только воскресеньемъ. Рядомъ съ этой барщиной, такъ сказать, урочной или обыкновенной, шелъ длинный рядъ „даремщинъ“ (даровыхъ работъ на владѣльца). Даремщины мало-по-малу достигли колоссальныхъ размѣровъ. Всѣ эти повинности были тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ менѣе состоятеленъ былъ самъ владѣлецъ. Чѣмъ больше разорялась шляхта, чѣмъ сильнѣе разстраивались помѣстья, тѣмъ тяжелѣе дѣлалось положеніе крестьянина, тѣмъ безпощаднѣе была система обложенія.

Къ сказанному надо прибавить, что владѣльцы всегда могли по произволу мѣнять отведенные крестьянамъ надѣлы и даже совершенно отбирать ихъ. Едва крестьянинъ успѣвалъ, благодаря своимъ усиліямъ, улучшить запашку, какъ она отъ него отбиралась и отдавалась другому, снискавшему большее расположеніе самого владѣльца или его управляющаго.

Жизнь крестьянина даже въ XVIII ст. цѣнилась очень дешево. Напротивъ того, сами крестьяне за маленькую провинность подлежали жестокимъ наказаніямъ. Паны могли „казнить своихъ людей, вѣшать, лишать ихъ членовъ“. При слѣдствіи употреблялись пытки, которыя въ XVII вѣкѣ сдѣлались особенно разнообразными и жестокими. Обыкновенно, когда дѣло доходило до суда, пытки производились палачами при помощи разнообраз-

ныхъ инструментовъ и орудій. Но еще до суда, при первоначальномъ дознаніи и слѣдствіи, помѣщики пускали въ ходъ, по своему усмотрѣнію, очень изощренныя пытки: не говоря уже о сѣченіи розгами, битьѣ палками, обвиняемыхъ подвергали вѣшанью на балкахъ въ сараяхъ за кисти рукъ, сдавливали имъ пальцы, клали за пазуху горячіе уголья и т. д. Словомъ, каждый шляхтичъ, даже экономъ, арендаторъ, могъ дѣлать съ обвиняемымъ крестьяниномъ все, что приходило въ голову въ данную минуту. А каковы были наказанія въ ту пору, видно изъ того, что за воровство полагалось повѣшеніе, за побѣгъ—или то же наказаніе, или обрѣзываніе носа и ушей, за убійство—отсѣченіе руки, потомъ головы и т. д.

Всѣ эти ужасы продолжались до конца XVIII столѣтія. Хотя тогда и русскимъ крестьянамъ житье было не красное, но если русскій посолъ въ Варшавѣ, князь Репнинъ, въ 1768 г. счелъ нужнымъ вступиться за польскихъ крестьянъ, то можно себѣ представить, какова была участь послѣднихъ. Репнинъ настоялъ на томъ, что сеймъ изъялъ производства уголовныхъ дѣлъ надъ крестьянами изъ вѣдѣнія самихъ пановъ. Впрочемъ, это ограниченіе существовало только на бумагѣ да на словахъ; въ дѣйствительности же продолжало творится то же самое, что и прежде.

Немудрено, что безпристрастные очевидцы рисовали польскихъ крестьянъ въ самыхъ печальныхъ краскахъ. Такъ, одинъ изъ путешественниковъ по Польшѣ, Коксъ, путешествіе котораго по этому

Поляки, женихъ и невѣста въ подвѣнечномъ нарядѣ, изъ окрестностей города Ловича, Варшавской губ.

(Съ фотографіи Дашковскаго этнографическаго музея въ Москвѣ).

краю относится къ 1778 году, называя Польшу самою бѣдною европейскою страною, говоритъ, что „польскій крестьянинъ самый бѣдный ея житель. Крестьянинъ имѣетъ дикій видъ, темное, загорѣлое, почти черное лицо, тощія щеки, впалые глаза. Общая апатія дѣлаетъ его одинаково равнодушнымъ, какъ къ радости, такъ и къ скорби. „Передъ моимъ взоромъ,—писалъ другой наблюдатель того же времени, полякъ Сташицъ,—стоятъ $^5/_6$ польскаго народа. Я вижу милліоны несчастныхъ созданій, полунагихъ, прикрытыхъ шкурами и грубыми тканями, обезображенныхъ грязью и дымомъ, съ впалыми глазами, тяжело дышащихъ, забитыхъ, угрюмыхъ, отупѣвшихъ; они мало чувствуютъ, мало думаютъ; въ нихъ едва примѣтна разумная душа. Пищею имъ служитъ хлѣбъ, смѣшанный съ мякиной; въ продолженіе четверти года они ѣдятъ только травы. Пьютъ они воду и водку, живутъ въ хижинахъ, едва поднимающихся надъ землею, куда не заглядываетъ солнце, гдѣ дымъ и испаренія душатъ человѣка и убиваютъ его уже въ дѣтствѣ. Изнуренный дневною работою, отецъ семьи спитъ тамъ на гнилой соломѣ съ своими нагими дѣтьми, на томъ же логовищѣ, на которомъ стоитъ корова съ теленкомъ и лежитъ свинья съ поросятами“. До такого ужаснаго состоянія доведенъ былъ польскій крестьянскій людъ.

Всѣ попытки хоть сколько-нибудь облегчить положеніе несчастныхъ разбивались въ прахъ передъ нежеланіемъ шляхты поступиться своими безграничными правами. Такую, напримѣръ, участь испы-

тала попытка графа Замойскаго, который въ 1780 г. предлагалъ лишь очень незначительныя улучшенія въ положеніи крестьянъ, но тѣмъ не менѣе онъ вызывалъ противъ себя на сеймѣ цѣлую бурю.

Въ текущемъ столѣтіи нѣкоторыя улучшенія въ законодательствѣ о польскихъ крестьянахъ не могли не повліять на измѣненіе къ лучшему и положенія „хлоповъ“ въ Польшѣ. Но само помѣщичье, шляхетское, сословіе, какъ и прежде, не обнаруживало желанія слѣдовать въ отношеніи къ подвластнымъ крестьянамъ сколько-нибудь мягкимъ, человѣчнымъ началамъ.

Печальное положеніе польскаго крестьянства всего сильнѣе бросалось въ глаза иностранцамъ. Вотъ какими красками изображалъ въ 1851 году одинъ заѣзжій „европеецъ“ польскую деревушку: „То, что лежитъ теперь передъ нашими глазами, походитъ на кучу старой соломы, перепрѣвшей и почернѣвшей отъ многолѣтнихъ дождей и отъ лучей солнца. Это самая деревня! Вся она приняла одинъ сѣроватый цвѣтъ, которымъ обыкновенно время окрашиваетъ все отжившее. Избушки представляютъ жалкія строенія, сколоченныя изъ толстыхъ досокъ и покрытыя соломой и тростникомъ. Длина ихъ соразмѣрна длинѣ досокъ, употребленныхъ на постройку, ибо доска должна доставать отъ одного угла дома до другого. У каждаго конца доски выемка, куда вкладывается доска другой стороны квадрата. Доска слѣдуетъ за доской, и такъ образуется большой четырехугольный ящикъ,

который внутри двумя перегородками раздѣляется на три отдѣленія. Среднее отдѣленіе, какъ самое большое, оставляется для жилья, служитъ и для приготовленія пищи и для тепла; оно не доходитъ до потолка, и на его верхней площадкѣ помѣщаются ночью дѣти и работники. Не мягко, — зато тепло. Въ каждой стѣнѣ жилой избы продолблено по маленькому окну. Для наружнаго вида избы также не сдѣлано ничего; не видно ни штукатурки, ни краски,—щели между досками забиты мохомъ и тряпками, которые защищаютъ отъ вѣтра. Поблизости отъ лачуги находятся стойла для быковъ и овинъ изъ сосновыхъ брусьевъ; плетень окружаетъ все это строеніе и образуетъ дворъ. Изъ такихъ-то хижинъ состоитъ деревня въ Польшѣ, и жаль бѣдныхъ людей, осужденныхъ жить въ такихъ унылыхъ гнѣздахъ. Нѣтъ ничего отраднаго для взора, все отвратительно и мрачно, и вся деревня, по причинѣ большого пространства, на которомъ раскинуты избы, кажется мертвой пустыней". Далѣе авторъ выясняетъ и причины столь печальнаго положенія польскихъ деревень.

„Если крестьянинъ старательно обрабатываетъ свой участокъ и получаетъ обильную жатву, то помѣщикъ не задумается обрѣзать у него поле. Посчастливится ли крестьянину въ скотоводствѣ, заведетъ ли онъ нѣсколько лишнихъ воловъ или овецъ, помѣщикъ—тутъ какъ тутъ,—и лишній скотъ отбирается на томъ же основаніи, т.-е., что крестьянинъ не въ правѣ владѣть ничѣмъ, кромѣ того, что получилъ отъ помѣщика. Крестьянину позволяется

только замѣнить павшее или зарѣзанное животное другимъ. Желающій нажить себѣ что-нибудь отъ скотоводства долженъ прибѣгнуть къ плутнямъ, и всячески скрывать свою скотину (къ чему не мало способствуютъ луга, находящіеся въ лѣсной глуши) и потомъ ловко сбыть ее на рынкѣ въ ближайшемъ городѣ. Всевозможныя мошенническія уловки употребляетъ крестьянинъ, чтобы уберечь свою собственность отъ варварской руки помѣщика, который, узнавъ, что онъ продалъ скотъ, непремѣнно потребуетъ отъ него деньги". Теперь по Высочайшему повелѣнію императора Александра II, польскіе крестьяне получили полную свободу съ значительными земельными надѣлами; но освобожденіе это состоялось только въ 1864 г.

ГЛАВА III.

Вліяніе освобожденія польскихъ крестьянъ на ихъ благосостояніе.—Хозяйственный бытъ крестьянъ.—Жилища, одежда, пища.—Занятія: хлѣбопашество, огородничество, скотоводство и различные промыслы.

Въ предыдущей главѣ мы очертили то плачевное состояніе, до какого доведено было польское крестьянство долговременнымъ гнетомъ своихъ пановъ. Какъ велико было количество крестьянъ, находившихся въ зависимости отъ послѣднихъ, можно судить по тому, что изъ $3^1/_2$ милліоновъ душъ обоего пола, составлявшихъ сельское населеніе Привислинскаго края въ 1859 году, собственниковъ было всего лишь 22.000 человѣкъ, или $^1/_2$ процента; остальное же населеніе состояло изъ 2 милліоновъ земледѣльцевъ, пользовавшихся землею за взносъ панамъ чинша и за барщину, изъ 1.400.000 батраковъ, поденщиковъ, дворовыхъ, вообще разнаго безземельнаго люда. Вся эта масса сельскаго населенія томилась подъ властью помѣщиковъ. Изъ этого бѣдственнаго положенія сельское населеніе было выведено указомъ императора Всероссійскаго Александра II отъ 19-го февраля 1864 года. По этому указу, земли, находившіяся въ пользованіи крестьянъ, поступили въ полную ихъ собствен-

ность за извѣстное вознагражденіе помѣщикамъ. Затѣмъ чрезъ два года, указомъ 21-го октября 1866 г., получили надѣлъ крестьяне, до тѣхъ поръ вовсе неимѣвшіе земли; имъ отведены были участки изъ земель, принадлежавшихъ казнѣ и церкви.

Эти мѣры отеческой заботливости русскаго царя о благѣ польскихъ крестьянъ не замедлили принести самые плодотворные результаты. Извѣстно, что въ Привислинскомъ краѣ климатъ болѣе мягкій, чѣмъ въ сосѣднихъ губерніяхъ Европейской Россіи: въ немъ не бываетъ ни такихъ страшныхъ жаровъ и засухъ, ни такихъ холодовъ, какъ въ послѣднихъ. Все это, съ одной стороны, болѣе обезпечиваетъ урожаи, а съ другой—доставляетъ крестьянамъ много лишняго времени для производства сельскихъ работъ. Эти благопріятныя условія не могли выгодно повліять на хозяйственный бытъ польскаго крестьянина во время крѣпостного состоянія, когда онъ большую часть своего времени и труда долженъ былъ посвящать обязательнымъ работамъ въ пользу пановъ. Зная, что плоды его трудовъ поступятъ во всякомъ случаѣ не въ его пользу, онъ относился къ хозяйству кое-какъ. Но лишь только ему дана была русскимъ императоромъ свобода съ земельнымъ надѣломъ—все измѣнилось. Съ удвоенною энергіей принялся онъ за трудъ и вскорѣ достигъ замѣчательной степени благосостоянія. „Общее впечатлѣніе, выносимое наблюдателемъ,—писалъ одинъ русскій хозяинъ, заѣхавшій въ Польшу,—впечатлѣніе благоденствія и несравненно лучшаго обезпеченія жизни сравнительно съ

нашимъ суровымъ, неблагопріятнымъ краемъ. Климатъ очень хорошій: продолжительное лѣто, долгая и теплая осень, отсутствіе лѣтнихъ жаровъ и засухъ и сильной стужи зимою, легко обрабатываемая почва, при избыткѣ влажности, облегчая трудъ воздѣлыванія, представляютъ земледѣльцу въ полтора разъ большее число рабочихъ дней (лѣтнихъ) противъ нашего. Одно уже сказанное климатическое условіе (продолжительность лѣтняго періода, обнимающаго почти 8 мѣсяцевъ) носитъ въ себѣ источникъ значительной доли благосостоянія, допуская возможность съ тѣми же средствами (количествомъ рабочихъ рукъ въ семьѣ, количествомъ скота, орудій и т. п.) обработать лучше и сравнительно большее пространство земли. Кратчайшая зима ослабляетъ потребность въ запасахъ зимняго корма для скота, дозволяя болѣе работать на себя. Отсутствіе сильныхъ холодовъ позволяетъ обходиться съ болѣе легкими и дешевыми жилыми постройками, которыя и поэтому и вслѣдствіе большаго избытка средствъ, несравненно лучше нашихъ; а значительно большая мягкость климата дѣлаетъ возможнымъ разведеніе такихъ цѣнныхъ растеній, которыя либо вовсе не выдерживаютъ нашего климата, либо требуютъ усиленной культуры (озимая пшеница, просо, клеверъ и пр.). Это благоденствіе, будучи слѣдствіемъ совокупности сказанныхъ причинъ естественныхъ, есть не менѣе того слѣдствіе свободы, возникшей, какъ извѣстно, не такъ давно, но быстро внесшей въ бытъ народа

такой запасъ силъ, которымъ въ прежнее время, по общему отзыву, нигдѣ похвалиться не могли".

Уже внѣшній видъ польскаго селенія является живымъ признакомъ достатка, разлитаго въ населеніи. Вотъ передъ нами село: по правильно отбитой прямой и широкой улицѣ, съ одной ея стороны тянутся крестьянскія хаты. Хаты эти не жмутся одна къ другой такъ, какъ въ великорусскихъ селеніяхъ: между ними непремѣнно есть хотя и небольшіе промежутки. Это обстоятельство значительно ослабляетъ опасность распространенія пожаровъ. Притомъ около хатъ виднѣются сады съ деревьями, цвѣтами. Селеніе не велико, но какъ привѣтливо оно смотритъ! [1]).

Въ постройкѣ хатъ хотя и сказывается вѣрность прадѣдовскимъ архитектурнымъ пріемамъ, но не видно того же убожества, и онѣ всячески съ успѣхомъ выполняютъ свое назначеніе — служить кровомъ, хотя и трудолюбивому, пекущемуся о своихъ интересахъ, но нетребовательному обитателю.

---

1) Въ Польшѣ нѣтъ обширныхъ селеній, какія часто встрѣчаются въ губерніяхъ Европейской Россіи собственно. Въ Воронежской губерніи есть, напр., с. Бутурлиновка съ населеніемъ въ 30,000 душъ. Если такія селенія составляютъ исключеніе и въ Европейской Россіи, то, во всякомъ случаѣ, села съ числомъ жителей въ 3, 4 и даже 5 тысячъ душъ—вовсе не рѣдкость. Не то въ Польшѣ. Всѣ поселки въ Польшѣ состоятъ изъ десятка, двухъ, много пяти десятковъ домовъ. Если же Польша является болѣе населенною, т.-е. на одну квадратную версту въ ней оказывается жителей больше, чѣмъ у насъ, то это зависитъ отъ того, что самое количество населенныхъ мѣстъ въ ней значительнѣе, другими словами—селенія въ ней встрѣчаются чаще.

Называются онѣ халупами и строятся обыкновенно изъ сосновыхъ брусьевъ, толщиною вершка въ $2^1/_2$—3, рѣдко болѣе. Крупный лѣсъ въ жилыхъ постройкахъ встрѣчается гораздо рѣже такихъ брусьевъ. Снаружи стѣны смазываются по швамъ глиною и бѣлятся известью, что сообщаетъ селеніямъ веселый, привѣтливый видъ. Крыши дѣлаются соломенныя, съ очень крутымъ скатомъ, благодаря чему онѣ не задерживаютъ въ себѣ воды и служатъ лѣтъ по 30.

Жилое помѣщеніе находится по серединѣ хаты, а рядомъ съ нимъ комора или кладовая. Самую важную часть жилья составляетъ обширныхъ размѣровъ печь. Она занимаетъ громадное пространство и прилегаетъ къ надворной продольной стѣнѣ хаты, находясь на ея серединѣ. Печь состоитъ изъ трехъ частей: большой печи и топки, выходящей въ сѣни, откуда производится отопленіе зимою, и малой кухонной (пекарной) печи, между большою печью и топочною ея частью. Малая печь служитъ постоянно для приготовленія пищи. Любопытно, что часть стѣны у того мѣста, гдѣ стоитъ печь, отсутствуетъ, такъ что самая печь выходитъ наружу. Поэтому значительная часть тепла выдѣляется печью прямо на воздухъ и пропадаетъ совершенно даромъ для внутренняго помѣщенія. Вѣроятно, такое устройство дается ради сбереженія мѣста.

Видное мѣсто удѣляется внутри жилого помѣщенія образамъ. Затѣмъ слѣдуютъ разныя хозяйственныя принадлежности — столъ, лавки, утварь, кровати.

На дворѣ располагаются разныя помѣщенія для скота. Надворныя постройки дѣлаются изъ тонкаго кругляковаго лѣса, преимущественно изъ сосны, и, какъ хата, кроются соломою, но въ самомъ расположеніи ихъ замѣчается большее или меньшее разнообразіе. Такъ, иногда нѣсколько построекъ соединяются въ одну общую связь и подводятся подъ одну крышу; иногда же почти каждый маленькій сарайчикъ ставится отдѣльно.

Необходимую принадлежность крестьянскихъ усадебъ составляютъ огороды и сады. Польскіе крестьяне любятъ пирамидальные тополи, а потому ихъ мы видимъ почти возлѣ каждой усадьбы: часто самое селеніе еще скрывается гдѣ-нибудь за пригоркомъ, а горделиво возвышающіеся тополи уже указываютъ на его близость. Не рѣдкость передъ хатами и цвѣтники, въ которыхъ главную роль играютъ штокъ-розы и георгины.

Одежда польскихъ крестьянъ разнообразится больше, чѣмъ ихъ жилища, и описаніе ея завело бы насъ слишкомъ далеко. О ней лучше всякаго описанія дадутъ понятіе прилагаемые рисунки. Просматривая эти рисунки, нельзя не замѣтить въ костюмахъ нѣкотораго своеобразнаго шика и франтовства.

Пища у польскихъ крестьянъ преобладаетъ мучнистая. Ѣдятъ они обыкновенно четыре раза въ день: утромъ у нихъ бываетъ завтракъ (snidanie), около полудня — обѣдъ, подъ вечеръ—паужинъ (podwieczorek), наконецъ, вечеромъ—ужинъ (colacya); за завтракомъ употребляютъ такъ называемый журъ

(zur),—родъ похлебки изъ воды и муки, съ картофелемъ и хлѣбомъ. Обѣдъ состоитъ обыкновенно изъ двухъ блюдъ. За обѣдомъ подаются: квашеная капуста съ тертымъ горохомъ, галушки съ солониной, творогомъ или сметаной, картофель съ кислымъ молокомъ, мясо, различная зелень—брюква, морковь, бураки (свекла). Въ паужинъ ѣдятъ хлѣбъ съ творогомъ, лукомъ и молокомъ, яичницу, хлѣбъ съ масломъ или сыромъ. Ужиномъ служатъ вареныя овощи въ молокѣ съ клецками изъ ржаной муки, также картофель.

Главную, самую существенную отрасль крестьянскаго хозяйства составляетъ, разумѣется, земледѣліе. Сѣютъ рожь, пшеницу, просо, овесъ, горохъ, гречу, ячмень, разводятъ также въ большомъ количествѣ картофель, составляющій важный питательный продуктъ. Большою славою пользуется пшеница *сандомирка.* Она отличается величиною зерна и бѣлизною доставляемой ею муки [1]).

Земледѣльческія работы въ Польшѣ начинаются ранѣе, чѣмъ въ соотвѣтствующихъ широтахъ Россіи, и продолжаются дольше. Располагая большимъ количествомъ рабочихъ дней, крестьяне не принуждены спѣшить работами. Безъ напряженія силъ

---

[1]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ генеральный консулъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Равичъ, отправилъ изъ Польши въ Нью-Іоркъ партію этой пшеницы. По испытаніи послѣдней, министерство торговли разослало ее наиболѣе виднымъ землевладѣльцамъ Штатовъ съ предложеніемъ, чтобы они позаботились развести у себя этотъ превосходный сортъ пшеницы.

они успѣваютъ справляться съ послѣдними при небольшомъ количествѣ рабочаго скота. Поэтому и скота у нихъ немного. Обыкновенно они держатъ пару лошадей, или воловъ, пару коровъ, двухъ телятъ. Немного и хозяйственныхъ орудій: одна двуконная фура, одна соха (также парная), двѣ бороны—вотъ и все. Обработка земли производится парою лошадей или воловъ, потому что хотя почва для обработки легка, но сохи, употребляемыя при этомъ, отличаются тяжестью. Результаты обработки обыкновенно бываютъ очень успѣшные. Средній урожай получается самъ 4,4, превосходя даже урожай губерній нижневолжскихъ и заволжскихъ, а извѣстно, что эти губерніи (особенно Самарская) слывутъ за житницу Россіи. Если въ Привислинскомъ краѣ нѣтъ такого количества хлѣба, что съ уборкою его нѣтъ возможности справиться, то здѣсь не знаютъ и такихъ засухъ, когда почти весь хлѣбъ погибаетъ. Особенно обильные сборы даетъ картофель: въ этомъ отношеніи ни одна мѣстность Россіи не сравнится съ Привислинскимъ краемъ.

Въ Варшавской губерніи, кромѣ упомянутыхъ растеній, разводится еще свекловица для производства сахара. Хотя бураки выращиваютъ у себя почти всѣ крестьяне, если только не желаютъ остаться безъ этого довольно важнаго подспорья въ пищѣ, но дѣлаютъ это для своихъ домашнихъ потребностей. Сахарная же свекловица разводится преимущественно въ Варшавской губерніи, уступающей по количеству свекло-сахарныхъ планта-

ціи только губерніямъ Кіевской, Подольской и Харьковской.

Огородничествомъ занимаются всѣ крестьяне, но и оно ведется почти исключительно для собственнаго домашняго обихода. Только въ томъ случаѣ, если у крестьянина остается избытокъ овощей, обыкновенно незначительный, произведенія огородничества попадаютъ на рынокъ ближайшаго города, посада или мѣстечка. Покупателями излишка огородныхъ произведеній являются по деревнямъ евреи, арендующіе иногда также крестьянскіе сады и огороды; они же бываютъ арендаторами садовъ и огородовъ въ городахъ. Изъ крестьянскихъ хозяйствъ, отдаленныхъ отъ мѣстъ сбыта, овощи въ продажу вовсе не поступаютъ. Недостатокъ въ мѣстныхъ продуктахъ огородничества восполняется привозомъ изъ сосѣднихъ губерній имперіи или даже изъ-за границы. Между тѣмъ, будь огородничество болѣе развито, крестьяне отъ сбыта его продуктовъ могли бы имѣть изрядную прибыль.

Скотоводство у польскихъ крестьянъ далеко не можетъ похвалиться такимъ процвѣтаніемъ, какъ хлѣбопашество. Увеличивается оно очень слабо. Особенно замѣчательныхъ породъ скота нѣтъ. Точно также и лошади не обладаютъ высокими качествами: онѣ малорослы и слабосильны. Породистыя лошади разводятся помѣщиками. Что касается овцеводства, то крестьяне ограничиваются только разведеніемъ простыхъ овецъ. Тонкорунныя овцы составляютъ почти исключительную принадлежность помѣщичьихъ хозяйствъ. Причина, пре-

пятствующая крестьянамъ содержанію тонкорунныхъ овецъ, заключается въ томъ, что уходъ за ними труднѣе. Тонкорунныя овцы требуютъ хорошихъ, сухихъ пастбищъ, а крестьяне очень часто располагаютъ для пастбищъ низкими мѣстами и лѣсными участками, пригодными только для овецъ неприхотливыхъ, грубошерстныхъ. Между тѣмъ, обширное развитіе въ Польшѣ шерстяного производства могло бы, при распространеніи у крестьянъ тонкоруннаго овцеводства, доставить имъ не малый доходъ отъ сбыта шерсти на мѣстныя фабрики. Теперь же крестьяне должны ограничиваться удовлетвореніемъ только своихъ собственныхъ потребностей.

Немаловажную отрасль хозяйства въ краѣ составляетъ разведеніе различной птицы. Птицеводствомъ занимаются во всѣхъ селеніяхъ, и птица сбывается на городскихъ базарахъ. Въ южныхъ губерніяхъ края получило большое развитіе разведеніе гусей и индѣекъ, отправляемыхъ и за границу.

Пчеловодство издавна играло важную роль въ Польшѣ. Оно давало матеріалъ для знаменитыхъ въ старину польскихъ *медовъ*. И теперь еще оно составляетъ предметъ занятій многихъ польскихъ крестьянъ, но больше всего распространено оно въ губерніяхъ Люблинской, Сѣдлецкой и Калишской.

Такъ называемые кустарные промыслы далеко не имѣютъ въ Привислинскомъ краѣ того значенія и того развитія, какія получили они у насъ, въ промышленныхъ губерніяхъ Великороссіи. Извѣстно,

что въ этихъ губерніяхъ существуетъ масса мелкихъ крестьянскихъ производствъ, издѣлія которыхъ находятъ значительный сбытъ на сторонѣ. Въ Польшѣ не то. Если здѣсь мелкіе промыслы гдѣ и встрѣчаются, то въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ и при томъ въ мѣстностяхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ промышленныхъ центровъ, гдѣ фабричныя издѣлія не успѣли еще вытѣснить крестьянскихъ рукодѣлій. Домашнее производство все болѣе и болѣе суживается, такъ какъ оно не можетъ выдержать соперничества съ продуктами фабрикъ. Крестьяне предпочитаютъ запасаться на мѣстныхъ ярмаркахъ фабричными издѣліями. Однако, еще сохранилась домашняя выдѣлка пряжи, холста, суконъ, войлоковъ, сапоговъ, ситъ. Изготовленіемъ пряжи занимаются крестьянки въ зимнюю пору, когда есть свободное для этого время. Изготовленіе холста было очень значительно до устройства полотняной фабрики въ Жирардовѣ: тогда крестьянскій холстъ находилъ себѣ сбытъ даже за предѣлами края. Какіе размѣры имѣетъ это изготовленіе теперь, сказать трудно, потому что относящіяся къ этому свѣдѣнія не восходятъ далѣе 1870 года. Вблизи промышленныхъ центровъ живутъ ткачи, которые выдѣлываютъ холстъ изъ пряжи, получаемой съ фабрикъ. То же самое можно замѣтить и о выдѣлкѣ суконъ. Въ Варшавской и Люблинской губерніяхъ крестьяне изготовляютъ изъ валеной шерсти шляпы, туфли, сапоги (валенки). Есть мѣста, гдѣ населеніе занимается выдѣлкою въ значительныхъ размѣрахъ сапоговъ. Въ мѣстечкѣ

Полька, новобрачная, изъ окрестностей города Ловича, Варшавской губ.
(Съ фотографіи Дашковскаго этнографическаго музея въ Москвѣ)

Билгорай, Люблинской губерніи, идетъ приготовленіе изъ конскаго волоса ситъ. Этимъ дѣломъ занимаются старики, женщины и дѣти, а молодые парни сбываютъ готовыя сита въ Польшѣ и даже за ея предѣлами (въ Россіи, Пруссіи и Австріи).

Значительно шире распространены въ краѣ ремесленныя производства, средоточіемъ которыхъ служатъ города. Сюда относятся производства: сапожное, портняжное, столярное, плотничное, слесарное и другія подобныя. Но ими занимается не столько сельскій людъ, сколько городской (мѣщане, въ числѣ которыхъ не мало евреевъ).

Особенно же сильное развитіе въ Привислинскомъ краѣ получила фабрично-заводская промышленность.

Впрочемъ, для большей части польскихъ крестьянъ и не ощущается особенной надобности въ неземледѣльческихъ промыслахъ, такъ какъ уже одно хлѣбопашество достаточно вознаграждаетъ ихъ труды. Вѣдь и въ великорусскомъ краѣ различные промыслы получили развитіе тамъ, гдѣ земледѣліе не можетъ вознаграждать труды крестьянина. Недостатокъ промысловъ въ Польшѣ отражается печальнымъ образомъ на населеніи лишь тамъ, гдѣ почвенныя и климатическія условія неблагопріятствуютъ хлѣбопашеству. Такова страна курпиковъ (на сѣверѣ Польши, въ смежныхъ частяхъ Ломжинской, Плоцкой и Сувалкской губерній). Она представляетъ обширное пространство сыпучаго наноснаго песку, по которому путешественникъ ѣдетъ въ теченіе двухъ-трехъ дней, не видя за-

сѣянныхъ рожью полей и только изрѣдка встрѣчая вспаханные холмы, съ посѣвами картофеля или гречихи, а неподалеку отъ нихъ бѣдныя деревушки. Картофель является главнымъ растеніемъ, разводимымъ курпиками. Сѣятся также рожь, просо, греча, изрѣдка на лучшихъ мѣстахъ овесъ, ячмень, горохъ, но картофель преобладаетъ. Капуста и прочія овощи разводятся рѣдко и то лишь на низкихъ мѣстахъ, близъ деревень. Ленъ родится только въ нѣкоторыхъ деревняхъ, съ болѣе благопріятными почвенными условіями. Поддержкою хозяйства курпиковъ служатъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болотистые луга, дающіе въ сухіе года 10 — 100 возовъ сѣна, но зато въ дождливые года луга эти становятся совсѣмъ недоступными, обращаясь въ настоящія озера и трясины. Когда сѣна бываетъ много, курпики берутъ къ себѣ на зиму скотъ крестьянъ другихъ, прилежащихъ, уѣздовъ, такъ какъ своего скота у нихъ мало, а для удобренія полей весною нуженъ навозъ.

Не находя въ землѣ достаточныхъ средствъ къ существованію, курпики обращаются къ разнымъ стороннимъ промысламъ. Въ исходѣ весны и началѣ лѣта большія партіи ихъ отправляются снискивать пропитаніе полевыми работами въ другихъ губерніяхъ края. Немалое число курпиковъ занято перевозкой и переноской контрабанды [1]) съ прусской границы. Это незаконное занятіе оплачивается 2—4

[1]) *Контрабандой* называется тайный ввозъ иностранныхъ товаровъ, подлежащихъ оплатѣ пошлиной.

рублями за ночь (потому что производится обыкновенно въ ночное время), но сопряжено съ опасностью, потому что контрабандисты рискуютъ быть убитыми или загнанными въ трясину, откуда уже спастись трудно. Особенно тягостно бываетъ положеніе курпиковъ, когда бѣдная почва ихъ родины отказывается производить и тѣ скудные плоды, какіе они съ нея собираютъ въ благопріятные годы. Такъ, вслѣдствіе неурожая въ 1880 году, массы курпиковъ цѣлыми семьями пустились по міру собирать подаяніе.

ГЛАВА IV.

Сельское управленіе у польскихъ крестьянъ.—Сельскія общества (гмины), войты и др. лица сельскаго управленія.—Гминные суды.

Польскіе крестьяне имѣютъ управленіе, во многомъ отличающееся отъ того, какое существуетъ у русскихъ крестьянъ. До введенія нынѣшняго земельнаго устройства ихъ, т.-е. до 1864 года, вся власть находилась въ рукахъ помѣщиковъ или ихъ довѣренныхъ. Такъ, помѣщику принадлежала вліятельная должность войта (старшины). Если самъ помѣщикъ не желалъ исполнять эту должность, то передавалъ ее своему повѣренному, напр., своему управляющему. Отъ этого происходили большія злоупотребленія. Въ случаѣ какихъ-либо притѣсненій со стороны пана, крестьянамъ нечего было и думать защитить свои интересы. Поэтому въ 1864 году русскимъ правительствомъ введено было въ Польшѣ новое устройство сельскаго управленія. Сущность его заключается въ слѣдующемъ. Крестьяне-собственники одной деревни образуютъ сельское общество. Совершеннолѣтніе члены общества, имѣющіе свои дома, не исключая и женщинъ, самостоятельно ведущихъ хозяйство, собираются на сельскіе сходы, на которыхъ сами обсуждаютъ и рѣшаютъ

дѣла, касающіяся всего общества, напр., о раздѣлѣ находящейся въ общемъ пользованіи земли, о производствѣ между домохозяевами новой уравнительной раскладки налоговъ, о школахъ, — выбираютъ солтысовъ (мірскихъ старостъ) и пр. Нѣсколько сельскихъ обществъ составляютъ гмину—нѣчто въ родѣ русской волости. Но разница между гминой и этою волостью заключается въ томъ, что вѣдѣнію волости подлежитъ только сельское крестьянское населеніе съ его взаимными отношеніями, а гмина вѣдаетъ даже дѣла, относящіяся до живущихъ въ предѣлахъ гмины землевладѣльцевъ-некрестьянъ. Изъ всѣхъ, безъ различія вѣроисповѣданія, домохозяевъ гмины, владѣющихъ не менѣе, какъ тремя моргами земли, за исключеніемъ, однако же, духовныхъ лицъ и полицейскихъ чиновъ, образуются гминные сходы. Эти сходы обязательно созываются четыре раза въ годъ. На нихъ избираются должностныя лица гмины, именно войты, лавники (судьи), писаря, обсуждаются и рѣшаются вопросы, касающіеся всей гмины, напр., мѣры призрѣнія бѣдныхъ, устройство школъ, назначеніе и раскладка повинностей, распоряженіе принадлежащимъ гминѣ имуществомъ.

Войты, избираемые гминными сходами на три года, пользуются въ предѣлахъ своей гмины большимъ значеніемъ. Такъ, войтъ наблюдаетъ за исправнымъ отправленіемъ всякаго рода казенныхъ и гминныхъ повинностей, за исправнымъ содержаніемъ дорогъ, мостовъ, гатей, перевозовъ и т. д.; ему принадлежитъ завѣдываніе гминными суммами,

охраненіе гминнаго имущества, надзоръ за училищами, больницами и другими богоугодными заведеніями; онъ созываетъ гминные сходы, руководитъ ихъ совѣщаніями. Но, кромѣ того, на войтѣ лежатъ и полицейскія обязанности. Онъ объявляетъ распоряженія правительства, заботится объ охраненіи тишины, спокойствія и безопасности въ гминѣ. Помощниками войтовъ являются солтысы.

Такъ какъ войтами могутъ быть всѣ сельскіе обыватели, то, при значительности правъ, которыми располагаютъ войты, крестьяне, въ противоположность прежнему порядку вещей, когда войтами были исключительно помѣщики или ихъ довѣренные, могли бы пріобрѣсти большое вліяніе въ дѣлахъ гмины. Но на дѣлѣ, какъ и въ великорусскомъ краѣ, гдѣ въ волостные старшины попадаютъ нерѣдко недостойные, въ войты также нерѣдко избираются люди, которые вовсе не могутъ справляться со сложными обязанностями этой должности. Случается, что человѣкъ, извѣстный за умнаго и энергичнаго, не избирается крестьянами въ войты потому только, что таковой будетъ взыскателенъ. На выборъ войтовъ обнаруживаютъ вліяніе ксендзы и помѣщики. Для тѣхъ и другихъ выгоднѣе, если въ войты попадаетъ мямля и недалекій человѣкъ: всякій лишній способный человѣкъ въ гминѣ, облеченный властью, можетъ подрывать ихъ авторитетъ. Теперь къ занятію должностей войтовъ стремятся помѣщики, и число гминъ, гдѣ войтами состоятъ не крестьяне, а помѣщики—довольно значительно.

Въ сельскомъ строѣ Польши большое значеніе имѣютъ еще гминные суды. Обыкновенно одинъ такой судъ полагается на четыре гмины. Состоитъ онъ изъ предсѣдателя-войта, лавниковъ или членовъ отъ каждой гмины по одному, и писаря. Послѣдній вовсе не такая маленькая птица, какъ можно было бы думать, судя по его званію. Подобно нашимъ волостнымъ писарямъ, писаря гминные очень часто въ дѣйствительности орудуютъ всѣми дѣлами въ судѣ. Зачастую писарь ведетъ допросъ тяжущихся и свидѣтелей, составляетъ самое обвиненіе и рѣшеніе суда, а всѣ остальные члены суда съ войтомъ во главѣ играютъ роль куколъ. Конечно, это бываетъ главнымъ образомъ въ тѣхъ случахъ, когда предсѣдателемъ является какой-нибудь недалекій войтъ изъ крестьянъ. Если предсѣдателемъ состоитъ войтъ изъ помѣщиковъ, то онъ старается самъ руководить дѣлами.

Гминные суды вѣдаютъ тѣ же дѣла, какія подлежатъ разсмотрѣнію нашихъ мировыхъ судей. Вся разница заключается въ томъ, что гминные суды состоятъ изъ нѣсколькихъ лицъ (коллегіальные), а мировые—изъ одного.

ГЛАВА V.

Религіозная жизнь поляковъ.—Вліяніе ксендзовъ.—Поклоненіе разнымъ святынямъ.—Богомолье въ Ченстоховѣ. — Времяпровожденіе и обычаи народа въ праздничные дни на Рождествѣ, въ Масленицу, на Пасхѣ и т. п.

Познакомившись съ хозяйственнымъ бытомъ польскихъ крестьянъ и устройствомъ у нихъ управленія, перейдемъ теперь къ духовной ихъ жизни—ихъ религіи, нравамъ и обычаямъ.

Поляки считаются „добрыми католиками“. Дѣйствительно, они очень усердные исполнители обрядовъ своей религіи и усердные слуги папы и ксендзовъ (священниковъ). Свою власть въ народѣ ксендзы поддерживаютъ при помощи женскаго пола. Зная очень хорошо, что отъ матерей семействъ зависитъ воспитаніе дѣтей, ксендзы и стараются дѣйствовать на женщинъ и совершенно подчиняютъ ихъ своему вліянію. Они разжигаютъ въ нихъ фанатизмъ и нетерпимость къ другимъ религіямъ. До какой необузданности можетъ доходить фанатизмъ католичекъ, можно судить потому, что въ одной деревнѣ три бабы въ союзѣ съ двумя мужчинами побили своего односельца за то, что онъ присоединился къ православію.

Часто католическое духовенство пользовалось

религіею и для политическихъ цѣлей. Извѣстно, что во время возмущеній поляковъ противъ Россіи,—возмущеній, въ которыхъ принимали участіе преимущественно шляхта да городское мѣщанство,—ксендзы разжигали народныя страсти своими проповѣдями, процессіями и т. д.

Отсюда видно, что вліяніе ксендзовъ на народъ не всегда можетъ быть благопріятно: случается, что они воспитываютъ въ немъ фанатизмъ, нетерпимость къ другимъ религіямъ, суевѣрій же и предразсудковъ не искореняютъ. Въ ихъ личныхъ отношеніяхъ къ народу проглядываетъ шляхетское пренебреженіе къ „быдлу“ (скоту), такъ какъ сами они принадлежатъ почти всѣ къ сословію шляхты [1]).

Въ своихъ проповѣдяхъ польскіе ксендзы не стѣсняются въ выраженіяхъ, когда имѣютъ своими слушателями крестьянъ. Само собою разумѣется, что между ксендзами есть хорошіе люди, стоящіе на высотѣ своего призванія; но вообще католическое духовенство дѣйствуетъ далеко не въ духѣ умиротворяющей христіанской религіи.

Польскіе простолюдины любятъ ходить на поклоненіе разнымъ святынямъ своего края. Самую замѣчательную въ религіозномъ отношеніи мѣстность составляетъ городъ Ченстоховъ, въ Калишской губерніи, на самой границѣ съ Пруссіей. Городъ этотъ замѣчателенъ по находящейся въ мѣстномъ Ясногородскомъ монастырѣ Ченстоховской иконѣ Божіей Матери. На поклоненіе

[1]) Высшія духовныя должности занимаются даже представителями аристократіи.

Полька, крестьянская дѣвушка, 17 лѣтъ, изъ окрестностей Варшавы.
(Съ фотографіи Дашковскаго этнографическаго музея въ Москвѣ).

этой иконѣ стекаются ежегодно массы народа. Главный наплывъ богомольцевъ бываетъ 8-го іюня (нов. стиля) и 1-го сентября. Какъ онъ бываетъ великъ, можно судить уже по тому, что въ 1881 году, къ 1-му сентября, сошлось изъ разныхъ мѣстъ до 120.000 человѣкъ. „Многіе изъ паломниковъ, не разсчитывая попасть въ самый костелъ (описываетъ одинъ очевидецъ), расположились предъ его оградой; повсюду можно было видѣть группы молящихся, стоящихъ на колѣнахъ и даже распростертыхъ ницъ, лицомъ къ землѣ. Предъ входомъ въ костелъ давка была невообразимая. Всякій богомолецъ считалъ непременною обязанностью хотя издали взглянуть на чудотворную икону, которая помѣщалась внутри костела; но достигнуть этого стоило большого труда, смѣлости и даже риска, потому что входъ въ костелъ крайне тѣсный, и тутъ богомольцы тѣснили и давили другъ друга съ ожесточеніемъ. Попавъ въ общую народную волну, я цѣлъ и невредимъ былъ протиснутъ внутрь костела, гдѣ и озаботился пріютиться, по возможности, въ сторонѣ отъ напора, для чего и помѣстился у одной изъ колоннъ. Осмотрѣвшись, я замѣтилъ, что внутреннее помѣщеніе костела довольно обширно, но вмѣстить всѣхъ пришедшихъ на поклоненіе, конечно, не было никакой возможности. Наибольшій процентъ молящихся въ костелѣ были крестьяне, и въ ихъ средѣ большинство нищихъ. Спертый воздухъ отъ массы народа стѣснялъ дыханіе. Во всѣхъ углахъ раздавалось нестройное пѣніе, перемѣшанное съ говоромъ, такъ

какъ многіе молились, громко выкрикивая; каждый пѣлъ свое, не слушая другихъ; все это покрывалось гуломъ движущейся, тяжело дышащей толпы, стремившейся къ алтарю, у котораго находились ксендзы; пѣли ли они, читали ли или поучали народъ—разобрать было невозможно. Въ придѣлъ, гдѣ находилась чудотворная икона, вела узенькая дверца прямо на лѣстницу. Тутъ давка доходила до крайней степени. Люди задыхались, теряли сознаніе, не справившись съ напоромъ, летѣли внизъ по лѣстницѣ, увлекая за собою другихъ. Ихъ тѣснилъ новый приливъ богомольцевъ; успѣвшіе подняться оказывались изувѣченными (особенно доставалось женщинамъ); слышалась брань, проклятія; тузили другъ друга въ бока; забыто было мѣсто, гдѣ богомольцы находились, куда и къ чему стремятся... Наконецъ, мы въ придѣлѣ Ченстоховской Божіей Матери: маленькая келья, раздѣленная пополамъ бронзовой рѣшеткой, за которою и находится икона. Всѣ рвутся за рѣшетку—пр ложиться къ иконѣ; нѣкоторые фанатики пробираются къ иконѣ, проходя все пространство на колѣнахъ. Тутъ крики и тумаки еще чаще и усиленнѣе. Поминутно отъ безсилья и удушья люди теряютъ сознаніе; заботиться о ихъ некому, ожидать помощи напрасно, быть же придавленнымъ замертво — очень возможно. Вотъ раздается звонъ колокольчика. Идетъ впереди служка лѣтъ 40, а за нимъ ксендзъ, съ чашей. Толпа съ трудомъ даетъ имъ дорогу; раздвинуться некуда. Служка, сдѣлавъ на концѣ полотенца узелъ, ударяетъ всѣхъ

безъ разбора по лицу и по чему попало, прочищая дорогу, и ругаетъ направо и налѣво всѣхъ „свиньями“ и „быдлами“. И я, грѣшный, удостоился ощутить на себя вскользь прикосновеніе узла. Подойдя къ иконѣ, служители церкви что-то гнусливо запѣли, послышался троекратный звонокъ, и риза иконы поднялась кверху на подобіе театральнаго занавѣса; раздался оглушительный барабанный бой, заигралъ органъ... Народъ кинулся къ образу... Крики, вопли, плачъ—все смѣшалось въ одинъ нестройный гулъ. Далѣе не хватило силъ и нервовъ; работая руками и ногами, хотя и измятый, успѣлъ я выбраться на чистый воздухъ“. Въ 1882 году праздновался 500-лѣтній юбилей перенесенія иконы въ Ченстоховъ. На это торжество собралось „пилигримовъ“ еще больше: ихъ насчитывалось до 500.000 человѣкъ! Были богомольцы не только изъ Жмуди, Литвы, Познани и Галичины, но и изъ Силезіи и Западной Пруссіи.

Поляки любятъ пышныя религіозныя церемоніи, торжественныя процессіи и т. д.

Религіозные обычаи поляковъ во многомъ напоминаютъ обычаи русскихъ, въ особенности малороссовъ. Извѣстно, что благочестивые люди у насъ держатся обычая наканунѣ Рождества Христова не принимать пищи до восхода звѣзды. Этотъ обычай существуетъ и у поляковъ. Ревностные католики не приступаютъ къ обѣду ранѣе появленія звѣзды. Самый обѣдъ хотя и готовится постный, но справляется очень торжественно. На немъ должны присутствовать не только всѣ домочадцы, но и родные

и друзья, не справляющіе праздника у себя. Когда всѣ соберутся, зажигается въ хатѣ огонь, и хозяйка беретъ „oplatek“ (лепешка, замѣняющая нашу просфору) и каждаго надѣляетъ кусочками; затѣмъ всѣ дѣлятся кусочками облатки между собою. Послѣ этого начинается самый обѣдъ. Въ воспоминаніе того, что Спаситель родился въ ясляхъ съ сѣномъ, обѣденный столъ устилается сѣномъ. Обѣдъ состоитъ преимущественно изъ рыбныхъ блюдъ, число которыхъ у богатыхъ бываетъ до 9. Въ иныхъ мѣстностяхъ вслѣдъ за обѣдомъ устраивается елка, убираемая яблоками, орѣхами, пряниками. Елка остается до вечера слѣдующаго дня, когда украшающія ее яства отдаются домашнимъ ребятамъ, или стороннимъ, приходящимъ колядовать. Какъ и у насъ, наканунѣ Рождества дѣвушки занимаются гаданьемъ, слушая лай собакъ, или смотря на небо; гадаютъ также по воску, олову. Точно также у поляковъ парни въ Рождество обходятъ хаты, выбираютъ хозяевъ посостоятельнѣе, останавливаются передъ порогомъ и поютъ колядки, т.-е. пѣсни полу-религіознаго содержанія, за что получаютъ подачки, напр., хлѣбъ съ сыромъ. Рождественскіе праздники заканчиваются днемъ *трехъ царей* (который справляется въ январѣ). Въ этотъ день, въ память тѣхъ даровъ [1]), которые принесены были царями, пришедшими поклониться Спасителю, домохозяева несутъ въ костелъ золото, мирро и янтарь для освященія. Къ этому прибавляется еще кусокъ

---

[1]) „Злато, ливанъ и смирну“.

мѣла: по возвращеніи домой имъ на всѣхъ дверяхъ выставляютъ имена трехъ царей [1]), въ перемежку съ цифрами наступившаго года. Съ кануна трехъ царей начинается объѣздъ „пробощемъ“ (настоятелемъ или главнымъ ксендзомъ) своего прихода (парахіи): онъ экзаменуетъ дѣтей въ знаніи катехизиса и тѣмъ, которыя обнаружатъ хорошіи познанія, даетъ образки. Въ свою очередь, домохозяева, которыхъ посѣщаетъ пробощъ, благодарятъ его, чѣмъ могутъ.

Послѣ описанныхъ празднествъ до самаго великаго поста ничего особенно выдающагося не происходитъ. Правда, въ это время начинаются свадьбы, но свадебныя торжества справляются только тѣми, кто въ нихъ участвуетъ. Общихъ же празднествъ не бываетъ до масленицы. Съ наступленіемъ „запустовъ“—такъ называется у поляковъ масленица — настаетъ пора шумнаго, неудержимаго веселья; каждый старается отгуляться, насколько можетъ. Повсюду въ деревняхъ устраиваются пирушки, попойки, танцы. Запусты оканчиваются не въ воскресенье, какъ у насъ масленица, но двумя днями позже, т.-е. во вторникъ на первой недѣлѣ поста. Этотъ день и является временемъ самаго сильнаго разгара веселья. Уже спозаранку парни рядятся жидами, цыганами или медвѣдями, козлами и т. д., и въ такомъ видѣ ходятъ по деревнѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть обычай водить козу, которую изображаетъ изъ себя парень съ выворо-

---

[1]) Царей этихъ звали: Мелхіоръ, Гаспаръ и Валтасаръ.

ченнымъ вверхъ шерстью тулупомъ и деревянными рогами на головѣ. Такая „коза“ при звукахъ музыки и въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ путешествуетъ изъ дома въ домъ. Войдя въ домъ, коза скачетъ, бодается и выкидываетъ разныя штуки. А то выряжаются еще въ „запусты“: одѣвая вывороченный тулупъ, подвязываютъ его веревкой, а на голову одѣваютъ высокую шапку, украшенную лентами и цвѣтною бумагою. Запустъ служитъ олицетвореніемъ масленицы.

Въ первый день великаго поста, въ среду, которая у поляковъ носитъ названіе вступной (wstepna sroda), женщины объѣзжаютъ на возу, украшенномъ плахтами и полотенцами, всѣхъ молодыхъ, вышедшихъ замужъ въ томъ самомъ году. Передъ возомъ двѣ бабы отплясываютъ танецъ. Тамъ, гдѣ живетъ молодуха, возъ останавливается, и бабы, сопровождающія возъ, вызываютъ ее пѣніемъ, сажаютъ на возъ и ѣдутъ въ корчму. Передъ корчмою дѣлаютъ видъ, что хотятъ ее опрокинуть и требуютъ выкупа. Эта исторія повторяется съ каждою изъ вновь вышедшихъ замужъ. Въ корчмѣ бабы прыгаютъ, стараясь подскакнуть, какъ можно выше: чѣмъ выше каждая прыгаетъ, тѣмъ выше вырастетъ у нея ленъ. По правдѣ сказать, времяпровожденіе совсѣмъ не великопостное...

Но зато потомъ усердныя католички и католики стараются загладить вспышки разгула усерднымъ благочестіемъ и посѣщеніемъ костеловъ. Религіозно-великопостнымъ настроеніемъ мало-по-малу проникаются всѣ отъ мала до велика. Не только

по селамъ, но и по городамъ, во всѣхъ приходскихъ костелахъ отправляется особое дополнительное богослуженіе, называемое „passye“ (пассіи) или „gorzkie zale“ (страданія Христовы или горькая скорбь), состоящее въ пѣніи особыхъ пѣсенъ и кантовъ, трогательно изображающихъ исторію страданій Іисуса Христа. Богослуженіе это, совершаемое обыкновенно послѣ вечерни, привлекаетъ каждый разъ громадныя толпы народа. Собравшійся въ костелъ народъ, при первыхъ звукахъ пѣсни, начатой ксендзомъ, подхватываетъ ее всею массою мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ голосовъ, сливающихся вмѣстѣ съ органомъ въ одну гармонію.

Пѣсни о страданіяхъ Спасителя поются народомъ и дома. Сочинены онѣ были еще въ средніе вѣка монахами; особою поэтичностью и стихомъ не отличаются, но зато ихъ напѣвъ музыкаленъ и трогателенъ. Народу нравятся эти канты, онъ знаетъ ихъ наизусть и въ теченіе всего великаго поста распѣваетъ ихъ при своихъ ежедневныхъ занятіяхъ. Въ объятой вечернимъ мракомъ и тишиною деревенькѣ вы непремѣнно услышите звуки этихъ пѣсенъ, долетающіе до васъ изъ слабо освѣщенныхъ оконъ крестьянскихъ хатъ. Это поютъ женщины за прялкой, а имъ вторятъ мужчины, занимаясь своимъ дѣломъ.

На страстной недѣлѣ всюду начинаетъ ощущаться приближеніе великаго праздника Пасхи — „Wielkiej Nocy“. Въ великій четвергъ совершается процессъ уничтоженія жура, т.-е. постнаго борща. Для этого, наполнивъ горшокъ пепломъ, грязью и

разными нечистотами, разбиваютъ его о двери и окна хаты. Такъ народъ прощается съ постомъ. Въ костелахъ въ это время прекращается благовѣстъ въ колокола. Разставаясь съ постомъ, народъ готовится къ встрѣчѣ великаго праздника. Всюду наступаетъ лихорадочная дѣятельность: закупается громадное количество всякаго рода провизіи... Съ пятницы житейская озабоченность какъ бы прекращается; народъ стремится въ храмы—на поклоненіе гробу Спасителя. Въ городахъ, гдѣ костеловъ не одинъ, а часто по нѣскольку, благочестивые католики стараются обойти всѣ, и даже не одинъ разъ. Называется это „хожденіе по гробамъ“. Костелы въ это время стараются перещеголять одинъ другой своимъ убранствомъ: выставляются роскошныя растенія, устраиваются фонтаны и даже вывѣшиваются птички. Понятное дѣло, вся эта эффектная обстановка должна производить сильное впечатлѣніе на посѣтителей. При выходѣ изъ храма можно замѣтить покрытый богатымъ ковромъ столъ и сидящихъ за нимъ дамъ. Это—„kwesta“ — собираніе милостыни для бѣдныхъ. Въ Варшавѣ заранѣе (за недѣлю и болѣе) оповѣщается въ газетахъ, кто и гдѣ будетъ квестаркой (сборщицей). Въ этихъ спискахъ встрѣчаются имена наиболѣе видныхъ представительницъ мѣстнаго высшаго общества. Обычай требуетъ, чтобы всѣ знакомые посѣтили квестарку въ храмѣ и сдѣлали ей посильное приношеніе, но само собою разумѣется, что личныя качества квестарокъ привлекаютъ и болѣе и менѣе многочисленное количество и постороннихъ лицъ.

Въ самый день Пасхи, какъ и у насъ, послѣ церковной службы, происходитъ освященіе пасхальныхъ яствъ. Разговляясь, стараются не ронять крошекъ на полъ; косточки отъ мяса зарываютъ на полѣ въ землю въ увѣренности, что онѣ охранятъ поле отъ такихъ хищниковъ, какъ кроты и мыши.

Съ наступленіемъ праздника Пасхи начинается пора всеобщаго веселья, „спацерованья“—ничегонедѣланья. Въ это время почти невозможно ни купить себѣ булки, ни достать извозчика. Всѣ прячутся по домамъ. Даже Варшава, несмотря на все ея многолюдство, кажется какъ бы вымершею. Въ этомъ отношеніи польская Пасха совершенная противоположность русской, отличающейся оживленіемъ.

Впрочемъ, простой народъ по деревнямъ проводитъ время по-своему. Въ первый же день праздника молодые парни отправляются къ корчмѣ, и одинъ изъ нихъ, взобравшись на крышу, ударяетъ въ бубенъ и выкликаетъ имена дѣвушекъ, которыя будутъ облиты водою, что и приводится въ исполненіе на слѣдующій же день: спозаранку, взявъ ведра и корыта съ водою, парни отправляются по деревнѣ, ловятъ дѣвушекъ и окачиваютъ ихъ. Послѣднія могутъ избавиться отъ этой операціи, выставивъ парнямъ кварту водки. На другой день, во вторникъ, начинаютъ обливать водою уже дѣвушки парней, которые стараются куданибудь удрать. Этотъ обычай обливанія носитъ названіе *дынгуса.*

Около Троицына дня празднуются *зеленыя святки*. Этотъ праздникъ болѣе языческій, чѣмъ христіанскій.

Наканунѣ Иванова дня (23-го іюня) дѣвушки собираются въ полѣ, поютъ пѣсни, пляшутъ и скачутъ черезъ разведенный костеръ. Потомъ къ нимъ пристаютъ и парни, и тогда начинается общее веселье. Въ эту же ночь дѣвушки ходятъ искать папоротника и гадаютъ по вѣнкамъ, опускаемымъ въ воду, о своей судьбѣ. Обычай опусканія вѣнковъ на воду выполняется и въ Варшавѣ. Тутъ, на берегу Вислы, около Александровскаго моста, можно видѣть многочисленную толпу, собравшуюся на церемонію опусканія вѣнковъ. Но здѣсь обычай этотъ имѣетъ, кажется, не то значеніе, какое въ деревняхъ: тамъ по вѣнкамъ гадаютъ о судьбѣ, а въ Варшавѣ онъ носитъ характеръ древняго жертвоприношенія рѣкѣ, которую во времена языческія народъ старался умилостивить, потому что она своими разливами причиняла громадные ущербы населенію

ГЛАВА VI.

Обычаи при рожденіи. — Свадебные обычаи у поляковъ. — Сватовство, обрученіе, свадьба. — Обычаи при похоронахъ.

Родственность между собою разныхъ народовъ сказывается въ обычаяхъ, соблюдаемыхъ ими въ важныхъ событіяхъ жизни, каковы: рожденіе, свадьба, кончина. Въ отношеніи этихъ обычаевъ у поляковъ замѣчаются нѣкоторыя общія черты съ существующими у русскихъ, преимущественно у малоруссовъ. При рожденіи ребенка, первая и главная забота пріискать воспріемниковъ—кума и куму, а потомъ обезопасить новорожденнаго отъ сглаза или порчи („урока“). Какъ только ребенокъ родится, мать его посѣщаютъ родственники, кумъ и кума; хозяинъ дома чествуетъ ихъ. Это посѣщеніе носитъ названіе popieliny. Всякій, видящій новорожденнаго въ первый разъ, долженъ сплюнуть на сторону и проговорить: „na psa urok“, что дѣлается для устраненія порчи, вреда новорожденному. Точно также, чтобы не было порчи, прежде чѣмъ смотрѣть на него, слѣдуетъ поглядѣть на свои собственные ногти. Это соблюдается и въ отношеніи только что родившихся котятъ, цыплятъ и т. п. Чтобы снять съ ребенка уже причиненную ему порчу, берутъ 9 кусочковъ хлѣба и 9 угольковъ и

кладутъ въ стклянку съ водою, потомъ, обмочивъ въ этой водѣ руки, проводятъ мокрыми пальцами отъ чела ребенка чрезъ средину лица; послѣ этой процедуры даютъ той же воды ребенку напиться, а останки выливаютъ. Крестятъ дѣтей въ костелахъ. Послѣ крестинъ въ продолженіе трехъ дней не льютъ воды на ребенка, даже не моютъ ему голову. По возвращеніи изъ костела домой, крестный отецъ дѣлаетъ новорожденному подарокъ кладя въ его колыбель два злотыхъ, а женщины приносятъ масло, яйца и т. п. [1]). У богатыхъ въ хатѣ заготовляется угощеніе — мясо, супъ, водка. На другой день крестная мать и отецъ приносятъ къ новорожденному водку и пьютъ за его здоровье. Родители ребенка кормятъ ихъ и проводятъ время въ бесѣдѣ.

Посмотримъ теперь, какія существуютъ у польскихъ крестьянъ обычаи при заключеніи браковъ.

При первомъ взглядѣ на избу въ селеніи, — говоритъ г. Козловскій,—можно сказать, есть ли въ ней невѣста, желающая выйти замужъ или нѣтъ, такъ какъ, по принятому обычаю, на стѣнахъ избъ, гдѣ живетъ дѣвушка-невѣста, и на всѣхъ къ этой избѣ пристройкахъ дѣлаются бѣлыя черточки. Затѣмъ возлѣ такой хаты всегда прибрано: подъ дверями заметено, подъ окнами цвѣты, преимущественно ноготки и піоны, огороженные плетнемъ изъ хвороста. Такой порядокъ, по народному воз-

[1]) Это обыкновеніе есть и въ Малороссіи.

зрѣнію, служитъ признакомъ рекомендаціи и добрыхъ качествъ хозяйской домовитости дѣвицы.

Въ свадебныхъ обычаяхъ и обрядахъ поляковъ можно подмѣтить не мало общаго съ обычаями другихъ славянъ, преимущественно также малоруссовъ. Такъ, у малоруссовъ женихъ засылаетъ въ домъ невѣсты сватовъ или свахъ. То же дѣлается и у поляковъ. Напр., у куяковъ, какъ говоритъ извѣстный польскій этнографъ Оск. Кольбергъ, парень, задумавшій жениться, посылаетъ къ родителямъ дѣвушки „свашку“, съ которою отправляется и самъ. Свашка стучится въ дверь, и когда отворятъ, оставляетъ жениха за дверями [1]) и, входя въ избу, обращается съ вопросомъ:

— „Czy nie zabłgkal sie tu ggsior?“ (не заблудился ли у васъ гусь).

— „Nie“ (нѣтъ!) отвѣчаютъ ей.

Въ то время за дверями слышится покашливанье. „А, вонъ гусекъ, войди въ избу“. Тогда парень входитъ, кланяется въ ноги родителямъ и объявляетъ имъ о своемъ намѣреніи. А дѣвушка тѣмъ временемъ прячется за печь. Родители, вызвавъ ее, спрашиваютъ, желаетъ она или нѣтъ выйти замужъ за парня, и въ случаѣ согласія, даютъ свое благословеніе жениху и дочери. Потомъ пьютъ водку, принесенную нарочно свахою. Въ другихъ мѣстностяхъ обрядъ сватовства бываетъ нѣсколько иной. Парень, придя съ какимъ-

[1]) У малороссовъ есть также обычай оставлять самого сватающаго за дверью.

Полякъ, крестьянскій парень, 15 лѣтъ, изъ окрестностей Варшавы.
(Съ фотографіи Дашковскаго этнографическаго музея въ Москвѣ).

нибудь почетнымъ лицомъ къ дому невѣсты, начинаетъ пѣть подъ окномъ пѣсню, выражая въ ней свои чувства и намѣренія. Его приглашаютъ войти. Тогда онъ вынимаетъ принесенную имъ водку, пьетъ за здоровье родителей дѣвушки, а потомъ подчуетъ ее самоё. Если дѣвушка не откажется отъ вина — это служитъ выраженіемъ ея согласія на бракъ; если же не приметъ рюмки, то значитъ, она не желаетъ выйти замужъ.

Затѣмъ слѣдуютъ *заренчины*, что соотвѣтствуетъ нашему обрученію. Въ заренчины устраивается въ домѣ родителей невѣсты званый ужинъ. Гости усаживаются за столъ послѣ полуночи, когда первый разъ пропоетъ пѣтухъ. За ужиномъ невѣстинъ отецъ приноситъ двѣ миски, въ которыя женихъ и невѣста кладутъ свои кольца. Сваха кропитъ св. водою сперва кольца, а затѣмъ и всѣхъ присутствующихъ, послѣ чего наиболѣе почетное или старшее возрастомъ лицо мѣняетъ кольца жениха и невѣсты. Такъ совершается обрядъ обрученія. По обрученіи начинается пиръ, продолжающійся вплоть до утра.

Спустя нѣсколько дней послѣ заренчинъ, устраивается дѣвичникъ, называемый у поляковъ *„расплецины“*. Въ дѣвичникъ собираются подруги невѣсты и съ пѣснями заплетаютъ ей косу. Косу потомъ расплетаетъ старшій дружка со стороны жениха [1]). „Расплецины“ заканчиваются танцами.

Наканунѣ свадьбы невѣста сзываетъ гостей на

---

[1]) Обычай расплетанія косы существуетъ и у малоруссовъ.

предстоящій пиръ. Въ этотъ же день и невѣста, и женихъ исповѣдываются [1]). Въ самый день свадьбы передъ тѣмъ, какъ отправлять невѣсту подъ вѣнецъ, ее сажаютъ на квашню (дежу) и убираютъ голову, расчесывая волосы и украшая ихъ цвѣтами и лентами [2]). Въ продолженіе времени, пока невѣста приготовляется къ вѣнцу, дѣвушки поютъ свадебныя пѣсни. Когда она совсѣмъ бываетъ готова, родители благословляютъ ее, затѣмъ она обходитъ всѣхъ присутствующихъ, прощаясь съ родными и знакомыми. По пріѣздѣ за невѣстою жениха, всѣ отправляются въ костелъ. Свадебную процессію открываютъ музыканты, за которыми слѣдуютъ уже невѣста съ женихомъ, гости и т. п. [3]). Дорогою молодежь зажигаетъ иногда костры и перескакиваетъ чрезъ нихъ на коняхъ. Изъ-подъ вѣнца возвращаются обыкновенно не тѣмъ путемъ, какимъ ѣхали въ костелъ, а другимъ, для того, „чтобы смерть ошиблась дорогою“. Возвращеніе бываетъ еще шумнѣе: всю дорогу музыка, пѣсни и крики не умолкаютъ. Свадебный поѣздъ большею частью направляется въ домъ родителей не прямо, а предварительно заѣзжаетъ въ корчму. Дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы дать домашнимъ время приготовиться къ пріему гостей.

---

[1]) То же соблюдается и въ Малороссіи.

[2]) Подобное приготовленіе невѣсты къ вѣнцу—убираніе ея головы на дежѣ и т. д.—бываетъ и въ Малороссіи.

[3]) Сопровожденіе свадебнаго поѣзда музыкантами—точно также бываетъ и у малоруссовъ.

Когда всѣ соберутся въ домѣ, новобрачныхъ усаживаютъ за столъ. Обыкновенно болѣе почетные представители сельскаго міра, напр., ксендзъ, управляющій помѣщика и т. п. сажаются особо. Обѣдъ отличается не изысканностью блюдъ, а обиліемъ яствъ и выпивки. За обѣдомъ первымъ дѣломъ пьютъ за здоровье новобрачныхъ. Дѣло идетъ очень чинно и сдержанно, пока присутствуютъ почетные гости, но когда они удаляются, веселью дается полный просторъ. Старики открываютъ танцы — пройдя „польскій". Потомъ начинается мазурка, при чемъ дѣвушки, чтобы имъ удобнѣе было дѣйствовать ногами, снимаютъ башмаки. Только одна невѣста оставляетъ на ногахъ обувь. Къ танцамъ присоединяются также игры. Веселье продолжается напролетъ цѣлую ночь, а иногда и на слѣдующій день. Когда свадебное пиршество происходитъ не въ домѣ молодого, а у родителей молодой, на другой день послѣ свадьбы, утромъ, пріѣзжаютъ къ невѣстину родительскому дому двѣ телѣги: на одной возсѣдаютъ музыканты, а на другой самъ молодой. Подруги молодой въ грустныхъ пѣсняхъ выражаютъ горе своей разлуки съ молодухой, вспоминаютъ счастливые дни дѣвичьей жизни. Потомъ молодая, вмѣстѣ съ своимъ приданымъ, уѣзжаетъ къ мужу.

Въ Мазовіи [1]) существуютъ слѣдующіе свадебные обычаи: какъ только молодой человѣкъ задумалъ жениться, онъ идетъ къ какой-нибудь зна-

[1]) Въ Гроецкомъ и Кальварійскомъ уѣздахъ Варшавской губерніи.

комой пожилой женщинѣ и чрезъ нее старается вывѣдать о намѣреніяхъ дѣвицы и ея родителей, а также и о томъ, какого они о немъ держатся мнѣнія. Чтобы разузнать все это, женщина приходитъ въ домъ невѣсты, выбирая для этого четвергъ. Если со стороны невѣсты послѣдуетъ благопріятный отвѣтъ, то женщина, засланная женихомъ, объявляетъ, что въ субботній день явятся сваты, при чемъ угощаетъ всѣхъ присутствующихъ въ домѣ невѣсты водкою, эта рекогносцировка [1]) въ домъ невѣсты называется *довъдзинами*. Роль сватовъ возлагается на какихъ-либо пожилыхъ родственниковъ жениха. Ожидая посѣщенія сватовъ и жениха, невѣста приводитъ въ порядокъ внѣшнюю обстановку своего дома и, сама убравшись въ костюмъ, запираетъ двери со двора.

Приходятъ сваты и начинаютъ стучаться въ двери хаты. На опросъ хозяина: „кто тамъ?“ старшій сватъ отвѣчаетъ: „это я, бѣдный странникъ, желалъ бы укрыться у васъ отъ ненастья“.

Двери отворяются. Входя, сватъ произноситъ: „да будетъ хвала Іисусу Христу“. Послѣ отвѣта „во вѣки вѣковъ, аминь“, сватъ продолжаетъ: „а что (называетъ невѣсту по имени) дома?“ Когда послѣдуетъ утвердительный отвѣтъ, онъ проситъ представить его хозяину дома, такъ какъ слышалъ, что у него есть товаръ для продажи, а онъ, сватъ, имѣетъ покупателя.

Послѣ этой церемоніи, сваты и женихъ входятъ

---

[1]) *Рекогносцировка*—соглядатайство.

въ самую избу, и сватъ, обращаясь къ отцу или вообще къ старшему въ домѣ, говоритъ: „вотъ этому красивому и дородному хлопаку (парню) понравилась ваша (произноситъ имя невѣсты), и я, какъ старшій сватъ, пришелъ васъ потчевать водкою за ихъ здоровье".

— А кто же такой этотъ хлопакъ!—какъ бы ничего не зная, спрашиваетъ домохозяинъ.

Сватъ рекомендуетъ жениха, восхваляя его душевныя качества, а въ заключеніе прибавляетъ: „Итакъ, хозяинъ, пей за его здоровье!"

Послѣ этого на сцену выступаетъ невѣста. Сватъ и ей предлагаетъ выпить водки какъ бы въ подтвержденіе ея согласія выйти замужъ за явившагося жениха.

Конфузясь и закрывая себѣ лицо фартукомъ, невѣста выпиваетъ рюмку и быстро скрывается за печку.

Тутъ начинается уже взаимное угощеніе сватовъ съ хозяевами дома и назначается день свадьбы.

Въ теченіе всего времени между сговоромъ (залетами) и свадьбой идутъ приготовленія, какъ со стороны жениха, такъ и невѣсты. Первый избираетъ дружковъ, справляетъ къ свадьбѣ праздничный костюмъ, нанимаетъ музыканта, *грайка,* или даже двухъ. Невѣста въ то же время озабочена приготовленіемъ свадебнаго наряда, а ея родители дѣлаютъ запасы провизіи и напитковъ для свадебнаго обѣда. Въ богатыхъ домахъ всегда готовится къ свадьбѣ особый напитокъ—крупникъ, состоящій изъ теплой водки, меда, перца, сахара и свинаго

сала. Невѣста приготовляетъ въ подарокъ жениху ручникъ и букетъ съ бѣлой лентой. Равнымъ образомъ и свахи припасаютъ для дружковъ бѣлые ручники и букеты съ красными лентами. Когда всѣ приготовленія окончены, женихъ и невѣста, дня за два до свадьбы, ходятъ и приглашаютъ гостей на послѣднюю.

Но вотъ наступаетъ самый день свадьбы. Изба невѣсты убрана и все лишнее вынесено, чтобы было больше мѣста для танцевъ; дворъ усыпанъ пескомъ и,—если свадьбу играютъ весною,—украшенъ вѣтвями зеленой березы. Утромъ въ день свадьбы по дорогѣ, идущей къ селенію, показывается въ одну лошадь фурманка [1]), убранная зелеными вѣтвями, а въ ней музыкантъ со скрипкою и дружки—предвѣстники свадебнаго поѣзда жениха. Вслѣдъ затѣмъ ѣдутъ женихъ и его родня. Весь поѣздъ останавливается у дома невѣсты, и хозяева встрѣчаютъ прибывшихъ, угощая ихъ, при звукахъ веселой музыки, водкою, хлѣбомъ и сыромъ. Но вотъ за окномъ послышались голоса: то идутъ свахи, припѣвая: „выйди къ намъ, наша молодая, выйди къ намъ, проси насъ къ себѣ въ домъ, если рада намъ“.

Выходитъ невѣста, и начинается обрядъ *расплецынъ*. Обыкновенно для этого невѣсту сажаютъ на дежу (квашню), перевернутую вверхъ дномъ. Старшій сватъ беретъ пукъ прутьевъ и приказываетъ старшему дружку расплетать невѣстѣ косу, грозя

---

[1]) Фурманка—длинная телѣга.

при этомъ наказаніемъ за всякій вырванный изъ косы волосъ. Подружки въ это время поютъ:

Усѣлась въ дежѣ наша молодая,
Чтобы расплелась ея коса золотая.
Рости бы тебѣ еще, дорогая,
Но ужъ расплелась твоя коса золотая;
Расплелась и ужъ не сплетется,
А твое дѣвичье приволье ужъ не вернется.
Ходитъ дружокъ по сѣнямъ,
Носитъ гребень во карманѣ;
Старшій дружокъ, ты мнѣ послужи,
Косу мою ты мнѣ расплети!

Подвѣнечный нарядъ невѣстъ отличается отъ обыкновеннаго праздничнаго лишь убранствомъ головы, которая украшается вѣнкомъ изъ золотыхъ нитокъ и разноцвѣтными лентами, спадающими далеко за плечи и на грудь. Въ такомъ же нарядѣ, но безъ золотого вѣнца, должны быть и подружки.

Одѣвшись, невѣста прикалываетъ жениху букетъ и подаетъ приготовленный въ подарокъ ручникъ, который затыкается за поясъ. То же дѣлаютъ и подружки въ отношеніи дружковъ. Потомъ поѣздные угощаются водкою и крупникомъ. Послѣ благословенія невѣсты всѣ трогаются въ церковь, при звукахъ музыки. Впереди всѣхъ ѣдетъ верхомъ женихъ въ сопровожденіи другихъ; за нимъ слѣдуетъ повозка невѣсты съ подружками, а дальше старшій сватъ и музыканты, наигрывающіе веселые танцы, и, наконецъ, тянется длинный рядъ телѣгъ съ родными и прочими поѣзжанами.

На обратномъ пути изъ костела свадебный по-

ѣздъ останавливается у шинка той деревни, гдѣ живетъ невѣста. Обращаясь къ шинкаркѣ, поѣзжане поютъ:

Выйди, шинкарочка,
Выйди къ намъ.
Водки двѣ чарочки
Поднеси ты намъ!

На этотъ зовъ выбѣгаетъ шинкарка и проситъ дорогихъ гостей къ себѣ въ домъ. Поѣзжане не заставляютъ себя ждать. Всѣ входятъ въ шинокъ и начинается залихватскій мазуръ и шотъ. Потомъ устраивается обѣдъ, который длится до самыхъ сумерекъ. По окончаніи его, когда еще компанія продолжаетъ веселье, родители невѣсты незамѣтно удаляются, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ молодыхъ. По обычаю, ворота и дверь въ сѣни они плотно запираютъ. Новобрачные подъѣзжаютъ къ дому и начинаютъ стучать въ ворота, прося отворить ихъ, а затѣмъ и двери въ сѣни. Родители молодой отворяютъ, но впускаютъ прибывшихъ какъ бы съ неохотою. Тогда гости требуютъ водки, которая хотя и подается, но безъ рюмокъ. Снова поѣзжане просятъ, чтобы имъ дали рюмки. Послѣ этихъ церемоній начинается кутежъ, кончающійся, когда хмѣль свалитъ всѣхъ пирующихъ.

На другой день бываетъ обрядъ „очепекъ“, — невѣстѣ надѣвается на голову чепецъ.

Въ *похоронныхъ* обычаяхъ поляковъ есть также нѣчто общее съ обычаями русскихъ, хотя, конечно, далеко не во всемъ. Въ случаѣ смерти кого-либо

изъ домашнихъ, передъ домомъ ставятъ взятую изъ костела хоругвь. Солому, на которой лежалъ умершій, выносятъ вонъ изъ избы и сжигаютъ. Покойника, будь то мужчина или женщина, облекаютъ въ рубаху. Поверхъ первой рубахи надѣвается еще вторая, изъ бѣлаго полотна, длиною до самыхъ пятъ; эта рубаха опоясывается черною тесьмою около шеи, рукавовъ и таліи. Молодымъ головы ничѣмъ не покрываютъ, а только расчесываютъ волосы, старымъ же надѣваютъ на голову духенку—бѣлую полотняную шапку. Ноги обуваютъ только въ бѣлые полотняные чулки или носки, а дѣтей оставляютъ даже совершенно босыми. Самые гробы бываютъ различные, смотря по тому, кто умеръ—молодой, старый, женатый. Такъ, если умершій былъ старъ или женатъ, то гробъ дѣлается чернаго цвѣта, если же молодъ—краснаго или голубого. У тѣла покойника ставится водка и хлѣбъ. Всякій, кто приходитъ поклониться праху умершаго, обращается къ присутствующимъ со словами: „Да будетъ благословенъ Іисусъ Христосъ“, и засимъ его потчуютъ водкой. При этомъ идутъ разговоры о болѣзни почившаго, обстоятельства его смерти и т. п. Нѣкоторые поютъ надъ тѣломъ пѣсни духовнаго содержанія. На вторую ночь по смерти (pusta noc) собираются въ домѣ, гдѣ лежитъ умершій, люди на молитву, а на третій день покойника, заколотивъ въ гробу, везутъ или несутъ на кладбище. При выносѣ тѣла кто-нибудь изъ домашнихъ говоритъ краткую рѣчь, въ которой вручаетъ душу какъ умершаго, такъ и живущихъ покрови-

тельству Божію. Во время шествія процессіи къ могилѣ поютъ гимнъ—„Радуйся, царица небесная“ и т. п. Ксендзъ сопровождаетъ покойника до могилы, или до креста [1]). Окропивъ гробъ св. водою и прочтя молитву, онъ удаляется. Для близкихъ родныхъ устраиваются въ домѣ поминки.

---

[1]) Такихъ крестовъ въ Польшѣ при дорогахъ находится не мало.

ГЛАВА VII.

Суевѣрія польскихъ крестьянъ.—Добрыя и злыя существа.—Распространеніе образованности среди крестьянъ. — Дѣти крестьянъ въ гимназіяхъ.

Какъ и въ средѣ русскихъ крестьянъ, между крестьянами польскими живетъ множество суевѣрій. Мы отчасти съ послѣдними уже познакомились; мы видѣли, какими суевѣрными обычаями обставлено у польскихъ крестьянъ уже самое появленіе на свѣтъ ребенка. Грубыя суевѣрія и предразсудки сопровождаютъ польскаго простолюдина отъ колыбели до самой могилы. Его воображеніе населяетъ міръ всевозможными существами, добрыми и злыми. Къ числу существъ добрыхъ и благодѣтельныхъ относятся palanotnicy (планетники). Они имѣютъ видъ человѣческій, но головы у нихъ покрыты длинными зелеными волосами; витаютъ они въ высокихъ воздушныхъ пространствахъ, влача за собою длинными веревками дождевыя тучи Отъ планетниковъ зависятъ урожаи хлѣба: они влекутъ тучи туда, гдѣ есть засуха, и отвлекаютъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ слишкомъ сыро. Въ мгновенье они могутъ залить поля дождевыми потоками, побить градомъ хлѣбъ, но вредить людямъ не любятъ. Всеистребляющіе грады и ливни происходятъ обык-

новенно безъ ихъ вѣдома и даже противъ ихъ воли. По увѣренію польскихъ крестьянъ, одинъ прохожій человѣкъ самъ слышалъ, какъ планетники, почти обезумѣвъ въ борьбѣ съ громадною тучею, гонимою бѣшенымъ вѣтромъ, кричали въ порывѣ отчаянія одинъ другому: „Bój sie Boga, trzymaj“ (ради Бога, держи)! 1879 годъ былъ очень неблагопріятенъ для сельскихъ хозяевъ, и вотъ въ одной изъ деревень Пинчовскаго уѣзда, Кѣлецкой губ., при осмотрѣ опустошеній, произведенныхъ ливнемъ, крестьяне порѣшили, что причина всего бѣдствія заключается въ томъ, что „лѣса истреблены и проданы жидамъ“: планетникамъ теперь не за что ухватиться, не обо что опереться,—они и летятъ, куда ихъ гонитъ вѣтеръ.

Совсѣмъ другое значеніе, по народному суевѣрію, имѣютъ „богиньки„ (boginki). Богиньки страшны и опасны. Онѣ отличаются злостью и лукавствомъ. По виду онѣ походятъ на злую, отвратительную старуху. Главную ихъ спеціальность составляетъ подмѣнъ новорожденныхъ дѣтей. Если дитя больное, хворое,—это навѣрное вина богиньки, ухватившей здороваго ребенка и положившей на его мѣсто больного. Противъ богинекъ есть одно средство: необходимо въ теченіе 10 дней послѣ рожденія ребенка держать дверь на запорѣ или, по крайней мѣрѣ, прибить къ дверному косяку висячій замокъ,—богинька не проникнетъ тогда въ хату и не тронетъ ребенка. Иногда богинька стоитъ подъ окномъ или у воротъ, прося, чтобы впустили. Но лишь крайній дуракъ не догадается, что это за

гостья. Разсвирѣпѣвъ, богиньки хватаютъ иной разъ даже подростковъ. Если подростокъ догадается ухватиться рукой за полевой цвѣтокъ-колокольчикъ, то богинька броситъ его и убѣжитъ.

Не менѣе опасности представляетъ Zmora (кошмаръ). Это также женщина. Если у кого есть 9 дочерей, то послѣдняя всегда становится жморой. Съ виду она такая же, какъ и всѣ, но когда нужно, она дѣлается невидимою, кидается на свою жертву и сосетъ изъ груди ея кровь. Лучшее средство избавиться отъ нея — махнуть на нее поясомъ св. Франциска.

Но всего ужаснѣе „стржиги“ (strzygi), живущіе обыкновенно на кладбищахъ и въ пустыхъ часовняхъ. Не приведи Богъ встрѣтиться съ ними: разорвутъ на части. Противъ нихъ нѣтъ спасенія, и въ народѣ о нихъ разсказываютъ множество страшныхъ вещей.

Большое зло причиняютъ людямъ также колдуньи, посылающія на людей порчу, болѣзни. Колдуньи могутъ также лишать коровъ молока или превращать его въ кровь и воду. Съ цѣлью уберечь коровъ отъ такой напасти, имъ привязываютъ къ рогамъ нѣкоторыя травы въ сушеномъ видѣ, напр. мяту. Колдуньи не только причиняютъ вредъ отдѣльнымъ людямъ и скоту, но и посылаютъ общія бѣдствія—неурожай, войны, и т. п. Для этого колдунья принимаетъ видъ гусыни и высиживаетъ яица, изъ которыхъ выходятъ тѣ бѣдствія, какія она хочетъ посылать на людей.

Вообще въ отношеніи суевѣрій польскіе кресть-

яне не уступятъ нашимъ. Впрочемъ, прежнія суевѣрія съ теченіемъ времени исчезаютъ, благодаря распространенію образованія. Крестьянскія дѣти теперь попадаютъ даже въ гимназіи. Такъ изъ города Маріамполя, Сувалкской губерніи, въ 1883 году сообщили „Варшавскому Курьеру“ (Kurjer Warszawski), что въ мѣстной гимназіи *большую* часть учащихся составляютъ дѣти крестьянъ. „Зажиточность крестьянъ позволяетъ имъ удовлетворять своему желанію—видѣть дѣтей образованными“.

Намъ слѣдовало бы остановиться на произведеніяхъ устной народной словесности поляковъ, но за недостаткомъ мѣста приходится ограничиться замѣчаніемъ, что поэзія эта, по богатству и разнообразію произведеній, далеко уступаетъ русской. Поляки имѣютъ болѣе основаній гордиться своею письменною словесностью, литературою, предназначенною для удовлетворенія потребностей образованнаго класса.

ГЛАВА VIII.

Промышленная дѣятельность Привислинскаго края.

До прекращенія политической самостоятельности Польши вниманіе, какъ крупныхъ пановъ, такъ и мелкой шляхты, было обращено на извлеченіе, при посредствѣ крѣпостного крестьянскаго труда, доходовъ отъ хлѣбопашества и лѣсной промышленности. Занятія торговлей, ремеслами, фабрично-заводскимъ дѣломъ шляхтичи считали унизительными, предоставляя все это мѣщанамъ. Но такъ какъ у мѣщанъ не было капиталовъ, то торговля и обрабатывающая промышленность въ Польшѣ находилась въ застоѣ до конца XVIII столѣтія. Этимъ же шляхетскимъ предразсудкомъ объясняется и то, что мелкая торговля и ремесла въ польскихъ провинціяхъ до послѣдняго времени находились почти исключительно въ рукахъ евреевъ.

Смуты и неурядицы, которыми сопровождалось паденіе Польши, имѣли своимъ результатомъ общее обѣднѣніе народа. Послѣдующія событія еще болѣе содѣйствовали хозяйственному разстройству страны. Польша, преобразованная по Тильзитскому трактату въ герцогство Варшавское, была совершенно разорена, вслѣдствіе понесенныхъ ею, пре-

Полякъ—Куявянинъ, крестьянинъ изъ окрестностей города Влоцлавска, Варшавской губ.

(Съ фотографіи Дашковскаго этнографическаго музея въ Москвѣ).

имущественно ради выгоды Наполеона, матеріальныхъ жертвъ. Только что край началъ поправляться, какъ Наполеоновскій походъ въ Россію навлекъ на него новыя бѣдствія, погубилъ лучшія силы народа. Край пришелъ въ полное разореніе. Земледѣліе упало, торговые дома обанкротились. Однимъ словомъ, хозяйственная жизнь страны къ концу 1814 года представлялась въ высшей степени плачевной. Великодушіе Императора Александра I спасло Польшу отъ совершенной гибели. Въ возстановленномъ подъ его скипетромъ Царствѣ Польскомъ (1815 г.) началась новая жизнь. Руководясь указаніями Монарха, сеймъ, созванный по выборамъ изъ всѣхъ классовъ населенія, далъ странѣ такія учрежденія и законы, благодаря которымъ въ короткій промежутокъ времени въ Польшѣ стала процвѣтать промышленная дѣятельность и водворилось благоденствіе.

Такъ какъ Польша — страна по преимуществу сельско-хозяйственная, то были прежде всего приняты справедливыя и цѣлесообразныя мѣры противъ продажи за безцѣнокъ имѣній землевладѣльцевъ за долги. Высочайше основанное въ 1825 г. земское кредитное общество дало помѣщикамъ необходимыя средства для уплаты долговъ и хозяйственныхъ улучшеній.

Ожививъ сельское хозяйство, правительство и сеймъ принялись созидать фабричную промышленность вмѣсто существовавшихъ мелкихъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ мастерскихъ, производившихъ полотно и дешевыя сукна.

Такъ какъ шляхта и капиталисты не обнаруживали желанія заняться фабрично-заводскимъ дѣломъ, то правительство рѣшилось привлечь льготами иностранныхъ техниковъ и фабрикантовъ; нѣкоторые богатые помѣщики даже даромъ уступали подъ фабрики земли и зданія въ своихъ владѣніяхъ. Благодаря этому вскорѣ закипѣла промышленная дѣятельность. Тогда возникли суконныя фабрики въ Калишѣ, Озурковѣ (Калишск. губ.), Згержѣ (Петрок. губ.), Томашовѣ (Петрок. губ.) и др., а въ Лодзи (Петрок. губ.) и въ Озурковѣ полотняныя фабрики и хлопчато-бумажныя прядильни. Въ 20-хъ годахъ суконныя фабрики Згержа въ громадномъ количествѣ поставляли товаръ въ Россію. Спросъ былъ такъ великъ, что иногда московскіе комиссіонеры по цѣлымъ мѣсяцамъ должны были выжидать полностью оплаченныхъ товаровъ.

Сочувствуя развитію польской фабричной промышленности, русское правительство не остановилось предъ денежными затратами. Такъ, оно назначило крупную премію за изобрѣтеніе новой машины для льняной пряжи и тканья. Премію получилъ извѣстный французскій инженеръ *Жирардъ*, которому казна и владѣлецъ имѣнія Гузовъ помогли капиталомъ и даровою землею при устройствѣ имъ полотняной фабрики. Фабрика эта названа въ честь его „Жирардовскою“ и въ настоящее время пользуется всемірною извѣстностью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство, пригласивъ извѣстныхъ въ Европѣ горныхъ инженеровъ, оживило разработку ископаемыхъ богатствъ въ Польшѣ.

Въ это время были построены на тысячи верстъ шоссейныя дороги отъ Варшавы къ Кракову, Ковно и Брестъ-Литовску, предприняты работы по улучшенію воднаго пути по рѣкѣ Вислѣ, и для соединенія этой рѣки съ западными губерніями Имперіи и рѣкою Нѣманомъ выстроенъ былъ Августовскій каналъ. Въ 1828 г. былъ основанъ польскій банкъ, быстро развившій обширную дѣятельность. Такъ, между прочимъ, банкъ снабжалъ обработаннымъ сырьемъ фабрики и заводы; земледѣльцамъ же доставлялъ въ кредитъ орудія и племенной скотъ.

Возмущеніе неблагодарныхъ поляковъ противъ Россіи въ 1830—1831 г. вновь подорвало благосостояніе края. Земледѣліе пришло въ упадокъ, промышленность и торговля въ теченіе почти 15 лѣтъ не могли достичь той степени развитія, на которой онѣ находились до 1830 года.

Въ это время промышленнаго застоя заслуживаетъ вниманія энергичная дѣятельность Варшавскаго банкира Штейнкеллера. Онъ основалъ нѣсколько металлическихъ фабрикъ и заводовъ, паровыхъ мельницъ, построилъ желѣзную дорогу по варшавско-вѣнской линіи (1844 г.); наконецъ, по его почину, въ Польшѣ возникло свекло-сахарное производство. Мало-по-малу начали замѣчаться признаки промышленнаго улучшенія страны. За границу продавалось значительное количество сельскихъ и лѣсныхъ продуктовъ; съ другой стороны шла довольно хорошо внутренняя торговля. Эта послѣдняя до постройки желѣзныхъ дорогъ сосре-

доточивалась главнымъ образомъ на ярмаркахъ, число которыхъ въ годъ доходило до двухъ тысячъ. Походъ русской арміи въ Венгрію черезъ Польшу въ 1849 г. значительно оживилъ внутреннюю торговлю подрядами на поставки для арміи. Показались въ обращеніи русскіе кредитные рубли, которые было приказано принимать наравнѣ съ мѣстной монетой. Мѣра эта привела впослѣдствіи къ совершенной замѣнѣ польскихъ денегъ русскими.

Открытіе желѣзнодорожнаго сообщенія по варшавско-вѣнской линіи (1844 г.) и упраздненіе таможенной границы между Имперіей и Царствомъ Польскимъ (1850 г.) сдѣлали Польшу передаточнымъ пунктомъ русской заграничной торговли и открыли произведеніямъ польскихъ фабрикъ обширный сбытъ въ Имперіи. Во время Крымской войны Варшава сдѣлалась центромъ всей русской привозной и отпускной торговли. Со всѣхъ концовъ Имперіи въ Польшу тянулись обозы съ товарами; товарами этими, за недостаткомъ складовъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ бывали завалены улицы и дороги. Край быстро обогатился.

Новое польское возстаніе 1864 года вызвало на первыхъ порахъ полный застой въ промышленности и торговлѣ. Послѣ быстраго его усмиренія доблестной русской арміей начался въ краѣ совершенно новый порядокъ вещей—объединеніе его съ Имперіей во всѣхъ отрасляхъ управленія. Въ ряду мѣропріятій, оказавшихъ вліяніе на дальнѣйшую промышленную жизнь края, наиболѣе замѣ-

чателенъ указъ Императора Александра II отъ 19 февраля 1864 г., въ силу котораго земля, которою пользовались помѣщичьи крестьяне, поступала въ полную собственность послѣднихъ съ обязательствомъ вносить въ казну опредѣленный земельный налогъ. Къ числу земельныхъ реформъ относятся также: переходъ имущества духовенства въ вѣдѣніе казны и переименованіе мѣстечекъ, не имѣвшихъ характера городовъ, въ посады. Въ 1866 г. финансы Царства Польскаго присоединены къ общегосударственнымъ финансамъ Имперіи.

Крестьянская реформа поставила помѣщиковъ въ совершенно иныя условія. Молодое поколѣніе шляхты и крупные капиталисты-помѣщики стали интересоваться торговлей и промышленностью. Точно также и крестьяне, не ограничиваясь улучшеніемъ способовъ обработки земли, стали работать на фабрикахъ и заводахъ. Вообще съ 70-хъ годовъ замѣчается стремленіе къ учрежденію фабрикъ и заводовъ, какъ товариществами, такъ и отдѣльными капиталистами. Благодаря развитію желѣзнодорожныхъ путей и громадному спросу въ Имперіи, произведенія этихъ фабрикъ и заводовъ находили себѣ быстрый и выгодный сбытъ. Послѣ нѣкотораго затишья передъ русско-турецкой войной, промышленность и торговля необычайно оживились. Во время войны почти половина всего вывоза изъ Россіи производилась черезъ Польшу, явился, наконецъ, спросъ изъ Пруссіи на полотно и другіе мануфактурные товары, и все это доставило. Привислинскому краю громадныя выгоды.

Привлекаемые этими выгодами, мѣстные фабриканты и иностранные капиталисты увеличили свое производство и даже построили новые громадные заводы. Въ 1878 г. заказы изъ Россіи такъ увеличились, что, несмотря на непрерывную работу днемъ и ночью, невозможно было удовлетворить спросъ на товары. Вскорѣ, впрочемъ, спросъ на польскіе товары въ Россіи ослабѣлъ, такъ какъ нѣкоторые фабриканты стали поставлять товаръ негодный и тѣмъ уронили добрую славу польскихъ издѣлій.

Въ послѣдніе годы промышленная дѣятельность Привислинскаго края достигла блестящаго развитія. Слабую сторону фабрично-заводской промышленности здѣсь составляетъ то, что она въ значительной долѣ является не столько русскимъ, сколько иностраннымъ производствомъ въ предѣлахъ Россіи. Такъ, напримѣръ, почти вся обрабатывающая промышленность Петроковской губерніи (въ Лодзи и Сосновицахъ) не только создана иностранными капиталистами, но и рабочіе тамъ иностранцы. Многія фабрики недавно построены такъ близко отъ границы, что нѣмецкіе рабочіе ежедневно приходятъ днемъ на время работы въ Россію, а ночуютъ дома—въ Пруссіи.

По свѣдѣніямъ Департамента Торговли и Мануфактуръ, въ Привислинскомъ краѣ въ 1890 году было 2.445 фабрикъ и заводовъ, производившихъ на 174.202.000 рублей. Такимъ образомъ на Привислинскій край приходится 13,7% всего количества фабрикъ и заводовъ Россійской Имперіи.

Не во всѣхъ губерніяхъ Привислинскаго края фабрично - заводская промышленность распространена равномѣрно. Вездѣ есть заводы винокуренные, пивоваренные, свеклосахарные (кромѣ Сувалкской губ.), мукомольные и кожевенные. Но первое мѣсто по количеству фабрикъ и заводовъ и суммѣ производства занимаетъ Петроковская губернія (въ 1890 г. сумма производства — 102.430.000 р.). Второе мѣсто за ней принадлежитъ губерніи Варшавской (47.813.000 р.). Въ этихъ двухъ губерніяхъ вырабатывается болѣе 86% всѣхъ фабрично-заводскихъ продуктовъ края.

Главную роль въ Привислинскомъ краѣ играютъ слѣдующія производства: свеклосахарное, винокуренное, хлопчато-бумажное, шерстяное и металлическое. Около половины всѣхъ свеклосахарныхъ заводовъ приходится на Варшавскую губернію. Хлопчато-бумажная и шерстяная промышленность сосредоточивается главнымъ образомъ въ Петроковской, Варшавской и Калишской губерніяхъ. Въ Петроковской губерніи главными центрами ткацкой промышленности являются прежде всего *Лодзь*, затѣмъ *Згержъ*, *Томашовъ* и нѣкоторыя другія мѣстности. Городъ Лодзь, благодаря сильному развитію ткацкой промышленности, въ 60 лѣтъ изъ деревни превратился въ городъ съ 314.780 населенія. На многочисленныхъ здѣшнихъ фабрикахъ прядутъ шерсть, хлопокъ, ткутъ хлопчато-бумажныя и шерстяныя матеріи. Большая часть лодзинскихъ фабрикъ основана нѣмцами и принадлежитъ нѣмцамъ. Лодзинскіе фабриканты успѣшно расширили сбытъ

своихъ товаровъ, благодаря странствующимъ приказчикамъ, которыхъ они посылаютъ всюду съ образцами товаровъ; приказчики эти открыли сбытъ лодзинскимъ издѣліямъ во многихъ мѣстахъ Россіи, даже на Кавказѣ. Обработка шерсти въ Петроковской губерніи достигла огромныхъ размѣровъ, и въ этомъ отношеніи она можетъ быть сравниваема только съ губерніей Московской. Эти губерніи являются главными центрами шерстопрядильной и шерстоткацкой фабрикаціи въ Россіи; по выдѣлкѣ шерстяной пряжи Петроковская губернія занимаетъ первое мѣсто въ Россіи, по выдѣлкѣ суконъ—второе (послѣ Московской). Въ Петроковской губерніи занимаются также шелкоткацкимъ, парчевымъ и ленточнымъ производствомъ, но въ значительно меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ губерніи Московской.

Въ Варшавской губерніи обработка шерсти въ послѣднее время нѣсколько сократилась, но другія отрасли ткацкой промышленности существуютъ въ крупныхъ размѣрахъ. Въ посадѣ Жирардовъ, Блонскаго уѣзда, Варшавской губерніи, находится извѣстная *Жирардовская мануфактура*. Это самая большая полотняная фабрика въ Россіи; на Жирардовской мануфактурѣ работаетъ болѣе 8.000 человѣкъ, на ея долю приходится болѣе трети (5.600.000 р.) всего полотнянаго производства въ Россіи. Въ Калишской губерніи ткацкая промышленность развилась преимущественно въ городахъ *Калишъ* и *Озурковъ*.

Въ Привислинскомъ краѣ много заводовъ, зани-

мающихся обработкой металловъ. Въ Петроковской губерніи сильно развито желѣзопередѣлочное, сталелитейное и рельсопрокатное. Петроковская губернія въ Россіи уступаетъ только губерніи Екатеринославской. Важнымъ центромъ металлической промышленности здѣсь являются *Сосновицы*, лежащія у самой границы съ Пруссіей. Сильно развито металлическое производство въ Варшавѣ. Здѣсь изготовляются всевозможные двигатели (паровые газовые, водяные), сельско-хозяйственныя машины, желѣзно - дорожныя принадлежности. По машиностроительной дѣятельности Варшавская губернія занимаетъ четвертое мѣсто въ Россіи (Петербургская, Московская, Орловская, Варшавская). Кромѣ машинъ, въ Варшавѣ и Варшавской губерніи въ крупныхъ размѣрахъ существуютъ производства: кожевенное (4.894.000 р.), стеклянное, кирпичное, фарфоро - фаянсовое, химическихъ продуктовъ, бумажное, картонное, обойное, экипажное, музыкальныхъ инструментовъ, галантерейное и многія другія.

Изъ старинныхъ польскихъ лѣтописей видно, что горный промыселъ въ Польшѣ несомнѣнно существовалъ въ XI столѣтіи, возникъ-же онъ, вѣроятно, въ болѣе раннюю эпоху. Есть указанія на то, что въ отдаленныя времена славяне стояли выше своихъ сосѣдей, германцевъ, въ дѣлѣ добыванія и обработки металловъ. Кромѣ лѣтописныхъ извѣстій, убѣждаетъ насъ въ этомъ также и то, что въ нѣмецкихъ словахъ, относящихся къ горному промыслу, встрѣчается очень много словъ чисто-славянскаго происхожденія. Крупное развитіе горная

промышленность въ Польшѣ имѣла въ періодъ отъ XVI до половины XVII столѣтія. Послѣдовавшее затѣмъ бурное время войнъ и смутъ оказало дурное вліяніе на благосостояніе страны и вмѣстѣ съ тѣмъ на горный промыселъ, который въ XVIII столѣтіи пришелъ въ большой упадокъ. Послѣ образованія Царства Польскаго въ 1815 г. началось постепенное улучшеніе горнаго дѣла, открывались новые рудники, быстро возникали казенные и частные заводы. Въ 1870 г. завѣдываніе горнымъ дѣломъ въ Привислинскомъ краѣ было передано въ Петербургъ, причемъ значительная часть казенныхъ заводовъ восточнаго округа была продана частнымъ лицамъ. Вообще съ этого времени производительность казенныхъ горныхъ заводовъ понизилась, но зато замѣчается постоянный ростъ частной промышленности. Оживленію частной предпріимчивости много содѣйствовалъ законъ 1870 года, дозволяющій каждому заниматься горнымъ промысломъ не только на своей, но и на чужой землѣ, причемъ нѣдра земли отчуждаются изъ вѣдѣнія владѣльцевъ ея поверхности. Послѣ изданія этого закона было заявлено множество площадей для добычи полезныхъ ископаемыхъ, особенно на юго-западѣ края, близъ прусской и австрійской границъ. Вообще горный промыселъ Привислинскаго края въ послѣднее время развивается весьма успѣшно, но къ сожалѣнію, весьма крупную долю въ этомъ дѣлѣ имѣютъ не русскіе, а иностранные капиталисты и предприниматели.

Горный промыселъ развитъ преимущественно въ

юго-западной и западной частяхъ Привислинскаго края, въ Петроковской, Калишской, Кѣлецкой и Радомской губерніяхъ. Каменный уголь, желѣзо и цинкъ—вотъ главные предметы горной промышленности края.

Каменный уголь, какъ горючій матеріалъ, началъ входить въ употребленіе въ Польшѣ только въ половинѣ XVII столѣтія. Ранѣе Польша, изобиловавшая густыми лѣсами, не нуждалась въ минеральномъ топливѣ. Каменноугольный пластъ входитъ въ Привислинскій край съ юго-запада, изъ Силезіи и Галиціи, и тянется широкой полосою вдоль австрійской и прусской границъ въ Бендинскомъ (Петрок. губ.) и Олькушскомъ (Кѣлец. губ.) уѣздахъ, образуя въ своихъ складкахъ и углубленіяхъ какъ бы отдѣльныя каменноугольныя котловины. Самыя замѣчательныя мѣсторожденія каменнаго угля находятся въ окрестностяхъ горнаго посада Домброва (Бендинск. у., Петрок. губ.). Каменный уголь здѣсь случайно былъ открытъ пастухами еще въ 1785 г. Въ настоящее время на лучшихъ копяхъ добываютъ уголь особымъ способомъ, который называется „выемкой угля съ закладкой пустой породой“. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что остающіяся послѣ выемки угля пустыя пространства закладываются камнями и землею. Хотя этотъ способъ стоитъ довольно дорого, но зато жизнь рабочихъ не подвергается большой опасности, да и въ копи не остается угля. Частые пожары въ копяхъ здѣсь служатъ сильнымъ препятствіемъ дальнѣйшему развитію работъ. Несмотря на всѣ мѣры пред-

осторожности, эти пожары почти не прекращаются. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые сорта угля, особенно богатые сѣрнымъ колчеданомъ, будучи смочены водою, нагрѣваются самопроизвольно до такой степени, что вспыхиваютъ пламенемъ и производятъ пожаръ всей копи. Пожары каменноугольныхъ копей распространяются на значительныя пространства, продолжаются иногда цѣлые десятки лѣтъ. Чтобы прекратить распространеніе пожара, обыкновенно затопляютъ копь водой.

Кромѣ огня, каменноугольному дѣлу очень опасенъ другой врагъ—вода. Подземная вода, просачиваясь сквозь рыхлыя породы, иногда сразу прорываетъ ихъ и попадаетъ въ рудникъ большими массами. Нерѣдки случаи, когда рабочіе гибли отъ затопленія въ рудникѣ. Такъ, въ 1880 г. на копи гр. Ренарда (близъ станціи Сосновицы, по Варшавско-Вѣнской дорогѣ) погибло 16 человѣкъ рабочихъ. 40 человѣкъ рудокоповъ, работая на глубинѣ 30 саженъ подъ землей, внезапно услыхали какой-то страшный шумъ, вслѣдъ за которымъ изъ прорвавшейся стѣны одного изъ штрековъ быстро полилась вода и затопила единственный выходъ изъ рудника. Въ рудникѣ стало душно, всѣ лампы погасли, и рабочіе очутились въ совершенной темнотѣ. 24 работника успѣли пробраться въ углубленіе, оставшееся послѣ выемки угля, и стали тамъ по поясъ въ водѣ; остальные 16 человѣкъ, проблуждавъ во мракѣ нѣкоторое время, были залиты водою и иломъ. Были немедленно пущены въ ходъ всѣ водоотливныя паровыя машины, вода стала

убывать, и тогда директоръ копей съ 11 рабочими-охотниками спустился въ шахту. Илъ покрывалъ поверхность рудника такимъ толстымъ слоемъ, что очень трудно было двигаться. По дорогѣ встрѣчались окоченѣлые и покрытые иломъ трупы. Наконецъ, вдали послышались голоса заживо погребенныхъ 24 рабочихъ, которые уже выбились изъ силъ, пробывъ въ водѣ безъ пищи и безъ сна около 36 часовъ. Ихъ вытащили изъ рудника еле живыми.

Въ Привислинскомъ краѣ, сравнительно бѣдномъ лѣсами, каменный уголь служитъ почти единственнымъ топливомъ, и потому, въ связи съ развитіемъ обрабатывающей промышленности края, добыча угля здѣсь съ каждымъ годомъ быстро возрастаетъ. Много содѣйствовало этому росту каменноугольной промышленности Привислинья проведеніе Ивангородо-Домбровской желѣзной дороги (1885 г.), а также повышеніе таможенныхъ пошлинъ на заграничный уголь (въ 1886 и 1888 гг.). За время съ 1880—1893 г. Домбровскія копи усилили свою добычу въ $2^2/_5$ раза. Домбровскія копи распредѣлены между 15 фирмами, изъ которыхъ на долю 5 фирмъ приходится 85% всего производства. Въ 1893 году Домбровскія копи дали 193.359.021 пудъ каменнаго угля.

Кромѣ каменнаго угля, въ различныхъ мѣстахъ Привислинскаго края находится бурый уголь или лигнитъ. Цвѣтъ этого угля темно-бурый, отчего онъ и получилъ свое наименованіе. Лигнитъ быстро воспламеняется, но при этомъ отдѣляетъ большое

Пахарь съ сохой у риги, изъ Новоминскаго уѣзда, Варшавской губ.
(Изъ журн. „Висла", т. XV, вып. 3).

количество дыма и даетъ меньше жару, чѣмъ каменный уголь. Залежи бураго угля находятся въ Петроковской, Кѣлецкой, Радомской и Плоцкой губерніяхъ. Въ Калишской, Кѣлецкой, Варшавской, Плоцкой, Ломжинской, Сувалкской губерніяхъ находятся богатыя мѣсторожденія торфа, добываніе котораго, въ виду усиленія спроса на горючій матеріалъ, постепенно развивается.

Привислинскій край очень богатъ желѣзными рудами, которыя не образуютъ такихъ громадныхъ отдѣльныхъ залежей, какъ каменный уголь, а разбросаны въ большомъ количествѣ въ разныхъ мѣстахъ края, на недалекомъ разстояніи одна отъ другой. Разработка желѣзныхъ рудъ и выплавка чугуна распространены въ губерніяхъ Петроковской, Калишской, Кѣлецкой и Радомской. Запасы желѣзныхъ рудъ въ Привислинскомъ краѣ богаты, почти неисчерпаемы, но при этомъ довольно бѣдны металломъ (не болѣе 45%). Большую часть чугуна польскіе заводы выплавляютъ на коксѣ, привозимомъ изъ Силезіи, такъ какъ мѣстный каменный уголь не даетъ кокса. Въ послѣдніе годы выплавка чугуна, производства желѣза и стали въ Привислинскомъ краѣ быстро возрастаютъ. Въ 1894 г. польскіе заводы дали 11.082.688 пудовъ чугуна, 4.031.317 пуд. желѣза и 7.889.441 пуд. стали.

Цинковая промышленность въ Россіи существуетъ исключительно въ Привислинскомъ краѣ. Цинковая руда встрѣчается здѣсь главнымъ образомъ въ видѣ галмея (кремнекислый и углекислый цинкъ), многочисленными мѣсторожденіями кото-

раго славятся Бендинскій (Петрок. губ.) и Олькушскій (Кѣлец. г.) уѣзды. Во всѣхъ этихъ мѣсторожденіяхъ галмей является въ видѣ различной величины гнѣздъ и штоковъ, часто соединяющихся между собою толстыми рудными жилами. Залегаетъ гамлей обыкновенно неглубоко, а во многихъ мѣстахъ онъ прямо выступаетъ на поверхность земли; съ углубленіемъ выработокъ руда становится богаче металломъ, но, къ сожалѣнію, вслѣдствіе притока воды, разрабатываются въ большинствѣ случаевъ только верхніе пласты рудныхъ мѣсторожденій. Добываемый изъ рудниковъ галмей обыкновенно бываетъ перемѣшанъ съ глиной, пескомъ и т. п.; поэтому прежде выплавки металла, руда подвергается промывкѣ ручнымъ способомъ или на машинахъ. Добыча цинковой руды сосредоточена главнымъ образомъ въ Олькушскомъ уѣздѣ Кѣлецкой губерніи, а цинкоплавильные заводы находятся въ Петроковской губерніи. Въ настоящее время дѣйствуютъ два цинкоплавильныхъ завода: Сосновицкаго общества и Бендинскій (арендуемый у казны Дервизомъ, Померанцевымъ и К°), которыми въ 1893 г. выплавлено 274.774 пуд. цинка. Весь цинкъ Бендинскаго завода поступаетъ въ продажу въ видѣ плитъ (свинокъ); Сосновицкое общество часть цинка перерабатываетъ въ листы на принадлежащемъ обществу же цинко-прокатномъ заводѣ Эмма: кромѣ того, общество имѣетъ фабрику цинковыхъ бѣлилъ въ Сосновицахъ (въ 1893 году добыто 41.000 пуд. бѣлилъ).

Цинкъ, давно извѣстный въ Китаѣ и Индіи, въ

Европѣ былъ знакомъ долгое время только какъ составная часть сплава, извѣстнаго подъ именемъ латуни. Во всеобщее употребленіе онъ вошелъ лишь въ началѣ XIX столѣтія, и съ этихъ поръ производство цинка стало быстро увеличиваться. Разработка цинковыхъ рудъ въ Польшѣ, начавшись съ 1814 года, быстро развивалась: въ 1837 году было выплавлено около 200.000 пуд. цинка. Впослѣдствіи добыча цинка нѣсколько уменьшилась, а въ послѣднія 10—15 лѣтъ она остается на одинаковомъ уровнѣ, почти нисколько не повышаясь. Эта малоуспѣшность объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что верхніе пласты рудныхъ мѣсторожденій уже истощились, а во-вторыхъ, съ польскимъ цинкомъ соперничаетъ цинкъ въ Силезіи, гдѣ и руды богаче, да и разработка болѣе усовершенствована.

Кромѣ каменнаго угля, желѣза и цинка, въ Привислинскомъ краѣ есть мѣсторожденія и другихъ минераловъ: соль (Варш. губ.), сѣра (Кѣлец. губ.), серебро, свинецъ, мраморы разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, жерновой песчаникъ, гипсъ, огнеупорная глина, но добываются только нѣкоторые изъ этихъ ископаемыхъ и то въ ограниченномъ количествѣ. По правую сторону Вислы въ губерніяхъ Плоцкой, Ломжинской и Сувалкской, встрѣчаются мѣсторожденія янтаря; наибольшею извѣстностью пользуются залежи янтаря въ окрестностяхъ города Остроленки въ Ломжинской губерніи. Янтарь встрѣчается обыкновенно въ видѣ небольшихъ кусковъ неправильной формы, или же въ видѣ зеренъ, вросшихъ въ куски лигнита, что прямо указываетъ на

его происхожденіе, какъ смолы давно исчезнувшихъ растеній. Внутри янтаря часто бываютъ частички растеній и насѣкомыя, прекрасно сохранившіяся, несмотря на то, что они погребены были въ смолѣ цѣлыя тысячелѣтія. Добавимъ еще, что въ Стопницкомъ уѣздѣ, Кѣлецкой губерніи несомнѣнно есть нефтяные источники, но вопросъ о томъ, возможна ли ихъ разработка, еще не рѣшенъ. Мѣстные жители, впрочемъ, уже давно собираютъ нефть, выступающую на поверхности болотъ, и пользуются ею для смазки колесъ и освѣщенія.

Кромѣ перечисленныхъ видовъ фабрично-заводской промышленности и горнодѣлія, въ Привислинскомъ краѣ сильно развита техническая переработка сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Въ девяти губерніяхъ [1]) края, какъ помѣщики, такъ и крестьяне разводятъ свекловицу (особенно въ губерніи Варшавской); поэтому сахарное производство играетъ здѣсь крупную роль. Въ 1894—1895 гг. въ Привислинскомъ краѣ дѣйствовало 42 сахарныхъ завода, выпустившихъ 5.780.000 пуд. сахару. Далѣе здѣсь сильно развиты производства: пивоваренное, винокуренное, крахмально-паточное, солодовенное (на нѣкоторыхъ заводахъ солодъ перерабатывается въ мальцъ-экстрактъ и солодовыя конфекты), мукомольное (особенно въ Люблинской губерніи) и др.

Торговая дѣятельность въ Привислинскомъ краѣ сильно развита. Характерной чертой ея является

---

[1]) Кромѣ Сувалкской.

то, что Привислинье отпускаетъ весьма мало сырья, но зато въ большомъ количествѣ высылаетъ во внутреннія губерніи Россіи товары мануфактурные, галантерейные, металлическія издѣлія, вагоны и машины. Всѣ эти товары находятъ себѣ хорошій сбытъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, населеніе которыхъ преимущественно занимается земледѣліемъ.

Привислинскій край обладаетъ весьма важнымъ воднымъ путемъ (Днѣпро-Бугскою системою), ведущимъ по Вислѣ къ прусскому городу Данцигу, и густой сѣтью желѣзныхъ дорогъ (Петербурго-Варшавская, Варшаво-Вѣнская, Лодзинская, Варшаво-Бромбергская, Варшаво-Тереспольская, Привислинская, Бресто-Граевская, Ивангородо-Домбровская). Варшава, находящаяся въ пяти-лучевомъ узлѣ желѣзныхъ дорогъ, служитъ крупнымъ средоточіемъ внутренней торговли и однимъ изъ важнѣйшихъ посредствующихъ пунктовъ въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Западной Европой [1]).

---

[1]) Источники: Статьи *І. Познанскаго* „Экономическое развитіе Польши“ и *М. Митте* „Горное дѣло“ въ „Живоп. Россіи“, т. IV. „Производительныя силы Россіи“. Изд. Департ. Торговли и Мануфактуръ. Спб. 1896 г. „Сельское и лѣсное хозяйство Россіи“. Изд. Департ. Землед. и Сельск. Пром. Спб. 1893 г. *Д. Д. Моревъ*. „Очеркъ коммерческой географіи“. Спб. 1893 г. „Учебн. геогр. Росс. Имперіи“ *П. Бѣлова*, сокр. и перераб. *А. Соколовымъ*. М. 1897 г. и др.

ГЛАВА IX.

Варшава.

Уѣзжая изъ Петербурга въ Варшаву, я не вѣрилъ увѣрявшимъ, что Варшава *Эуропа* [1]), и что климатъ тамъ благословенный. Въ Варшавѣ климатъ оказался болѣе чѣмъ неблагословеннымъ. Морозы держались преисправно, снѣгъ шелъ, смѣняясь крупой, а крупа—снѣгомъ, и климатъ, казалось, совершенно позабылъ, что на дворѣ 1-е (а по Варшавски такъ и 13-е) марта. О приближавшейся веснѣ гораздо болѣе, чѣмъ климатъ, думали полиція и городское управленіе. Послѣднее распорядилось, а первая наблюдала за очисткой улицъ отъ снѣга. Снѣгъ кое-какъ скололи флегматичныя мазуры и сложили кучами вдоль тротуаровъ, но свозить и не думаютъ. Узенькія улицы стараго города стали почти непроѣзжи. Правда и то, что если бы появились за снѣгомъ телѣги, то изъ почти непроѣзжихъ улицы стали бы непроѣздными совсѣмъ.

Вступивъ въ Варшаву, вы дѣйствительно чувствуете себя въ Европѣ, почти въ настоящей со-

---

[1]) Европа—по польскому произношенію.

временной Европѣ. Это сразу же даютъ вамъ почувствовать хоть бы уличные нравы, сцены. Прежде всего, нѣтъ суеты и крика, которые характеризуютъ востокъ да нашу матушку Россію. Полякъ не суетливъ, когда онъ работаетъ, и не ругается такъ адски, какъ сквернословитъ восточный или русскій человѣкъ. По костюму сословія не различаются такъ рѣзко, какъ у насъ. Мужики ходятъ въ ботфортахъ, черныхъ суконныхъ пальто и черныхъ барашковыхъ шапкахъ колпачкомъ; отъ студента старыхъ временъ не отличить. Такихъ мужиковъ я видалъ не меньше двухсотъ на какомъ-то отвратительно грязномъ мясномъ и овощномъ рынкѣ, помѣщающемся въ самомъ центрѣ города на какихъ-то заднихъ дворахъ. Мужики съѣхались на своихъ парныхъ телѣгахъ и саняхъ, набились такъ, что яблоку негдѣ упасть, и все-таки не было ни суеты, ни „мущинскихъ“ словъ.—„Пане!“ „Пане!“—и разъѣдутся: кому время—уѣдетъ, кому нужно—выѣдетъ на рынокъ. Народъ все рослый, стройный, со спокойными, нѣсколько утомленными небольшими голубоватыми глазками и очень свѣтлыми усами и волосами.

Въ Польшѣ всѣ — паны и пани. Такихъ паней, какія попадаются въ Варшавѣ, я увѣренъ, нигдѣ не найти. Я не про красавицъ варшавскихъ говорю, а про уродовъ. Боже мой, что это за ужасъ! Люди, повидимому, отвергли ихъ, потому что онѣ пріютились на внутреннихъ темныхъ папертяхъ костеловъ. На каждой паперти не меньше дюжины этихъ клубковъ тряпья и невозможныхъ капоровъ.

Это что-то сгорбленное, пухлое, обрюзгшее, беззубое, съ гноящимися глазами, хромающее, больное, старое и нищее до неслыханныхъ нигдѣ, кромѣ Варшавы, размѣровъ.

Папертныя пани и ломовыя лошади—одинаково примѣчательны для Варшавы. Трудно рѣшить, чей образчикъ несчастія печальнѣе—человѣческій или звѣриный. Во время моего проѣзда вывозили съ улицъ снѣгъ, и Варшава была полна лошадьми, запряженными въ необычайно длинныя и очень узкія телѣги, болѣе похожія на корыта, чѣмъ на телѣги, или даже на гробы, приготовленныя для тѣхъ самыхъ лошадей, которыя ихъ таскаютъ. Варшавская лошадь, небольшая и тонкая, къ ломовой работѣ непригодна и потому видъ имѣетъ ужасный: кожа да кости, очень мало шерсти, такъ какъ она вытерта постромками, хомутами и ударами бича. Въ Варшавѣ существуетъ общество покровительства животнымъ, но или оно лошадей не считаетъ животными, или бѣдные скоты чѣмъ-нибудь провинились и отданы обществомъ на каторгу.

Изъ другихъ достопримѣчательностей варшавскихъ улицъ слѣдуетъ назвать извозчиковъ. Въ Петербургѣ извозчикъ имѣетъ видъ общительнаго и зажиточнаго мужиченка. Въ Варшавѣ—это обнищавшій магнатъ. Взгляните, какъ стоитъ онъ съ своей крытой пролеткой на улицѣ. И самъ „панъ друшкажъ“, и его разбитый экипажъ, и его пара коней, величественно дремлютъ. Кони—я уже описалъ коней. Самъ панъ одѣтъ въ синюю ливрею, на которой болѣе заплатъ, чѣмъ металлическихъ

пуговицъ, въ мѣховую шапку съ большимъ козырькомъ и наушниками, а его ноги обернуты пестрымъ пледомъ. Панъ откинулся назадъ, положилъ голову на кузовъ экипажа и величаво не то дремлетъ, не то мечтаетъ о невозвратно прошломъ. Гордыя заплаты и вылинявшія краски одежды, экипажа и лошадей дополняютъ впечатлѣніе, производимое мечтателемъ.

Друшкажи, ломовыя клячи, мужики, одѣтые студентами и папертныя старухи многочисленныхъ костеловъ — вотъ что бросается въ глаза прежде всего. Послѣ глаза больше всего поражается обоняніе.

Въѣхавъ въ Варшаву, прежде всего, какъ я сказалъ, вы замѣчаете европейскій видъ и манеры людей. Но есть и еще что-то, столь же сильно говорящее о Европѣ, но что — не могу уловить. Что бы это было, что такъ и напоминаетъ вамъ западный городъ, отъ Берлина до Палермо, отъ Вѣны до Лондона? Несомнѣнно, это что-то то же самое и здѣсь, какъ и тамъ. Воздухъ, что ли, такой же? Пахнетъ ли такъ же? Ну, наконецъ, это и воздухъ европейскій и пахнетъ Европой: дымкомъ и копотью каменнаго угля. Каменный уголь получилъ широкое распространеніе въ большинствѣ мѣстностей Польши, а дрова продаются мѣстами по копѣйкѣ за фунтъ. Въ большинствѣ гостиницъ печи топятъ только по особому требованію и за особую плату, совсѣмъ какъ въ „Эуропѣ“, которая, замѣтимъ, даже во Флоренціи въ послѣднее время стала устраивать двойныя рамы и солидныя печи.

Впрочемъ, лучшія варшавскія гостиницы измѣнили „Эуропѣ“ и не предполагаютъ возможнымъ при двадцати градусныхъ затяжныхъ морозахъ жить въ нетопленной комнатѣ.

„Во времена князей Мазовецкихъ“, при князьяхъ Мазовецкихъ, въ Мазовецкую эпоху—такъ начинается описаніе любой древности въ любомъ путеводителѣ по Варшавѣ. Оказывается, Варшава не городъ поляковъ, а городъ мазуровъ. Послѣ соединенія Литвы съ Польшей было постановлено собирать общіе сеймы въ Варшавѣ именно потому, что она „ни польская, ни литовская, а стоитъ на ничьей землѣ Мазовецкой“. Столицей Варшава дѣлается только въ 1595 г., при Сигизмундѣ III, на смѣну древнему Кракову. То, что Варшава будто бы ничья, потому что она мазовецкая, было сказано простоватой Литвѣ только для отвода глазъ. Мазовія то и была настоящей Польшей; князья Мазовецкіе были польскими „собиратели земли“, и князь Владиславъ Локетекъ (1305—1333 г.), сдѣлавшись королемъ польскимъ, соединилъ Великую Польшу (княжества по Вартѣ) съ Малой (земли по Вислѣ). При немъ впервые Польша становится настоящей государственной силой.

Судьба Варшавы—не веселая. Свои не могли ее сберечь, и городъ, которому давно уже слѣдовало стать посредникомъ великой европейско-русской торговли и промышленности, расцвѣлъ только при

русскомъ владычествѣ. Въ половинѣ XVII столѣтія столица Польши насчитываетъ въ своихъ стѣнахъ только 300 домовъ и 6.000 жителей. До такого состоянія ее довело шведское нашествіе (1655 г.), пожары 1660 года, моровая язва 1662 г. и безобразія и грабежи пановъ во время выборовъ короля на смѣну удалившемуся въ 1668 г. отъ дѣлъ Яну Казимиру. Не счастливѣй было и начало XVII вѣка, и только къ концу его число жителей доходитъ до 100.000. Время наибольшаго роста Варшавы начинается съ 1831 года, т.-е. какъ разъ съ потери поляками послѣднихъ политическихъ правъ. Въ настоящее время въ Варшавѣ 614.752 жителя (четвертая часть изъ нихъ евреи) и всѣ принадлежности огромнаго промышленнаго и торговаго города: безчисленные фабрики и магазины, больницы (11), гимназіи (9), иностранныя консульства (даже перувіанское и персидское), богатое общество благотворительности, содержащее больницы и богадѣльни, кухни, библіотеки и кассы ссудъ; клубы, ученыя и экономическія общества, редакціи 66 періодическихъ изданій, банки, акціонерныя общества, музеи, кабинеты,—словомъ, вся та каша сгущенной городской жизни, изъ которой вырабатываются деньги, наука, искусства, съ одной стороны, и нищета, невѣжество и грубость—съ другой.

Отъ „эпохи князей Мазовецкихъ“ дошли, повидимому, только мѣста, на которыхъ теперь стоятъ старые *палацы*, *гмахи* и костелы. Все это основано, можетъ быть, и очень давно, но носитъ совсѣмъ свѣженькій характеръ. Все мило, прилично, но но-

ситъ печать не вѣковъ, а толковаго губернскаго варшавскаго архитектора, пана Идзиковскаго, или пана Маркони, пана Корацци или другого кого-либо изъ штатныхъ городскихъ архитекторовъ второй половины XIX столѣтія. Все реставрировано о́чень усердно и очень недавно.

Всѣхъ палацовъ [1]) древнихъ насчитываютъ до двадцати четырехъ; новыхъ меньше,—между ними дома Европейской гостиницы и еврейскихъ банкировъ Кронеберга и Левенсона.

Старые палацы очень мило возобновлены губернскими архитекторами второй половины XIX столѣтія и большею частью заняты казенными учрежденіями. Такъ, въ палацѣ Паца находится окружной судъ, въ палацѣ примаса польскаго помѣщалось юнкерское училище, въ палацѣ Сташица учатся гимназисты, королевскій палацъ Яна Казимира пріютилъ университетъ. Палацъ Паца! Палацъ Сташица! Конечно, для поляка это звучитъ равносильно разнымъ Ка-Доро, палаццо Питти, палаццо Веккіо. Но человѣкъ посторонній, увы! равнодушно смотритъ на эти небольшіе дома, выкрашенные по большей части темненькой клеевой краской, и не только палацами, а и палàциками признаетъ ихъ съ трудомъ.

Центромъ города служитъ такой же скромной внѣшности, но большихъ размѣровъ, королевскій зàмокъ, получившій свой теперешній видъ въ 1821 году. Въ немъ помѣщается генералъ-губер-

[1]) *Палацъ*—дворецъ.

наторъ, и великолѣпно помѣщается. Изъ оконъ замка далеко внизу видна зеленая по цвѣту тоже заграничная, европейская, Висла и ея противоположный берегъ. Между замкомъ и Вислой—сады на каменныхъ аркахъ. Противоположнымъ фасадомъ замокъ выходитъ на площадь, которая подымается отъ зданія нѣсколько вверхъ и сильно скрадываетъ его размѣры. На сѣверъ отъ замка идетъ старый городъ, на югъ—новый.

Ужасны ломовыя клячи, ужасны папертныя пани Варшавы, но ея Старый городъ, Старэ Място, еще ужаснѣй. Это тоже *Эурора XVI* и *XVII* столѣтій. Но настоящая Европа частію уничтожила, частію почистила свои старые кварталы, эти гнѣзда болѣзней и заразъ. Польская Европа бережетъ свою старину ужъ слишкомъ ревниво, со всѣмъ ея столѣтнимъ смрадомъ. Если бъ не смрадъ и не страхъ заразы, можно было бы не безъ удовольствія побродить по старымъ кварталамъ Варшавы, представляющимъ сильно уменьшенную копію съ стараго Берлина, старой Вѣны, Парижа, Неаполя. Тѣ же узенькія и извилистыя тропинко-образныя улички, тѣ же дома, въ два-три окна, съ острымъ и высокимъ колпакомъ черепичатой крыши, съ эмблемами и латинскими изреченіями надъ входомъ, защищеннымъ толстой желѣзной дверью. Дома стоятъ плечо къ плечу сплошной массой, съ однообразными фасадами, и производятъ впечатлѣніе одной сплошной стѣны. Улички пріобрѣтаютъ видъ коридоровъ, площадки и площади—комнаты. Евреи и теперь

наполняютъ Старэ Място, пугая туриста [1]) своими неимовѣрно изнуренными и болѣзненными лицами.

Какъ Старэ Място—подражаніе Старой Европѣ, такъ новые кварталы — копіи новой. На югъ отъ королевскаго замка тянется сначала улица Краковское предмѣстье, потомъ Новэ Място и, наконецъ, все новѣе и новѣе, Уяздовская аллея, въ концѣ которой находится, на мѣстѣ лазень (бань) князей Мазовецкихъ, паркъ и скромный загородный дворецъ короля Понятовскаго, Лазенки. Краковское предмѣстье и Новэ Място представляютъ изъ себя нѣчто среднее между московскими и одесскими улицами, — больше, красивѣй домами и чище московскихъ, и грязнѣе и извилистѣй одесскихъ. Аллея—миніатюрная копія новаго Парижа или новой Вѣны.

Тутъ, читатель, покинемъ прекрасную Варшаву, этотъ городъ-копію, и изъ польской столицы отправимся въ польскую провинцію.

Опять вагонъ, на этотъ разъ тоже эуропейскій и къ Польшѣ совсѣмъ не подходящій, плохо отапливаемый и съ дверьми съ боковъ. Опять замерзшее окно, опять бѣлая равнина, опять сугробы съ широкополыми шапками.

На одной изъ станцій смѣняемъ вагонъ на наемную карету, запряженную четверкой цугомъ. Шоссе мѣстами обнажено, мѣстами переметено глубокимъ снѣгомъ. По камню мы ѣдемъ рысью, въ сугробахъ, не смотря на громкое хлопанье и жестокое

---

[1]) *Туристъ*—путешественникъ.

подстегиванье бичемъ, иногда застреваемъ. Дымящіяся, мокрыя лошади отдыхаютъ, я выглядываю изъ окна и сейчасъ же прячусь. На дворѣ 15-е марта и мятель, со свистомъ и сипѣньемъ пересыпающая сухой снѣгъ между спицами нашихъ колесъ. Хорошо еще, что полнолуніе, и задернутый облаками и снѣгомъ мѣсяцъ залилъ воздухъ жиденькимъ и достаточнымъ, чтобы не сбиться, свѣтомъ.

Двадцать верстъ мы ѣхали три часа.

Польскіе крестьяне Люблинской губ. и уѣзда, въ зимней одеждѣ.
(Изъ журн. „Висла“, т. XVI, вып. 3).

ГЛАВА X.

Уѣздный городъ Привислинскаго края.

Прежде всего, городъ стоитъ на болотѣ или болотами окруженъ. Болота эти не шуточныя. Ихъ усердно и давно осушаютъ, но еще далеко не осушили, и глазъ туриста окидываетъ довольно трудно-обозримыя пространства плоскихъ и мокрыхъ тундръ, окружающихъ древній польскій городокъ, куда туристъ забрался. Не думайте, однако, что это болото—русское болото. Нѣтъ, оно во многомъ европейское (не даромъ же надъ нимъ поработалъ нѣмецъ), оно во всѣхъ направленіяхъ канализовано; кочекъ на немъ нѣтъ, ржавыхъ лужъ нѣтъ, дрянныхъ ольховыхъ и лозовыхъ кустиковъ, изуродованныхъ полуголоднымъ скотомъ, тоже нѣтъ. Все оно превращено или въ выгонъ, или въ сѣнокосъ, или, наконецъ, служитъ вмѣстилищемъ торфа, откуда его выбираютъ на топливо или для удобренія полей. Тѣмъ не менѣе, болото – все-таки болото. Къ городку нельзя подъѣхать иначе, какъ по дамбамъ, въ нѣсколько верстъ длиной. Дамбы принадлежатъ прекраснымъ шоссейнымъ дорогамъ, которыми вдоль и поперекъ испещрена вся Польша, благодаря все тѣмъ же москалямъ и нѣмцамъ.

Весною, во время разлива водъ или въ затяжные дожди, которые въ Польшѣ не рѣдкость, дамбы погружены въ воду, которая стремится подъ многочисленные мосты, но иногда все-таки размываетъ дорогу и на нѣсколько дней прекращаетъ движеніе. Болота затѣмъ порождаютъ тучи комаровъ, неисчислимыя полчища лягушекъ и лихорадки. Болота дѣлаютъ лѣтнія ночи холодными и туманными, а лѣтніе дни менѣе жаркими. Въ домахъ отъ близости болота заводится сырость, которую поляки еще не додумались какъ выводить, и на которую москали и нѣмцы смотрятъ сквозь пальцы. Въ садахъ такого приболотнаго древняго польскаго города сыро и грязно, а стволы деревьевъ красиво зеленѣютъ подъ покровомъ мховъ и плѣсени.

Въ настоящемъ польскомъ городкѣ евреи, такъ чтобы ужъ слишкомъ, не выдаются. Правда, лавки принадлежатъ имъ, но не всѣ безъ исключенія, какъ въ Западномъ краѣ. Лавки, принадлежащія евреямъ, съ виду очень приличны, скорѣе магазины, чѣмъ лавки, а сами евреи не имѣютъ такого изголодавшагося вида и такихъ цыгански-мошенническихъ ухватокъ, какими отличаются ихъ соплеменники въ Бѣлоруссіи или Малороссіи. Знаменитаго „польскаго жида“ надо искать тамъ,—въ Польшѣ онъ мало-по-малу превращается въ „поляка моисеева закона“.

Конечно, одно изъ лучшихъ и старѣйшихъ зданій города—еврейская синагога. Одинъ изъ польскихъ королей, Казиміръ Великій, былъ смертельно

влюбленъ въ еврейку Эсѳирь, и очень много синагогъ относится своимъ построеніемъ къ счастливымъ годамъ любви этой счастливой парочки. Синагога—обширное зданіе неопредѣленнаго стиля, не то романскаго, не то готическаго, напоминающее христіанскій храмъ этихъ стилей, но безъ колокольни. Ремонтируется синагога плохо, по случаю ухудшенія еврейскихъ гешефтовъ при могучей конкурренціи нѣмецкихъ капиталовъ; но видно, что строена она на широкую ногу, что нѣкогда не только польскія деньги, но и польскія сердца были въ еврейскихъ карманахъ.

Отъ оптовой торговли и фабрикъ евреевъ оттираютъ нѣмецкіе капиталисты, отъ ремеслъ—нѣмецкіе ремесленники.

Мансарды, чердаки, крытыя, очень высокія черепичатыя крыши, составляютъ самую рѣзкую особенность польскаго городка. Такую огромную и тяжелую крышу, высотою съ цѣлый этажъ, можно поставить только на каменныя стѣны,—и польскій городокъ каменный. Кромѣ того, польскій городокъ не по народонаселенію малъ. Правда, въ немъ всего какихъ-нибудь пять-семь тысячъ жителей, но и для этого онъ занимаетъ слишкомъ мало мѣста—полторы, двѣ версты въ окружности. Въ этомъ отношеніи польскій городокъ опять городокъ европейскій, а не русскій, — каменный, а не деревянный,—черепичатый, а не гонтовый,—съ узенькими, а не широкими улицами,—довольно высокій, двухъ и даже трехъ-этажный, а не приземистый, не погорающій въ десять лѣтъ разъ до половины, а въ

двадцать лѣтъ цѣликомъ, и потому имѣющій „старый кварталъ“, подобно Варшавѣ и европейскимъ городамъ. Если Варшава—маленькая копія Европы, то уѣздный польскій городокъ—копія Варшавы до смѣшного крохотная. Какъ въ Варшавѣ и Европѣ, въ городкѣ есть и „Новый кварталъ“: полъ-переулочка пошире и почище; есть и своя „аллея“, свои „Елисейскія поля“: полъ-переулочка, засаженнаго орѣхами, каштанами, бѣлой акаціей; есть свой паркъ, мѣстный „огрудъ сасски“, мѣстная „тюльери“. Въ старомъ кварталѣ улички узки, не разминуться двумъ телѣгамъ, и порядочно попахиваетъ изъ сквозныхъ сѣней. Въ новомъ кварталѣ вездѣ бетонные троттуары, гордость городка, стоящая ему тысячъ двѣнадцать. „Аллея“ раздѣлена на три части, при чемъ у начала каждой стоитъ доска съ соотвѣтствующей надписью на двухъ языкахъ, польскомъ и русскомъ, указывающею, какая дорожка предназначена для пѣшеходовъ, какая для экипажей. Въ „Аллеѣ“ стоятъ лучшіе дома города, новомодные, безъ черепичатыхъ колпаковъ, съ балкончиками, съ лѣпной орнаментикой, но все-таки — увы — съ холодными лѣстницами, сквозными сѣнями и дверями, обмерзающими зимою, какъ не надо хуже.

Но главная гордость городка, это—площадь. Довольно большая, очень чисто содержимая, хорошо мощеная, она обставлена или старѣйшими, или лучшими зданіями городка: „Отелемъ Польскимъ“; трехъ-этажными казармами расположеннаго въ городѣ пѣхотнаго полка; очень большимъ, оконъ въ

сорокъ, каменнымъ зданіемъ упраздненнаго монастыря, гдѣ помѣстились присутственныя мѣста, камеры должностныхъ лицъ и квартиры чиновниковъ, и домами, хотя и небольшими, но XVIII, иногда XVII вѣка, принадлежащими исконнымъ польскимъ горожанамъ, т. е. нѣмцамъ и евреямъ. Въ этихъ домахъ — гостиницы, лавки и магазины. Стѣны упраздненнаго монастыря поражаютъ обиліемъ навѣшанныхъ на нихъ государственныхъ гербовъ. Сначала кажется, что это все аптеки. Оказывается, что въ Польшѣ вывѣска каждаго казеннаго учрежденія, отъ канцеляріи генералъ-губернатора до сельской школы, обязательно украшена русскимъ гербомъ. Имѣютъ его вывѣски слѣдователей, нотаріусовъ, акцизныхъ надзирателей, даже волостныхъ правленій (гминъ) и волостныхъ старшинъ.

Посреди площади стоитъ красивый небольшой каменный павильонъ, тоже съ орломъ. Это—магистратъ. Здѣсь засѣдаетъ управленіе городка, бургомистръ и совѣтники. И бургомистръ, и совѣтники не выбираются жителями, а назначаются администраціей, и не только слушаются, но и побаиваются „начальника уѣзда“ (по нашему — исправникъ), который, какъ встарь Репнинъ съ Понятовскимъ, обращается съ ними строго, но справедливо, и пріучаетъ ихъ къ благоустройству и порядку. Заботы о внѣшнемъ благоустройствѣ съ начальникомъ уѣзда раздѣляютъ помощникъ начальника уѣзда (нашъ помощникъ исправника) и начальникъ земской стражи, въ распоряженіи кото-

раго находятся щеголеватые стражники, одѣтые нашими городовыми и разсыпанные по городамъ, посадамъ и селамъ уѣзда. Болѣе внутреннимъ благоустройствомъ завѣдуетъ начальникъ жандармовъ, солдаты котораго тоже разсыпаны по уѣзду. Разсыпана и еще полиція — акцизная, и еще полиція—сыскная. Съ виду все это какъ-будто и очень строго, но на самомъ дѣлѣ случаи вмѣшательства въ частную жизнь, въ дѣла совѣсти и убѣжденія, случаи административнаго произвола и стѣсненій, о которыхъ трубятъ заграничныя недружелюбныя намъ газеты, являются въ видѣ исключеній.

Примите и то въ соображеніе, что низшее чиновничество губернскихъ и уѣздныхъ канцелярій сплошь польское.

Что-же еще есть въ городкѣ? Тюрьма, пара костеловъ, непремѣнно лютеранская кирка съ портретомъ Мартина Лютера и подписью подъ нимъ: „Doctor Martin Luter, geboren... gestorben...“ [1]), развалины стариннаго замка и красивая каланча, построенная вольнымъ пожарнымъ обществомъ.

На самомъ краю города, за грудой кирпичей— все, что осталось отъ стараго замка, — тамъ, гдѣ песчаный бугоръ, на которомъ построили городокъ, кончается, и гдѣ начинается торфяное болото, стоитъ старѣйшій костелъ городка. Онъ весь сложенъ изъ дикаго камня и имѣетъ видъ дряхлый,

---

1) Докторъ Мартинъ Лютеръ — родился (тогда-то), умеръ (тогда-то).

мрачный, обомшѣлый; двѣ его колокольни и стѣны въ нѣсколькихъ мѣстахъ треснули; въ нѣсколькихъ мѣстахъ стѣны переложены заново, при чемъ камень замѣненъ кирпичемъ. Но несмотря на эти заплаты, мохъ, трещины и безобразіе старости, церковь сразу же производитъ на васъ освѣжающее впечатлѣніе своей художественностью, своимъ строгимъ стилемъ.

ГЛАВА XI.

Сто верстъ лошадьми.

И въ сильно *европеизированной* Польшѣ еще есть разстоянія во сто верстъ, которыя иначе, какъ лошадьми, не проѣдешь. Но эта ѣзда опять-таки не русская перекладная. Правда, если вы очень захотите, вы можете ѣхать и въ телѣгѣ, но нѣтъ ничего проще, какъ достать себѣ карету, запряженную парой лошадей, которая за десять цѣлковыхъ повезетъ васъ за сто верстъ. Карета, конечно, не важная,—больше, чѣмъ карета, но прочная, на дорогѣ не развалится, не очень трясетъ и не течетъ. Наверху помѣстятъ вашъ багажъ, хорошо его привяжутъ и укроютъ. Такія кареты есть и въ вашемъ уѣздномъ городкѣ, а если нѣтъ, напишите въ губернскій, и карета явится къ вашимъ услугамъ оттуда. Кучеръ дорогой пьянъ не напьется, не заснетъ, васъ нигдѣ не вывалитъ и вамъ не нагрубитъ; даже на чай не попроситъ, если вы сами не дадите.

Польскіе виды, польская природа... Въ Польшѣ природы осталось уже очень мало, тоже по заграничному. Природу замѣнило „сельское хозяйство“.

Да и та природа, которая была,—не изъ важныхъ. Польша—равнина, мѣстами плоская, какъ столъ, мѣстами еле-еле взволнованная возвышеніями и ложбинами, совершенно нечувствительными ни для лошадей, ни для экипажа; только въ видѣ исключеній равнина переходитъ въ невысокіе холмы. Почва не плодородная. Растительность скудная. Прелести въ такой природѣ немного. Въ старыя времена тутъ, должно быть, тоже были Гоголевскія „чушь и дичь“ и Некрасовскіе „небо, ельникъ, да песокъ“. Въ настоящее время чушь и дичь смѣнились довольно высокимъ хозяйствомъ, тоже скопированнымъ въ сосѣдней Пруссіи.

Мы выѣхали изъ своего уѣзднаго городка въ губернскій городъ въ самыхъ послѣднихъ числахъ марта. Снѣгъ согнало въ половинѣ марта, и разлились рѣки и рѣченки. Въ двадцатыхъ числахъ опять шелъ и лежалъ снѣгъ. 27-го снова потеплѣло; пошли дожди, продолжавшіеся до 5-го апрѣля, то теплые, то холодные,—чаще холодные. Озими позеленѣли, но трава шла въ ростъ туго, а деревья и кусты и не думали распускаться. Отличія отъ Россіи мало. Поляки увѣряли, что это только въ нынѣшнемъ году въ первый разъ такой скверный климатъ случился.

Первую половину дороги мы ѣхали плодородными мѣстами. Плодородной землей зовется здѣсь не какой-нибудь черноземъ, а самая простенькая супесь и даже песокъ, на лежащей неглубоко глинѣ. Глина не даетъ песку высыхать, а черезчуръ мокнуть песокъ самъ не расположенъ; дождей въ

Польшѣ—хоть отбавляй; обработка песка легкая; удобряется онъ и навозомъ, и торфомъ, и мусоромъ, и грязью съ шоссейной дороги усердно. Въ результатѣ получаются отличные результаты хлѣбовъ для людей и травъ для скота. Мужицкія деревни тутъ часты и мужики богаты; паны, наоборотъ, рѣдки и бѣдны. Мѣстность ровная, кое-гдѣ прерываемая болотами, превращенными вешней водой въ озера. Рѣченки тутъ маленькія, но многочисленныя. Шоссе — изъ второстепенныхъ линій, узенькое и обсаженное вербой и ольхой. Лѣсовъ и помину нѣтъ: все до послѣдняго клочка воздѣлано, и единственныя деревья — тополи усадебъ, деревень и дорогъ, прозрачными рядами и группами стоящіе и перекрещивающіеся другъ съ другомъ.

На половинѣ пути мы переѣзжаемъ черезъ небольшую, но буйную Варту, съ большимъ трудомъ проѣзжаемъ по трехверстной дамбѣ, сильно попорченной разливомъ, и выѣзжаемъ въ мѣстность худородную и холмистую. Деревни сразу же рѣдѣютъ, и мужики, бабы, ихъ хаты, ихъ скоты и телѣги сразу же дѣлаются меньше и мельче. Обработанная земля все чаще перемежается съ сосновымъ и березовымъ лѣсомъ. Лѣсъ принадлежитъ помѣщикамъ, лѣсныя и неплодородныя имѣнія, какъ извѣстно, дробятся менѣе, помѣстья здѣсь крупны, а такъ какъ лѣсъ средней руки здѣсь стоитъ все же 500 руб. десятина, а пахота 200 руб., то помѣщики худородныхъ лѣсныхъ холмовъ богаче своихъ мелкопомѣстныхъ собратій плодород-

ной равнины. Помѣщичьи усадьбы тутъ обширныя, каменныя, отлично поддерживаемыя. Шоссе обсажено уже не вербой и ольхой, которыя на пескѣ не растутъ, а осокоремъ. Шоссе тутъ большое, ведущее изъ Варшавы за границу, старое; осокори тоже старые, огромные, и, какъ по командѣ, какъ шеренга солдатъ, дѣлающая гимнастику, наклонившіеся въ сторону, противную господствующимъ сѣверо-западнымъ вѣтрамъ. Наклонъ невеликъ, но рѣзко бросается въ глаза и представляется точно ошибкой, чѣмъ-то вродѣ пизанской падающей башни. Если бы не въ первый разъ, было бы очень скучно ѣхать этими сырыми равнинами, сухими холмами и однообразными, чистыми, аккуратно рубимыми и тщательно вновь засѣваемыми и засаживаемыми лѣсами.

Конечно, на протяженіи ста верстъ попалось штукъ пять посадовъ, мѣстечекъ и городковъ, но изображеніе ихъ я только что читателю далъ, и потому перехожу къ губернскому польскому городу, куда мы въ своей каретѣ прибываемъ къ ночи.

ГЛАВА XII.

Калишъ.

Губернскій городъ, куда мы пріѣхали—Калишъ, западный изъ городовъ Русской имперіи, ушедшій дальше всѣхъ прочихъ городовъ въ глубь Европы. Онъ стоитъ на рѣкѣ Проснѣ, маленькой и бойкой польской рѣкѣ, которая шибко бѣжитъ въ Европу, впадая сначала въ Варту, а потомъ, вмѣстѣ съ водами послѣдней, въ Одеръ. И Варта, и Одеръ протекаютъ не очень далеко отъ новѣйшаго пупа земли—Берлина, а въ море вливаются у Штетина.

Калишъ построенъ въ долинкѣ Просны, на ея берегахъ и островкахъ, и стоитъ, какъ въ котелкѣ, окруженный холмами. Польскіе города любятъ располагаться непремѣнно или у болота, или на рѣчныхъ берегахъ, которые въ половодье заливаетъ. Самъ Калишъ, правда, не подверженъ наводненіямъ, но его великолѣпный паркъ, разведенный русскими губернаторами, обнесенъ высокими дамбами, и все-таки кое-гдѣ вода вздувшейся Просны просачивается сквозь почву и образуетъ изрядныя лужи. Несмотря на это, паркъ дѣйствительно прекрасный и не осрамилъ бы себя не только въ Вар-

шавѣ, но и въ Петербургѣ, гдѣ-нибудь на мѣстѣ Александровскаго сада, что у Адмиралтейства.

Наши губернаторы не только поддерживаютъ и украшаютъ калишскій паркъ, но еще и засадили всѣ набережныя и всѣ болѣе широкія улицы каштанами, орѣхами, бѣлой акаціей и липой. Деревья крупныя, здоровыя, красивыя. Когда все это зеленѣетъ и цвѣтетъ, въ маѣ, Калишъ, говорятъ, представляетъ изъ себя маленькій Дамаскъ: благоуханье цвѣтовъ, журчанье рѣчекъ-ручьевъ, пѣнье соловьевъ.

Мы пріѣхали въ Калишъ вечеромъ. Гостиница, конечно, съ сквозными воротами, холодными лѣстницами и нетопленными комнатами. Все—по-европейски. Велѣли затопить печи, а сами, пока комнаты согрѣются, вышли на улицу.

Мы вышли на небольшую городскую площадку. Она окружена со всѣхъ сторонъ старинными домами, узкими, съ высокими кровлями, крытыми черепицей. Въ нижнихъ этажахъ скромные, но хорошіе магазины. Тамъ же — два-три лучшихъ ресторана города, съ виду смахивающихъ на петербургскую греческую кухмистерскую, безлюдныхъ, но съ хорошей свѣжей кухней и отличными винами. На площадкѣ и прилегающихъ уличкахъ, хорошо освѣщенныхъ газовыми фонарями, тихо. Экипажнаго движенія нѣтъ, и слышно, какъ городовой бесѣдуетъ съ извозчикомъ, сидящимъ на козлахъ своей коляски, да какъ, не то недовольно, не то блаженно воркуютъ, ходящія взадъ и впе-

редъ по единственному въ городѣ широкому тротуару площади, парочки.

Чистенькій и уютный городокъ и весенній вечеръ манятъ насъ дальше. И дальше все тѣ же опрятныя старомодныя улицы, маленькія площадки, и тишина, тишина... На одной изъ площадокъ — губернаторскій домъ, бывшій дворецъ, свидѣтель частыхъ свиданій русскихъ императоровъ и прусскихъ королей, — большой изящный домъ съ золотой латинской надписью, гласящей, что онъ построенъ въ царствованіе Александра I. Тутъ же жмутся ко дворцу долговязые, со шпицами и часами, костелъ и кирка. Тутъ же и русская довольно неудачная церковь.

Куда бы вы съ этой площади ни пошли, вы черезъ двѣ-три минуты придете къ рѣчкѣ, которая весело шумитъ, падая съ плотинъ, которыми умѣряется стремительность ея бѣга.

ГЛАВА XIII.

Холмская Русь.

Бытъ крестьянъ Холмской и Подлясской Руси по народнымъ пѣснямъ.

Нынѣшнія двѣ губерніи Привислинскаго края, Люблинская и Сѣдлецкая, въ простонародьѣ называемыя Холмщиною, въ древности назывались Холмской Русью. Какъ показываетъ самое названіе, эта область—страна искони русская. Древніе обитатели этой страны, бужане и дулебы, принадлежали несомнѣнно къ группѣ восточныхъ, т.-е. русскихъ славянъ; въ X вѣкѣ страна бужанъ и дулебовъ входила въ составъ русскаго княжества, а христіанство стало распространяться здѣсь одновременно съ распространеніемъ его по всей Руси, т.-е. главнымъ образомъ при Владимірѣ Святомъ и стараніями этого послѣдняго.

Изъ географическихъ данныхъ Начальной Лѣтописи видно, что въ удѣльное время русское населеніе жило въ юго-восточной части бассейна рѣки Вислы—по верхнему теченію Вепря до устья Быстрицы и верхнему теченію Западнаго Буга съ его западными притоками: Гучвой, Угеромъ и Влодавой; мѣстность эта, пограничная съ ляшской зем-

Поляки Люблинской губ. и уѣзда. Слѣва парень и дѣвушка, справа молодожены.
(Изъ журн. „Висла“, т. XVI, вып. 3).

лей, какъ видно изъ лѣтописи, носила названіе Украйны. Русское населеніе занимало также юго-восточную часть нынѣшней Сѣдлецкой губерніи, коренными жителями которой были литовско-ятвяжскія племена. Съ юга, какъ можно предполагать, съ Волыни и Галича, шло постоянное заселеніе русскими литовскихъ земель, такъ что въ XIII вѣкѣ русскія селенія доходили до рѣки Нарева и Бобра. Нѣтъ сомнѣнія, что въ жилахъ малорусскаго подлясскаго населенія течетъ не мало ятвяжской крови, что сказывается на многихъ его особенностяхъ сравнительно съ малорусскимъ племенемъ вообще и съ малоруссами Люблинской губерніи въ частности.

Малоруссъ Люблинской губерніи и внѣшнимъ своимъ видомъ, и нравами, и обычаями вполнѣ напоминаетъ своихъ галицкихъ и волынскихъ собратьевъ: такое же круглое лицо съ темнорусыми или черными волосами, немного выдающимися скулами, широкимъ въ основаніи носомъ, рѣдкими и и небольшими волосами на бородѣ и усахъ, тотъ же костюмъ, такія же хаты и вся внѣшняя обстановка, тѣ же пѣсни и обряды. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ подлясскій крестьянинъ, ближе всего напоминающій по своей наружности литовца Сувалкской губерніи. Цвѣтъ волосъ у подляшанъ большею частью свѣтлорусый, лицо продолговатое, носъ длинный, часто орлиный, выраженіе лица умное и энергическое. Подобно всѣмъ малоруссамъ, подляшане—флегматики, но малорусское мелочное упрямство у нихъ часто превра-

щается въ твердость воли, въ необычайную настойчивость, замѣтную въ жизни подлясскаго простонародья всякому наблюдателю. У нихъ нѣтъ или очень мало общаго малорусскаго юмора; рѣчь ихъ опредѣленная, рѣзкая; у нихъ больше трудолюбія, чѣмъ у люблинскихъ малороссовъ; меньше распространено пьянство. Говорятъ они полѣшскимъ нарѣчіемъ малорусскаго языка, въ то время какъ люблинскіе малоруссы употребляютъ червонно-русское нарѣчіе.

Въ XIV столѣтіи и подлясскіе и холмскіе малоруссы подпали подъ власть Польши, но жить подъ польскимъ владычествомъ имъ пришлось не въ одинаковыхъ условіяхъ. Подляшане, занимая окраину русскихъ земель, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій должны были защищать свою народность отъ польскихъ посягательствъ, особенно сильныхъ въ подлясской землѣ, благодаря близости Польши; рано потеряли подляшане свое русское дворянство мало было у нихъ, благодаря отдаленности, связей съ остальнымъ русскимъ населеніемъ, находившимся подъ властью Польши; положеніе ихъ было тѣмъ тягостнѣе, что въ ихъ землю постоянно шли поселенцы изъ Польши, но, несмотря на все это, подляшане не поддавались польскому вліянію и съ необычайной твердостью защищали свою вѣру и свою народность. Только въ XVIII и преимущественно въ XIX столѣтіяхъ стала ослабѣвать ихъ энергія, чему особенно способствовала унія. Русскій языкъ, еще въ концѣ XVIII столѣтія употреблявшійся въ судебныхъ и церковныхъ актахъ,

исчезаетъ и замѣняется польскимъ; польскій языкъ начинаетъ слышаться въ рѣчи деревенскаго и преимущественно городского населенія, гдѣ онъ, наконецъ, дѣлается преобладающимъ; вмѣстѣ съ языкомъ стали исчезать народныя пѣсни, обычаи, обряды, стало мало-по-малу ослабѣвать сознаніе своей народности. Только уніатское церковно-славянское богослуженіе поддерживало отчасти связь съ предками и съ остальнымъ русскимъ населеніемъ, но успѣшная пропаганда (распространеніе) католицизма уничтожала и эту послѣднюю слабую связь... Можно сказать—на нашихъ глазахъ вымирала русская народность въ подлясскомъ краѣ. Въ городѣ Соколовѣ, Сѣдлецкой губерніи, еще въ 70 гг. жилъ старикъ, помнившій малорусскій языкъ и малорусскія пѣсни, котораго съ удивленіемъ слушало совсѣмъ уже ополячившееся молодое поколѣніе.

Ополячиваніе происходило и въ Люблинской губерніи, особенно въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ русско-польскимъ населеніемъ, но въ несравненно меньшей степени, чѣмъ въ Сѣдлецкой губерніи. Въ очень многихъ мѣстностяхъ (напр. въ Грубешовскомъ уѣздѣ) польское вліяніе въ деревняхъ почти совсѣмъ незамѣтно, вслѣдствіе чего тамъ въ полной и неприкосновенной чистотѣ сохранились праотческіе нравы, пѣсни, обычаи и обряды [1]).

---

[1]) Возсоединеніе уніатовъ, начавшееся при Екатеринѣ II, продолжавшееся при Николаѣ I, завершилось въ 1875 г. переходомъ въ православіе отторгнутаго отъ него русскаго населенія Холмщины, хотя не мало народа осталось тамъ и понынѣ въ латинствѣ. Несмотря на долгое владычество Польши, русская

Среди произведеній народнаго творчества важную роль играютъ такъ называемыя пѣсни *обрядовыя*. Будучи обломкомъ доисторической старины, остатками древняго язычества, онѣ, хотя и потеряли прежнее значеніе, заключаютъ множество указаній на вѣрованія и бытъ нашихъ предковъ. Въ Холмской Руси обрядовыхъ пѣсенъ сохранилось довольно много: сопровождаются ими, какъ и вездѣ въ Россіи, празднованіе новаго года, Пасхи, Рождества, разныя полевыя работы и, наконецъ, народныя игры и увеселенія.

Наканунѣ 1 января или въ день новаго года, передъ литургіей, мальчики, большею частью дѣти бѣдныхъ родителей, ходятъ по домамъ и въ каждомъ домѣ обсыпаютъ овсомъ или пшеницею хозяина, при чемъ поютъ пѣсню, въ которой обращаются къ „Василевой маты“ (можетъ быть, потому, что 1 янв.—день Василія Великаго):

Василева маты,
Иди гоготаты,
Стары лѣтъ вспоминаты!
На новое лѣто

старина въ Холмщинѣ сохранилась въ памятникахъ зодчества и въ произведеніяхъ другихъ искусствъ, въ книгахъ, рукописяхъ, народныхъ преданіяхъ, обычаяхъ и въ живой народной рѣчи. Много старыхъ православныхъ памятниковъ погибло отъ времени, при пожарахъ и войнахъ, нѣкоторыя церкви стоятъ полуразрушенными или передѣланы въ костелы, много старопечатныхъ славянскихъ книгъ и рукописей исчезло безслѣдно; но при всемъ томъ, многое и уцѣлѣло.—Въ настоящее время количество православнаго населенія въ губ. Люблинской, Сѣдлецкой и Сувалкской равняется 388.919 душъ обоего пола.

Роди, Боже, жито,
Жито пшеницю,
Горохъ, сочевицю! (Бѣльск. у., Сѣдл. губ.).

Пѣніе обыкновенно вознаграждается хлѣбомъ, колбасой и всякими другими припасами, которыми изобилуетъ въ это время всякій крестьянскій домъ.

Вечеромъ наканунѣ Богоявленія поются „щедрованія“ обыкновенно дѣвушками, которыя за свои пѣсни получаютъ такое же вознагражденіе, какъ и мальчики.

Первый день великаго поста называется „полоскозубы“: въ этотъ день крестьяне, по преимуществу бабы, въ кормчѣ или дома пьютъ водку— „полощутъ зубы“, чтобы не осталось во рту чего-нибудь скоромнаго.

Съ праздника Пасхи начинаются хороводныя пѣсни и игры; особенно распространены игры „кривой танецъ“ и „строить мостъ“, сопровождаемыя особыми пѣснями. При „кривомъ танцѣ“ поютъ

Кривого танцю
Не выведу концю.
Дѣвки молодыци
Теремъ збудовалы,
Оконъ не рубалы,
Щобы не вылетѣлъ
Сивый соколонько,
Ой, дывъ дывне дыво,
Пошли дѣвонько на жниво,
Жнутъ дѣвоньки жито, пшеницю,
А паробоньки кукуль, метлицю.
Чево дѣвоньки красныя?
Бо ѣдятъ пироги мясные,
Щобы не выносилъ
Дѣвичей красы.
Бо дѣвочка краса
Въ меду ея купае,
А паробоча краса
Въ столи потопае.
Масломъ поливаютъ,
Перцемъ посыпаютъ.
А паробоньки блѣдные,
Бо ѣдятъ пироги постные,
Золою поливаютъ
И пепеломъ посыпаютъ.
(Томашовск. у., Люб. губ.).

Обыкновенно, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ начинаютъ пѣть „веснянки“, весеннія пѣсни. Съ Троицына дня (зелени свята) начинаютъ пѣть „русальныя пѣсни“. По суевѣрному мнѣнію народа души (преимущественно некрещенныхъ дѣтей) до Троицына дня живутъ въ водѣ, съ Троицына до Петрова дня—на деревьяхъ, а съ Петрова дня уходятъ въ могилы. Относительно некрещеныхъ дѣтей въ Холмщинѣ существуетъ повѣрье, что они показываются людямъ въ видѣ падающихъ звѣздъ: во время своего паденія они кричатъ „кшту“ (крещенія). Всякій, при видѣ падающей звѣзды, долженъ сдѣлать надъ нею крестное знаменіе и дать имя женское или мужское. (Смотря по полу, къ которому принадлежитъ видѣвшее звѣзду лицо).

24-го іюня, въ Ивановъ день, поются пѣсни „купальныя“, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сопровождаемыя прыганьемъ черезъ пылающіе огнемъ костры. Въ Грубешскомъ уѣздѣ въ Ивановъ день разыскиваютъ „святояньску“ голову. Идутъ въ поле и разыскиваютъ два сросшихся колоса ржи; нашедшій ихъ долженъ выкопать, и тогда, по народному повѣрью, онъ найдетъ серебряный корень, похожій на человѣческую голову; это и есть „святоянская голова“. Хранящій у себя эту голову будетъ имѣть всю жизнь во всемъ счастье и удачу.

Лѣтомъ во время полевыхъ работъ поется цѣлый рядъ пѣсенъ, жатвенныхъ, сѣнокосныхъ и т. п.

Въ одной жатвенной пѣснѣ, записанной въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Сѣдл. губ., мы видимъ цѣлый рядъ

насмѣшекъ жницъ надъ паномъ, не пускающимъ ихъ домой:

За лясъ солнце, за лясъ,
За той лясъ зелененькій,
Пускай насъ до дому,
Нашъ пане молоденькій!
За лясъ солнце, за лясъ,
За зелены дубы,
Пускай насъ до дому,
Нашъ пане крывогубый!

Далѣе панъ называется „крыворебрымъ“, „крывоногимъ“, „крывоносымъ“, „пышнымъ“. Въ заключеніе поется слѣдующій отвѣтъ пана:

Не пущу, не пущу,
Ужъ буде смыркаты.
Не маешь дитокъ,
Не будутъ плакаты.
Оно тую пущу
Що маетъ дитокъ трое,
Зайде до домоньку
Одурачить головоньку;
Одно плаче — исты,
А другое — спаты,
А третье плаче —
Треба колыхаты.

По окончаніи всѣхъ работъ въ полѣ устраиваются „обжинки“ или „дожинки“. Жнецы и жницы съ вѣнкомъ, сдѣланнымъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ, съ пѣснями подходятъ къ дому хозяина, гдѣ приготовляется для нихъ угощеніе, во время котораго пѣніе не прекращается. Обжинки продолжаются до Спаса (6-го авг.). Въ этотъ день приносятъ въ церковь ржаные вѣнки, которые освящаются вмѣстѣ съ плодами. Вѣнокъ, а иногда маленькій снопъ, помѣщается обыкновенно въ почетномъ углу комнаты, подъ образами, и зернами изъ него въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начинаютъ засѣвать озимыя поля.

Съ вечера перваго дня праздника Рождества Христова начинается колядованіе, которое продолжается до праздника Богоявленія. Дѣвушки и дѣти колядуютъ передъ окнами богатыхъ крестьянъ и за это получаютъ пироги и деньги. Колядники часто ходятъ съ фонаремъ, сдѣланнымъ изъ цвѣтной бумаги въ видѣ звѣзды. Иногда хозяинъ съ „козой“ (одинъ изъ участниковъ надѣваетъ вывороченный тулупъ), съ вертепомъ, а иногда въ лицахъ изображаютъ „царя Герода“, при чемъ дѣйствующими лицами являются Геродъ (Иродъ), его маршалокъ, смерть и бѣсъ. До и послѣ представленія поются обыкновенно пѣсни, очевидно, книжнаго происхожденія, сочиненныя, вѣроятно, монахами въ XVII и XVIII ст.:

Небо и земля нынѣ торжествуютъ,
Ангели, люде, весело празднуютъ:
Христосъ родыся, Богъ воплотыся,
Ангели спиваютъ, царіе витаютъ,
Поклонъ отдаютъ, пастыри играютъ
Чудо, чудо повѣдаютъ и т. д.

Во многихъ мѣстностяхъ пѣсни эти поются въ церквахъ послѣ окончанія богослуженія. Въ подлясской Руси пѣсни эти остались въ употребленіи даже среди совершенно ополяченнаго населенія и часто служатъ единственнымъ указаніемъ на прежнюю вѣру и народность поющихъ ихъ. Въ рождественскіе праздники, вернувшись изъ костела, многіе подляшане съ умиленіемъ распѣваютъ эти пѣсни въ кругу своихъ домашнихъ; теперь только

однѣ эти пѣсни напоминаютъ имъ объ ихъ русскихъ предкахъ и сородичахъ.

Въ длинные декабрскіе или январскіе вечера часто раздаются, особенно среди пожилыхъ людей, пѣсни духовнаго содержанія. Между прочимъ, часто поется длинная пѣсня въ честь Холмской чудотворной иконы Богородицы:

Пречистая Дѣво, мати русскаго краю,
Ангелы на небѣ, мы на землѣ Тя величаемъ...

Пѣсню эту поютъ и богомольцы, направляющіеся въ Холмъ на поклоненіе чудотворной иконѣ.

Переходя отъ пѣсенъ обрядовыхъ къ пѣснямъ бытовымъ, мы должны замѣтить, что въ Холмской Руси, какъ и вездѣ среди русскаго народа, наибольшее количество бытовыхъ пѣсенъ сосредоточивается около брака. Народъ въ бракѣ видитъ важнѣйшее дѣло своей жизни. Крестьянину, желающему быть самостоятельнымъ хозяиномъ, трудно, почти невозможно, обойтись безъ хозяйки; кромѣ того, естественная и въ свѣжей натурѣ весьма сильная потребность любви заставляетъ крестьянъ обращать особое вниманіе на удовлетвореніе этого чувства. Вотъ почему обстановка свадьбы имѣетъ такой торжественный, исключительный въ крестьянской жизни характеръ. Ни одно событіе въ жизни крестьянина не сопровождается такими знаменательными обрядами. Молодые люди обоего пола должны съ юныхъ лѣтъ пріучаться къ выполненію всѣхъ свадебныхъ обрядовъ, вслѣдствіе чего они могутъ посѣщать всѣ празднуемыя въ селѣ свадьбы

безъ всякаго приглашенія и, стоя въ сѣняхъ (тогда они именуются „запорожцами“) и подъ окнами должны присматриваться и перенимать все видѣнное и слышанное. Дѣвушки ко времени своего выхода замужъ обыкновенно уже основательно знаютъ всѣ пѣсни и обряды. Самымъ ревностнымъ образомъ всѣ свадебные обряды выполняются въ деревняхъ и селахъ, въ большинствѣ же городовъ и посадовъ мѣщанское населеніе относится къ нимъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, смотритъ на нихъ, какъ на нѣчто дикое, мужицкое и такъ же, какъ и въ ополяченныхъ мѣстностяхъ, въ свадебныхъ празднествахъ старается подражать „панамъ“.

Самымъ благопріятнымъ временемъ для совершенія свадебъ въ крестьянскомъ быту считается осень, а въ частности время между Покровомъ и первой недѣлей Филиппова поста (1 окт. — 14 ноября). Къ этому времени кончаются всѣ работы, у крестьянъ есть хлѣбъ, слѣдовательно можно богаче и торжественнѣе справить свадьбу.

Къ предполагаемой невѣстѣ является съ предложеніемъ обыкновенно мать жениха (а иногда сваха), взявши съ собою хлѣбъ и бутылку водки. Если состоится соглашеніе относительно свадьбы между обѣими сторонами, распивается при взаимныхъ пожеланіяхъ и поздравленіяхъ принесенная водка. Этотъ сговоръ въ свадебныхъ обрядахъ извѣстенъ подъ названіемъ „розвидокъ“ или „допитивъ“. Въ Сѣдлецкой губерніи или родители вмѣстѣ съ женихомъ отправляются въ домъ невѣсты, или высылаются сваты, которые называются „дивосну-

бами". Если въ домъ невѣсты отправляется женихъ, ему обыкновенно сопутствуетъ дружко, который беретъ съ собою хлѣбъ, колбасу и бутылку водки. Дружко, входя въ комнату, говоритъ: „я чувъ, що у васъ есть ялошка (телка) до проданья?"—„Есть", отвѣчаютъ родители невѣсты. „Ну, то я маю купця",—говоритъ дружко, и начинается угощеніе. Когда согласіе получено, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сѣдлецкой губерніи приглашаютъ „письменнаго чоловика" для записи приданаго. По окончаніи уговора, невѣста выноситъ такъ называемый „дивоснубный сыръ", который рѣжется сватомъ и раздается всѣмъ присутствующимъ по кусочку. Женихъ получаетъ отъ невѣсты особенный кусокъ сыру, который онъ, возвращаясь домой, раздаетъ всѣмъ встрѣчнымъ, чѣмъ показываетъ, что онъ уже зарученъ. Въ Грубешовскомъ уѣздѣ 2 — 3 дня спустя послѣ сговора бываютъ „полюбины": женихъ, взявши съ собою водки, вмѣстѣ съ родителями отправляется къ невѣстѣ, гдѣ начинается угощеніе, во время котораго онъ получаетъ отъ невѣсты кольцо. На другой день послѣ сговора женихъ объявляетъ о своемъ намѣреніи приходскому священнику. Спустя 1—2 недѣли послѣ сговора начинается приглашеніе гостей. Приглашаютъ сосѣдей отдѣльно другъ отъ друга женихъ и невѣста; жениха сопровождаетъ одинъ изъ его друзей, именуемый маршалкомъ, а невѣста ходитъ съ двумя дѣвушками и одной женщиной— „присвахой". Родители жениха въ эти дни готовятъ все необходимое для свадебнаго пиршества

и не щадятъ никакихъ издержекъ, лишь бы все было устроено, какъ слѣдуетъ, по обычаю дѣдовъ и прадѣдовъ.

За „полюбинами“ слѣдуютъ „заручины“. Въ Грубешовскомъ уѣздѣ „заручины“ обыкновенно устраиваютъ въ первую субботу послѣ полюбинъ. Къ этому времени у жениха и невѣсты выбраны уже лица, долженствующія играть разныя роли на свадьбѣ: у жениха — дружка, старостина, маршалокъ, сватъ, свашка, а у невѣсты — дружка, два свата и свашка (сванька). Въ день заручинъ въ домѣ жениха съ вечера до пѣтуховъ бываетъ угощеніе и танцы подъ музыку при открытыхъ дверяхъ хаты, чтобы дать возможность любопытствующимъ молодымъ людямъ насмотрѣться на свадьбу. Въ домѣ же невѣсты собираются всѣ родные и ожидаютъ жениха, при чемъ сама невѣста съ дружкою сидитъ въ „коморѣ“. Въ полночь, а иногда раньше, начинается торжественное шествіе жениха къ невѣстѣ. Впереди идетъ дружка и несетъ разукрашенную всякими цвѣтами „гуску“ (бѣлый хлѣбъ)—подарокъ жениха невѣстѣ; за нимъ идетъ маршалокъ и несетъ деревцо съ тремя сучьями, украшенное перьями и бубенчиками. Самое шествіе и прибытіе сопровождается пѣснями. Дружка входитъ въ избу и послѣ обычныхъ привѣтствій проситъ принять ихъ и музыку на ночь. Родители невѣсты соглашаются, всѣ входятъ, усаживаются, при чемъ всѣ участвующіе въ свадьбѣ получаютъ отъ невѣсты или ея дружки „рушники“ (поло-

тенца). Затѣмъ начинается угощеніе и всякаго рода игры.

Въ субботу утромъ женихъ съ невѣстой обходятъ съ поклонами всѣхъ родныхъ, а затѣмъ отправляются въ церковь, гдѣ исповѣдываются и причащаются. Въ субботу же происходитъ обыкновенно весьма важный свадебный обрядъ—изготовленіе коровая. Коровай приготовляется изъ пшеничной муки, вѣсомъ иногда около пуда. Обыкновенно весь матеріалъ доставляется родителями невѣсты, но, кромѣ того, каждая коровайница приноситъ съ собою что-нибудь — муку, масло и т. д. Обязанность хозяина — угощать коровайницъ водкою. Коровай украшаютъ вылѣпленными изъ тѣста розами, крестиками, изображеніями животныхъ и т. п. Коровай дѣлаютъ очень долго, часто въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Нижняя часть коровая (у бѣдныхъ изъ ржаного тѣста) назначается обыкновенно для музыкантовъ и потому въ нее кладутъ нѣсколько копѣекъ. Вся работа сопровождается пѣснями. Коровай несутъ въ печь съ шумомъ и крикомъ: бабы танцуютъ съ помеломъ, кочергой, метлой и лопатой въ рукахъ. Во время посадки коровая въ печь и послѣ посадки поются шутливыя пѣсни, устраиваются танцы и игры. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ, когда вынимаютъ изъ печи лопату, на которой сажаютъ коровай, то „хлопци“ отнимаютъ у женщинъ лопату и, если отнимутъ, скачутъ съ нею и поютъ:

Ой, носаты, коровайницы, носаты,
Що далы хлопцямъ зъ лопатою скакаты!

Если же бабы у себя удержатъ лопату, то въ свою очередь скачутъ съ нею и поютъ:

Ой, вы—те, хлопци сморкачи,
Вже нашъ коровай у печи,
Вже мы коровай замисилы,
У пичъ усадылы,
Зъ лопатою поскакалы,
Треба, щобъ намъ горилки далы.

Изъ печи коровай вынимаютъ обыкновенно мальчики, при чемъ сначала вынимаютъ маленькіе короваи, а большіе оставляютъ на болѣе продолжительное время. Коровай кладутъ въ большое рѣшето, обсыпаютъ его хмелемъ и затѣмъ маршалокъ, въ сопровожденіи коровайницъ, несетъ на головѣ коровай въ кладовую. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ коровай пекутъ родные или сосѣди жениха и невѣсты; поэтому устраивается цѣлый обрядъ перенесенія коровая.

Вечеромъ въ субботу отправляются въ домъ невѣсты всѣ приглашенные гости и родные. Отправляясь къ невѣстѣ, берутъ съ собой водку, хлѣбъ и говядину; женихъ несетъ въ подарокъ невѣстѣ черевики, панчохи (чулки) и подвязки изъ кусника (ленты), за что получаетъ отъ нея „хустку до боку“, ленту къ шапкѣ и рубаху, которую шила сама невѣста, которую онъ долженъ одѣть подъ вѣнецъ. Женихъ является къ невѣстѣ съ музыкой и со всѣми должностными свадебными лицами (боярами), среди которыхъ выдѣляется хорунжій, держащій цвѣтами и зеленью украшенную палку. Въ домѣ невѣсты всѣ присутствующіе получаютъ рушники.

Жениха, который все время не снимаетъ шапки, вмѣстѣ съ невѣстою сажаютъ на „посагъ“. Въ Грубешовскомъ уѣздѣ вечеромъ, въ субботу, производится обрядъ прикалыванія вѣнка къ головѣ молодой и расплетанія косы, а въ Сѣдлецкой губ. пришпиливается „квитка“ молодой къ шапкѣ молодого. Ужинъ въ этотъ вечеръ отличается особеннымъ обиліемъ и разнообразіемъ блюдъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ этотъ вечеръ происходитъ благословеніе молодыхъ. Женихъ и невѣста становится передъ столомъ, за которымъ сидятъ родители и ближайшіе родственники, и просятъ благословенія. Молодая цѣлуетъ всѣхъ три раза, а молодой кланяется троекратно всѣмъ присутствующимъ. Въ Грубешовскомъ уѣздѣ, въ субботу вечеромъ въ домъ жениха вносятъ снопъ ржи, который вымолачиваютъ, съ музыкой и танцами, уже послѣ свадьбы.

Въ воскресенье староста, старостина и гости, украшенные вѣнками изъ барвинка и съ рушниками за поясомъ, сопровождаемые сватами и женихомъ, непремѣнно на гнѣдой лошади, ѣдутъ къ невѣстѣ. Невѣста, въ ожиданіи жениха, сидитъ со своимъ братомъ за столомъ; когда женихова „дружина“ входитъ въ комнату, дѣвушки поютъ:

Зачини, Касюню, воротця,
Не пусты Ивана молодця,
Во винъ найде съ боярами;
Вытопче виноградъ ногами.

Начинается торгъ за косу молодой, который кончается тѣмъ, что брату невѣсты платятъ 10—30 к.,

а иногда и меньше. Женихъ садится возлѣ невѣсты. Въ это время поютъ:

Татаринъ братъ, татаринъ,
Продавъ сестру даромъ.
— Не даромъ: за грошъ, за два, за три, за четыри,
За четыри золотыи.

Передъ расплетаніемъ косы невѣста отъ своей дружки получаетъ вѣнокъ — подарокъ жениха. Съ пѣніемъ соотвѣтствующихъ пѣсенъ, на столъ кладутъ хлѣбъ, надъ которымъ невѣста наклоняетъ голову, а братъ ея расплетаетъ ей косу. Послѣ расплетанія косы начинается благословеніе молодыхъ: молодые цѣлуютъ руки у родителей, а всѣмъ прочимъ низко кланяются. Когда ѣдутъ къ вѣнцу, молодыхъ осыпаютъ овсомъ. Во всей Холмщинѣ по дорогѣ въ церковь поютъ между прочими пѣснями слѣдующую пѣсню:

Нема попа (ксендза) дома,
Поихавъ до Хома (Холма),
Ключувъ куповаты,
Церковку одмыкаты,
Двое дитокъ звинчаты.
Розстелылы въ церкви,
Ручнычекъ бѣленькій,
Звынчався хлопецъ молоденькій.

Несомнѣнно, что въ этой пѣснѣ упоминается о временахъ, когда православныя церкви отдавались въ аренду, и священникъ долженъ былъ выкупать ключи у арендатора, чтобы совершить богослуженіе.

Послѣ вѣнца идутъ изъ церкви къ священнику, гдѣ, когда запишется въ книгу актъ бракосочетанія, пьютъ „барышъ“.

Двери дома молодые обыкновенно находятъ запертыми; всѣ останавливаются у порога избы на дворѣ и поютъ:

Чи вы намъ рады, чи не рады,
Що до насъ не выйдете,
Що насъ не частуете.
Выйди, маты, зъ хаты
Съ полными-полненькими
Билными рученьками и т. п.

Родители встрѣчаютъ молодыхъ съ хлѣбомъ-солью и водкою. Молодые немного выпиваютъ, а остальное выливаютъ черезъ голову. Затѣмъ всѣ присутствующіе пьютъ по очереди водку и входятъ въ хату. Когда родители и родственники садятся за столъ, молодые опять просятъ у нихъ благословенія. Свадебный пиръ сопровождается многими пѣснями, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ есть намеки на будущее тяжелое положеніе женщины въ семьѣ мужа. Вечеромъ въ день свадьбы происходитъ обрядъ рѣзанія и дѣлежа коровая. Въ понедѣльникъ утромъ перевозится имущество молодой въ домъ ея мужа. Лошадь украшаютъ лентами и цвѣтами, возлѣ телѣги идутъ свадебные бояре, а на телѣгѣ, на сундукѣ, сидитъ въ вывороченномъ кожухѣ и въ лентахъ дружко. Въ домѣ жениха встрѣча производится такимъ же образомъ, какъ въ воскресенье послѣ вѣнчанія въ домѣ невѣсты. Съ понедѣль-

ника же начинается и продолжается нѣсколько дней угощеніе гостей невѣсты у жениха (перезьва) и „перезвянскія пѣсни“, которыя поются до конца свадебныхъ празднествъ.

Вообще весь ходъ свадебнаго торжества въ Холмщинѣ вполнѣ сходенъ съ галицкими и волынскими свадьбами; свадебныя пѣсни, по своему содержанію, также представляютъ весьма незначительныя измѣненія сравнительно съ галицкими и волынскими.

Большая часть пѣсенъ, посвященныхъ разнымъ сторонамъ семейной жизни крестьянина, носитъ печальный и грустный характеръ. Главнымъ содержаніемъ этихъ пѣсенъ служитъ положеніе женщины въ мужниной, часто совершенно незнакомой семьѣ, на чужой сторонѣ. Съ замужествомъ является для дѣвушки цѣлый рядъ невѣдомыхъ дотолѣ заботъ, и на первомъ планѣ стоитъ необходимость устраивать отношенія къ новымъ людямъ, сдѣлавшимся близкими (свекоръ, свекровь и т. д.). Молодая жена не можетъ забыть разлуки со своими родными, особенно съ отцомъ и матерью, въ которыхъ она привыкла видѣть своихъ естественныхъ покровителей, къ которымъ и теперь она обращается въ тяжелыя минуты своей новой жизни. Мужняя родня часто встрѣчаетъ новаго члена своей семьи, молодую невѣстку, недружелюбно: недаромъ въ народныхъ пѣсняхъ свекоръ постоянно называется лютымъ, свекровь — лихой. Чаще всего молодой женщинѣ приходится имѣть столкновенія съ свекровью, которая рѣдко довольна ея

работою и постоянно бранитъ ее. Въ одной пѣснѣ свекровь пытается отравить невѣстку, но вмѣстѣ съ нею отравляетъ и своего сына. Особенно тягостно бываетъ положеніе молодой женщины въ чужой семьѣ, если она не находитъ поддержки со стороны мужа, что, конечно, бываетъ нерѣдко, если мужъ не находитъ въ женѣ тѣхъ качествъ, какія ожидалъ найти. Въ одной пѣснѣ хорошо изображенъ разладъ между мужемъ и женой: мужъ разсчитываетъ найти въ женѣ помощницу въ своихъ трудахъ, оказалось совершенно противоположное. Въ пѣснѣ приводится разговоръ между мужемъ и женой; жена приходитъ къ мужу, работающему въ полѣ, и говоритъ ему:

„Чего лежишь, чемъ не орешь?
Чемъ до мене не говоришь?“
— А я лежу и думаю,
Що погану жинку маю.—
— Ты не ходывъ до мене въ ночи?
Въ мене свички свитылыся,
Твои очи дывылыся;
Въ мене свички восковыи,
Твои очи чорненькіе;
Таки люди не татары:
Булыбъ тоби разсказалы.
— Ой, моя жинка, а щобъ ты пропала—
И на судъ Божій не встала!—
— А ты знавъ, на що бравъ
Мене невеличку;
Мене маты годовала
Якъ перепелычку;
А ты знавъ, на що бравъ—
Я не твоя ривня;
Ты ткачъ—ниткоплетъ,

Группа польскихъ крестьянъ (членовъ одного рода), Люблинской губ. и уѣзда, на хозяйственно-промышленной выставкѣ въ Люблинѣ 1901 г.

(Изъ журн. „Висла“, т. XVI, вып. 3).

А я бондаривна.
А ты знавъ, на що бравъ;
Я не вмію жаты:
Буде твоя пшеныченька
Въ полю зимоваты.—

Есть пѣсни, въ которыхъ мужъ-пьяница бьетъ и мучитъ свою жену, пропиваетъ ея имущество, грозитъ женѣ пропить и ее самое, требуетъ, чтобы она работала, когда онъ пьянствуетъ въ кабакѣ, любитъ чужую милую, наконецъ, даже избавляется отъ нелюбимой жены посредствомъ убійства. И такъ, мужъ часто разстраиваетъ семейное счастіе, но на практикѣ жизни, какъ видно изъ другихъ пѣсенъ, такую же роль, еще чаще мужа, играетъ жена. Пьянство, гульба, развратъ, вообще безпорядочная жизнь жены-хозяйки болѣе разстраиваютъ семью, чѣмъ таковая же жизнь мужа, что, къ сожалѣнію, нерѣдко бываетъ среди крестьянскаго населенія Холмской Руси. Кромѣ общихъ причинъ, вызывающихъ подобные пороки въ крестьянской средѣ, гульбѣ женщинъ не мало способствуетъ съ одной стороны мягкосердечіе мужей, а съ другой стороны—легкая возможность, особенно въ подгородныхъ деревняхъ, заработка необходимыхъ для гульбы денегъ. Какъ видно изъ пѣсенъ, пьянство, являющееся главною причиной разстройства семейнаго счастья, въ Холмщинѣ распространено такъ же, какъ и въ остальной Руси. Этотъ порокъ является однимъ изъ серьезнѣйшихъ народныхъ бѣдствій, ослабленію дѣйствія котораго можетъ способствовать только одно просвѣщеніе народа.

Часто отсутствіе всякихъ удовольствій въ своей домашней средѣ поневолѣ влечетъ крестьянина въ кабакъ, гдѣ онъ желаетъ найти необходимое отдохновеніе и развлеченіе послѣ трудовъ. Такимъ образомъ мало-по-малу пріобрѣтается гибельная привычка, такъ пагубно дѣйствующая на народную нравственность, разрушающая семью, хозяйство.

Чувствительность, свойственная природѣ малоросса, выражается, между прочимъ, въ трогательной привязанности къ родинѣ, понимаемой, впрочемъ, всегда въ узкомъ смыслѣ: по мнѣнію крестьянина, родина — это его село, въ которомъ живетъ онъ самъ и его семья. Благодаря этой привязанности, крестьянину тяжело отлучиться даже въ недалекія мѣстности. Тоска по родинѣ выражается въ свадебныхъ пѣсняхъ и составляетъ главное содержаніе пѣсенъ рекрутскихъ.

Народъ Холмской Руси принималъ весьма малое участіе въ казацкихъ войнахъ съ турками, татарами, въ возстаніяхъ противъ поляковъ, и потому не сложилъ и не поетъ пѣсенъ съ историческимъ содержаніемъ. Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и встрѣчаются историческія пѣсни, то можно сказать, что онѣ занесены сюда изъ Украйны. Долговременное польское владычество не оставило почти никакихъ слѣдовъ въ народной поэзіи, точно такъ же, какъ не оставило слѣдовъ борьбы, которую вынесъ холмскій русскій народъ, защищая свою православную вѣру противъ навязываемой ему уніи.

Изъ событій недавняго времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, отъ „пан-

щины", которая цѣлыя столѣтія невыносимымъ бременемъ лежала на крестьянствѣ, сопровождалось появленіемъ многихъ пѣсенъ, среди которыхъ есть замѣчательныя по своему поэтическому достоинству. Кромѣ своихъ пѣсенъ, въ Холмщинѣ можно услышать и чужія пѣсни, чужіе напѣвы. На западѣ, по сосѣдству съ поляками, часто можно слышать въ средѣ русскаго населенія и польскую пѣсню, преимущественно искусственную. Особеннымъ успѣхомъ эти пѣсни пользуются у русскихъ мѣщанъ и у тѣхъ крестьянъ и крестьянокъ, которые были въ услуженіи въ городахъ у пановъ.

Въ недавнее время (съ появленіемъ галичанъ-священниковъ, учителей, псаломщиковъ) въ Холмщинѣ стали распространяться пѣсни галицкія (большею частью искусственныя), преимущественно патріотическаго содержанія. Молодое поколѣніе— ученики народныхъ школъ — съ удовольствіемъ поютъ пѣсни, которымъ ихъ научили въ школѣ. Въ Холмщинѣ большою популярностью и распространеніемъ среди народа пользуются украинскія пѣсни, а также произведенія разныхъ украинскихъ и польско-украинскихъ поэтовъ, напр.: Шевченка, Боньковскаго, Шашкевича, Глѣбова, Падуры и др.

Изъ предлагаемаго очерка быта русско-холмскаго населенія можно видѣть, что населеніе Холмщины, несмотря на неблагопріятныя условія своей исторической жизни, до сихъ поръ сохранило въ себѣ всѣ черты русской народности, всѣ особенности, характеризующія русскаго человѣка среди прочихъ славянъ. Конечно, въ нѣкоторыхъ своихъ ча-

стяхъ населеніе это не могло преодолѣть вліянія поляковъ и отчасти слилось съ пришлымъ, долгое время господствовавшимъ племенемъ, но въ большинствѣ случаевъ въ немъ до сихъ поръ свято хранится сознаніе своего русскаго происхожденія. Нѣтъ сомнѣнія, что управляемыя твердой и энергической рукой русскія народныя школы откроютъ въ концѣ-концовъ глаза нашимъ ослабѣвшимъ въ вѣковой борьбѣ собратьямъ и направятъ ихъ на путь истины, путь полнаго политическаго и духовнаго единенія съ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ великимъ русскимъ народомъ [1]).

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Народное образованіе въ Привислинскомъ краѣ.

По новѣйшимъ даннымъ, городскихъ училищъ въ Привислинскомъ краѣ, существующихъ на основаніи положенія 1887 года, насчитывается 8 съ 1.500 учащихся мальчиковъ, при 78 преподавателяхъ (въ томъ числѣ 20 законоучителей). Эти 8 городскихъ училищъ въ 1893 году распредѣлены были въ пяти губерніяхъ такимъ образомъ: 2 — въ Варшавской, 3—въ Петроковской и по одному въ Плоцкой, Сувалкской и Калишской. Если принять во вниманіе, что въ этихъ пяти губерніяхъ насчи-

---

[1]) Извлечено изъ статьи Н. Страшкевича и К. Заусцинскаго, помѣщенной въ VII вып. „Памятниковъ русской старины въ зап. губ.“, изд. П. Н. Батюшкова СПБ. 1885 г.

тывается 218 городовъ и посадовъ, съ населеніемъ въ 1.513.645 жителей, то окажется, что одно городское училище этого типа приходится на 189.205 жителей и на 27 городскихъ поселеній. Въ остальныхъ пяти губерніяхъ края съ 900.000 городскимъ населеніемъ совершенно нѣтъ высшихъ городскихъ училищъ.

Выбывшихъ до окончанія курса было 411, т. е. почти четверть всего числа учащихся, окончившихъ 9, 6, т.-е. 6,40%. На содержаніе 8 городскихъ училищъ израсходовано 67.295 р. 47 к. Каждый учащійся обходился, слѣдовательно, въ 44,8 рубля, а каждый окончившій—въ 701 рубль. Всѣ эти цифры заставляютъ заключить о весьма неудовлетворительной постановкѣ высшаго начальнаго образованія въ Царствѣ Польскомъ. Уѣздныхъ училищъ въ этомъ краѣ совсѣмъ нѣтъ.

Женскихъ прогимназій въ Привислинскомъ краѣ въ 1893 г. было 4, въ которыхъ обучалось 439 дѣвочекъ, изъ которыхъ 55 или 12.7% окончили курсъ.

Начальныхъ народныхъ училищъ въ Привислинскихъ губерніяхъ въ 1893 г. насчитывалось 2.920, изъ нихъ городскихъ—351, сельскихъ — 2.569. Въ первыхъ обучалось 17.674 мальчика и 11.780 дѣвочекъ, итого 29.454 дѣтей обоего пола; въ послѣднихъ — 101.891 мальчикъ и 45.036 дѣвочекъ, всего 146.927 дѣтей.

Какъ въ сельскихъ, такъ и въ городскихъ училищахъ число выбывающихъ до окончанія курса приблизительно одинаково: немного болѣе $^1/_5$ всего

числа учащихся; число оканчивающихъ въ городскихъ училищахъ нѣсколько выше, чѣмъ въ сельскихъ: 5,6% и 4,4%, но въ обоихъ случаяхъ довольно незначительно. Изъ учащихся въ сельскихъ школахъ большинство, $^3/_4$, учится только въ 1 и 2 году, третій годъ обучается только 12% (въ городскихъ болѣе 19%), четвертый годъ немного болѣе 4% (въ городскихъ почти 10%), пятый и шестой годъ уже менѣе 1% (въ городскихъ 2,6%). Обращаетъ на себя вниманіе также сравнительно большее число учащихся дѣвочекъ въ городскихъ школахъ (40,4%), чѣмъ въ сельскихъ (30,6%). Одно городское училище обходится въ 755 р., а одно сельское въ 243 руб., т. е. въ 3 слишкомъ раза дешевле. Главный источникъ содержанія городскихъ училищъ составляютъ средства, отпускаемыя городскими обществами, а для сельскихъ— пособія отъ сельскихъ обществъ.

Въ Привислинскомъ краѣ евангелическимъ и реформатскимъ консисторіямъ предоставлено право открывать и содержать на свои, а также и частныя средства, религіозныя училища, называющіяся *канторатами*. Такихъ канторатовъ въ настоящее время существуетъ 359 съ 8.817 учащихся (4.932 мальчиковъ и 3.885 дѣвочекъ).

Особенность Привислинскаго края составляютъ не встрѣчающіяся нигдѣ больше *воскресно-ремесленныя* и *воскресно-коммерческія училища*. Воскресно-ремесленныя училища, вопреки своему названію, относятся не къ разряду профессіональныхъ школъ, а являются низшими общеобразовательными за-

веденіями для дѣтей ремесленниковъ. Программа этихъ училищъ, въ которыхъ занятія происходятъ только по воскреснымъ днямъ, составлена примѣнительно къ программѣ двуклассныхъ начальныхъ училищъ; посѣщаютъ ихъ главнымъ образомъ мальчики, обучающіеся какому-нибудь ремеслу. Число воскресно-ремесленныхъ училищъ къ 1 января 1894 г. равнялось 118 съ 4.869 учащихся мальчиковъ.

Воскресно-коммерческія училища представляютъ соединеніе общеобразовательныхъ и профессіональныхъ учебныхъ заведеній. Въ нихъ преподаются слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій и нѣмецкій языки, географія, ариѳметика, черченіе и рисованіе, торговое и вексельное право и счетоводство. Въ эти училища поступаютъ обыкновенно уже съ нѣкоторой подготовкой, а именно окончившіе двухкласное начальное училище или выбывшіе почему-либо изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Этихъ училищъ 6 съ 819 учащихся.

Частныхъ учебныхъ заведеній христіанскихъ и еврейскихъ въ 1893 г. существовало 275 съ 19.274 учащимися (8.545 мальчиковъ и 10.729 дѣвочекъ). Кромѣ того, еврейскихъ казенныхъ начальныхъ училищъ было 61, въ которыхъ обучалось 1.784 мальчика и 2.652 дѣвочки. На ряду съ еврейскими казенными и частными училищами цѣлямъ распространенія начальнаго образованія еще служатъ такъ называемые хедеры, т.-е. небольшія школки, содержимыя евреями-учителями (мелаидами), не получившими никакой спеціальной подготовки.

Они обучаютъ въ большинствѣ случаевъ чтенію и письму—еврейскому, а также и русскому. Такихъ хедеровъ въ Привислинскомъ краѣ насчитано 2.583 съ 37.478 учащихся мальчиковъ и 1.504 дѣвочекъ.

Кромѣ перечисленныхъ, къ низшимъ учебнымъ заведеніямъ надо отнести 3 училища при разнаго рода пріютахъ и Таможенное въ деревнѣ Александровѣ съ 297 учащимися.

Церковно-приходскія школы и школы грамоты чрезвычайно успѣшно распространяются среди многочисленнаго православнаго населенія Холмской Руси. Въ настоящее время число церковныхъ школъ доходитъ до 200. Изъ нихъ двѣ второклассныхъ: мужская—при Яблочинскомъ монастырѣ, женская—при Лѣснинской женской обители. Кромѣ того въ Лодзи открыта двухклассная школа. Только теперь стало очевидно, какая настоятельная нужда въ этихъ школахъ и какую пользу приносятъ онѣ православному населенію Холмщины.

ПРИЛОЖЕНІЕ ВТОРОЕ.

Лѣснинскій женскій Богородичный монастырь [1]).

По преданію, около 200 лѣтъ тому назадъ, именно въ 1683 г. 14 сентября, въ двухъ верстахъ отъ села Буковичъ [2]), въ лѣсу, на грушевомъ деревѣ, двумъ

[1]) Изъ журнала „Душеполезное Чтеніе“, 1894 года, февр., въ извлеченіи.

[2]) Въ нынѣшней Сѣдлецкой губерніи, близъ города Бѣлы.

пастухамъ явилась икона Божіей Матери. Пастухи дали объ этомъ знать священнику, который съ благоговѣніемъ принялъ святую икону и перенесъ ее сначала въ обыкновенную хату а затѣмъ и въ церковь с. Буковичъ. Православный народъ во множествѣ сталъ притекать къ новоявленной святынѣ. Не понравилось это римскимъ католикамъ. Въ 1686 году обманомъ и насиліемъ отняли они у православныхъ святую икону и на мѣстѣ ея явленія, въ такъ называемой Лѣснѣ, основали монастырь паулиновъ, куда и перенесли православную святыню. Почти два столѣтія находилась у нихъ святая икона. Но вотъ въ 1863 году, во время польскаго мятежа, паулины заявили себя не только хулителями православной вѣры, но и противниками русскаго Царя. За преступную дѣятельность монаховъ-паулиновъ ихъ монастырь былъ закрытъ въ 1863 году, а въ 1875 году, въ годъ возсоединенія уніатовъ Холмской Руси, и Лѣснинскій костелъ былъ переданъ православнымъ. Такимъ образомъ, черезъ 189 лѣтъ, православная святыня „возвратися въ домъ свой“. Церковь была перестроена и приспособлена къ православному богослуженію. Освященіе ея совершилъ высокопреосвященный Леонтій, архіепископъ Холмско-Варшавскій, 31 мая 1881 г. Наканунѣ, на литіи, во время всенощнаго бдѣнія, архипастырь обмолвился, произнеся при благословеніи хлѣбовъ: „и умножи сія во святѣй обители сей“. Это тогда же было замѣчено многими. Сказанное архіереемъ Божіимъ оправдалось на дѣлѣ. И вотъ, въ 1884 г. по мысли

и ходатайству высокопреосвященнаго Леонтія, разрѣшено было въ Лѣснѣ учредить православную Свято-Богородицкую женскую общину (первую въ Холмско-Варшавской епархіи), а 20-го октября 1885 года прибыли туда первыя насельницы будущей обители — графиня Евгенія Борисовна Ефимовская (нынѣ игуменія Екатерина) съ пятью сестрами и двумя дѣвочками. Лишеніями и трудами, молитвами и слезами стали прибывшія возращать общину! Сами не имѣя средствъ къ пропитанію, отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, почтенныя сестры все отдавали на пользу ближняго, возлагая свое упованіе на Господа и памятуя, что рука дающаго не оскудѣваетъ. Господь внялъ гласу моленія вѣрныхъ своихъ. Упованіе не посрамило ихъ. Самъ Государь Императоръ прислалъ общинѣ даръ въ 1.000 руб., а за Его Величествомъ послѣдовали московскіе и другіе благотворители. Высокопреосвященный Леонтій и изъ личныхъ средствъ много помогалъ общинѣ и изыскивалъ всякія способы къ наилучшему удовлетворенію матеріальныхъ ея нуждъ. Въ числѣ крупныхъ жертвователей необходимо указать уважаемаго отца Іоанна Сергіева Кронштадтскаго. Число сестеръ стало увеличиваться, и многія изъ нихъ „желаніемъ возжелали облещися въ ангельскій образъ“, но это невозможно въ общинѣ. Поэтому возникло ходатайство о преобразованіи общины въ общежительный монастырь. Преобразованіе это совершилось 26 августа 1889 г. Община названа „Лѣснинскимъ

первоклассным женскимъ Богородичнымъ монастыремъ". Число сестеръ постепенно возрастало, и въ настоящее время ихъ въ обители болѣе семидесяти; есть между ними и очень образованныя, даже изъ высшаго сословія, но всѣ соединены межу собою однимъ общимъ желаніемъ — работать Господеви до скончанія дней, всѣ горятъ пламенною любовью, еже о Христѣ Іисусѣ, всѣ стремятся съ пользою употребить дарованные имъ отъ Бога таланты! Главное занятіе всѣхъ сестеръ, конечно, составляетъ молитва церковная и домашняя, но, кромѣ того, у каждой есть свое послушаніе. Полунощница, утреня, литургія, а также вечерня съ повечеріемъ бываютъ ежедневно и совершаются, какъ говорится, истово, по-монастырски. Свободное отъ молитвы время сестры посвящаютъ труду. Однѣ занимаются съ необразованными сестрами грамотою и Закономъ Божіимъ, другія занимаются иконописью, переплетомъ книгъ, изготовляютъ церковныя облаченія, шьютъ башмаки и кожаные пояса, ткутъ и прядутъ, изготовляютъ ковры, наконецъ, занимаются полевыми работами, огородничествомъ, садоводствомъ и даже пчеловодствомъ. Аптекой монастырской также завѣдуютъ сестры, знающія лѣченіе. Ежедневно приходящимъ окрестнымъ жителямъ безплатно раздаются лѣкарства. Есть при монастырѣ и больница, только для монастырскихъ больныхъ; есть и богадѣльня для престарѣлыхъ женщинъ. Пріѣзжающіе на богомолье встрѣчаютъ радушный и удобный пріютъ въ весьма приличной монастырской гостинницѣ. Но

что особенно обращаетъ на себя вниманіе — это школа-пріютъ, гдѣ помѣщается до 90 дѣвочекъ; дѣвочки обучаются грамотѣ, Закону Божію, ариѳметикѣ и т. д. Но главное вниманіе обращается на религіозное воспитаніе; у дѣтей при школѣ свой храмъ, въ которомъ они дѣятельно участвуютъ при богослуженіи, кто пѣніемъ, кто чтеніемъ. Ни одно явленіе монастырской жизни, какъ торжественное, такъ и будничное, не обходится безъ участія дѣтей очень довольныхъ своею дѣятельною ролью. По окончаніи школы дѣвочки расходятся въ разныя стороны, унося съ собою частицу того свѣта и тепла, подъ вліяніемъ которыхъ онѣ росли въ стѣнахъ обители. Воспитаніе будущихъ женъ и матерей въ православномъ духѣ есть наилучшее и наивѣрнѣйшее средство возвращенія въ лоно Церкви заблудшихъ, отторгнутыхъ или упорствующихъ овецъ.

Въ 1894 г., въ двухъ верстахъ отъ Лѣсны, въ дер. Бороздиловкѣ устроена монастыремъ сельская школа съ общежитіемъ для мальчиковъ. При школѣ имѣется и своя церковь. Въ школѣ обучается до 30 крестьянскихъ мальчиковъ, изъ коихъ 20 помѣщаются въ общежитіи на средства монастыря. На первое время въ школѣ введено обученіе лишь слесарному и кузнечному ремеслу, но уже и теперь работы ремесленниковъ-учениковъ для окрестныхъ крестьянъ и монастыря оцѣниваются отъ 30 до 35 руб. въ мѣсяцъ. Въ 1894 году монастырь устроилъ и содержитъ на свои же средства церковь-школу съ общежитіемъ для 20 дѣвочекъ въ

деревнѣ Вулькѣ, въ 15 верстахъ отъ Лѣсны. Независимо отъ сего въ обители имѣется богадѣльня для престарѣлыхъ бѣдныхъ женщинъ и больница.

Крайняя ограниченность матеріальныхъ средствъ монастыря, составляющихся преимущественно изъ пожертвованій благотворителей, позволяетъ ему принимать въ богадѣльню лишь малое число лицъ. При монастырѣ устроены рукодѣльныя мастерскія, заведены обширные овощные огороды, пчельникъ, скотоводство, рыбное хозяйство и проч. Все обрабатываютъ и за всѣмъ присматриваютъ сами сестры; между ними не мало сестеръ интеллигентнаго класса, хорошо образованныхъ, самоотверженно преданныхъ своему долгу. Всѣхъ сестеръ и послушницъ въ монастырѣ до 90. Общее же число содержимыхъ монастыремъ лицъ вмѣстѣ съ воспитанниками пріюта, учениками Бордзиловской школы и наемною прислугою, свыше 200. Все доселѣ сдѣланное для благоустроенія обители обязано главнымъ образомъ неутомимой энергіи и ревности настоятельницы оной, игуменьи Екатерины.

Лѣснинская обитель успѣла уже снискать довѣріе и любовь простого народа, стремящагося нынѣ къ ея святынямъ съ такими же чувствами благоговѣнія и почитанія, какъ и въ прежнее время. Численнѣе всего стекается народъ въ Лѣснинскую обитель въ праздникъ Святой Троицы и затѣмъ на Воздвиженіе Честнаго Креста Господня—день чудеснаго явленія Лѣснинской иконы Божіей Матери въ 1583 году. Изъ подлясскихъ бывшихъ уніатскихъ приходовъ и ближайшихъ мѣстъ Грод-

ненской губерніи спѣшатъ сюда паломники, и всѣ пути, ведущіе въ Лѣсну, оглашаются ихъ священными пѣснопѣніями. Церковныя богослуженія въ означенные дни, со времени учрежденія въ Лѣснѣ православной обители, совершаются мѣстнымъ преосвященнымъ или его викаріемъ.

Въ 1894 году, по благословенію преосвященнаго Флавіана, архіепископа Холмско - Варшавскаго, въ селѣ Вировѣ, Сѣдлецкой губерніи, устроена женская обитель — отдѣленіе Лѣснинскаго женскаго монастыря, въ память покойнаго Московскаго митрополита Леонтія. Въ сентябрѣ прибыла въ Виров дружина инокинь во главѣ съ Анною Потто, бывшею благочинною Лѣснинскаго монастыря, въ количествѣ 10 сестеръ, и начала свою миссіонерскую дѣятельность. Ежедневный звонъ колокола на монастырской колокольнѣ возвѣщалъ обитателямъ обоихъ береговъ Буга о непрестанной молитвѣ инокинь; келіи ихъ открылись для пріятія страждущихъ и для обученія малолѣтнихъ дѣтей, приходящихъ изъ окрестныхъ весей. Сначала сестры испытывали крайнюю нужду: картофель онѣ ѣли только по праздникамъ, но никому объ этой нуждѣ своей не говорили. Потомъ потекли въ обитель пожертвованія: денежныя и вещественныя — мебелью и посудою. Успѣхи дѣтей въ чтеніи и знаніи молитвъ (дѣвочекъ и мальчиковъ въ школѣ-келіи 20) за короткое время утѣшительные. Занималась съ ними неутомимая мать Анна. Она и въ церкви ежедневно съ 4-хъ часовъ утра читаетъ и поетъ; она и въ классѣ между богослуженіями; она

и по хозяйству; она же, пока не было врача—сестры Анастасіи, сама и больныхъ всѣхъ принимала, искала въ лѣчебницѣ лѣкарства, приготовляла его (есть своя аптека); она, въ крайнемъ случаѣ, пѣшкомъ шла по снѣгу въ ближайшую весь къ опасно больному крестьянину и тамъ съ другою сестрою проводила всю ночь, ставя больному банки, растирая и проч. Разъ въ одной хатѣ, у больного семейнаго человѣка, не оказалось никакой пищи для самихъ хозяевъ, больныхъ и ихъ дѣтей. Мать Анна пошла къ знакомой шляхтянкѣ, которую передъ тѣмъ вылѣчила, когда уже та была докторами приговорена къ смерти и напутствована ксендзомъ, и попросила продать ей молока и яицъ. Конечно та дала даромъ, и мать Анна, придя къ своимъ больнымъ, приготовила пищу и накормила ихъ. Дѣти учащіяся приходятъ въ церковь на литургію; здѣсь они стоятъ чинно, знаютъ, когда главы преклонять, даже поютъ „Господи помилуй“. Въ классѣ и въ столовой (трапезѣ) они всѣ начинаютъ и заканчиваютъ молитвою и крестнымъ знаменіемъ. Умилительно глядѣть, какъ малое дитя 7, 8, 9 лѣтъ не возьметъ ложки, пока не перекрестится, и не положитъ ее безъ крестнаго знаменія, и во все время обѣда ведетъ себя, какъ и монахини, слушая чтеніе житій святыхъ. Полюбили дѣти мать Анну. Когда она покажется въ деревнѣ — общая радость для дѣтей, бѣгутъ за ней и просятъ взять ихъ въ школу. По праздникамъ, тайно отъ родителей, дѣвочки изъ ближайшихъ деревень бѣгутъ окольн-

ными путями въ монастырь къ матери Аннѣ, въ ея келію.

Въ храмѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ бываютъ богомольцы и изъ-за Буга. Пѣніе въ монастырѣ чудное! Обитель получаетъ съ разныхъ сторонъ Россіи святыя иконы. Такъ получены двѣ дорогія святыя иконы: „Цѣлителя Пантелеймона“, освященная на Аѳонѣ, и „Черниговской Божіей Матери“, отъ игумена Геѳсиманскаго, что близъ Троицкой лавры, скита. Обѣ иконы присланы въ память почившаго митрополита Московскаго Леонтія. Священникъ изъ Москвы Николай Копьевъ прислалъ нѣсколько десятковъ иконъ стариннаго письма, средней и малой величины. Изъ Петербурга присланъ дивный образъ святителя Николая Чудотворца, въ сребропозлащенной ризѣ, въ орѣховомъ кіотѣ, даръ О. В. Александровой. Весь храмъ благолѣпно украшенъ множествомъ образовъ, и предъ каждымъ изъ нихъ горитъ лампада.

Текутъ пожертвованія и деньгами. Замѣчательныя изъ нихъ: отъ отца Іоанна Кронштадскаго 1000 руб., на которыя строится больница, аптека и школа, пожертвованіе братства Богородичнаго въ Холмѣ (100 р.), неизвѣстнаго 100 р., архіепископа Модеста 100 р., архимандрита Новаго Іерусалима Андрея 50 р., графини Е. А. Воронцовой-Дашковой 100 р. и сестры ея А. Е. Балашовой 100 р. Но трогательнѣе всего пожертвованіе ученицы III кл. Сѣдлецкой гимназіи Евгеніи Гуляницкой. Она на всѣ свои сбереженія, которыя собирала съ ранняго

дѣтства,—на 15 р., купила лампаду въ Вировъ, за здравіе своей болящей сестры Маріи.

Съ устроеніемъ обители въ Вировѣ возсіялъ здѣсь свѣтъ православія и началась новая жизнь.

---

14 сентября въ Лѣснинскомъ монастырѣ.

День праздника Лѣснинскаго монастыря, 14 сентября (1897 г.), привлекъ въ обитель многихъ богомольцевъ изъ ближайшихъ и дальнихъ мѣстъ. 13 утромъ прибылъ высокопреосвященный архіепископъ Флавіанъ, и въ теченіе всего дня съ разныхъ сторонъ стекались крестные ходы. Навстрѣчу имъ, при звонѣ колоколовъ, выходило монастырское духовенство съ крестомъ и хоругвями. Далеко разносилось благозвучное пѣніе. При встрѣчѣ тихо склонялись хоругви, священники прикладывались къ иконамъ, братски лобызались, и крестный ходъ съ пѣніемъ входилъ въ монастырскій соборъ. Долго, болѣе трехъ съ половиною часовъ, продолжалось всенощное бдѣніе. Величественный храмъ оглашался стройнымъ пѣніемъ 60-ти сестеръ. Молящіеся переполняли его. Они не знали утомленія, и послѣ службы многіе изъ нихъ не пошли отдыхать въ странноприемную, недавно устроенную для 700 человѣкъ, а расположились группами въ 30, 40 и 50 человѣкъ, вблизи храма на монастырскомъ дворѣ, и всю ночь, до ранней литургіи, оглашали обитель пѣніемъ молитвъ и пѣс-

ней изъ Богогласника. Такихъ хоровъ было не менѣе 20. Нѣкоторые изъ нихъ пѣли замѣчательно стройно. Особое искусство проявляли крестьяне села Курешова, Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губерніи. Ихъ было 7 человѣкъ: четыре паробка и три дѣвушки. Съ зажженными свѣчами въ рукахъ расположились они полукругомъ у стѣны храма и въ благоговѣйномъ настроеніи, часто осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, всю ночь пѣли съ небольшими перерывами. Надъ ними высилось темное, усѣянное звѣздами небо; около нихъ въ молитвенномъ молчаніи сидѣли и стояли богомольцы. Они же звучными, сильными голосами пѣли ирмосы, молитвы и любимыя народомъ пѣсни Богогласника. Умилительно раздавалось въ тиши ночное пѣніе стройнаго хора; молилъ онъ Пречистую Дѣву, Мать русскаго края, Церковь нашу въ мирѣ хранить, дать единомышленіе и „другъ другу любленіе“ всѣмъ правовѣрнымъ. Пропѣли и перекрестились. А шагахъ въ 30 другой хоръ начинаетъ: „Мати милосердія, море щедротъ, буди милосерда бѣднымъ сиротамъ“, „будь русскимъ людямъ оборона, возстанови въ древней славѣ Русь Червонную и утверди въ ней вѣру православную“. Умолкли сосѣди, и снова запѣли курешовцы: „Пресвятая Дѣва, Мати Холмскія Руси, когда вѣру нашихъ предковъ угнеталъ полякъ, подъ покровъ Твоей святыни спѣшилъ русскій всякъ“. Окончили пѣснь Богоматери, перекрестились, отдохнули немного и стройно возгласили пѣснь святителю Николаю. „Сохраняй христіанъ, Николае“, звучно кончаетъ хоръ, а въ

другой части монастырскаго двора поютъ: „Іисусе Сладчайшій, къ Тебѣ припадемъ“. И такъ всю ночь немолчно раздавалось пѣніе паломниковъ, готовившихся къ исповѣди и святому причастію. На вопросъ, предложенный одному изъ нихъ: — спалъ ли онъ ночью? — послѣдовалъ вразумительный отвѣтъ: „не за тѣмъ мы пришли сюда“. По окончаніи литургіи былъ совершенъ крестный ходъ вокругъ церкви съ чтеніемъ Евангелія по четыремъ сторонамъ храма. Послѣ четвертаго Евангелія священникъ Староселецъ произнесъ подъ открытымъ небомъ проповѣдь о значеніи креста въ жизни христіанина. Говорилъ проповѣдникъ по-малороссійски. Его простая сильная рѣчь мощно подѣйствовала на настроеніе многотысячной толпы. Тихія слезы къ концу проповѣди перешли у многихъ въ громкія рыданія. Около двухъ часовъ кончилось богослуженіе, а къ тремъ — монастырскій дворъ принялъ свой обычный видъ. Паломники помолились, немного закусили и мирно оставили обитель.

Велико и благотворно просвѣтительное вліяніе Лѣснинскаго монастыря на рубежѣ русской земли.

(Статья В. С.)

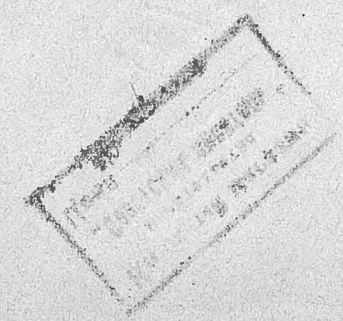
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Оглавленіе рисунковъ.

		стр.
1.	Полякъ, крестьянскій парень въ подвѣнечномъ нарядѣ, изъ окрестностей города Прошовицъ, Радомской губерніи	3
2.	Полька, крестьянская дѣвушка въ подвѣнечномъ нарядѣ, изъ окрестностей города Прошовицъ, Радомской губерніи	19
3.	Поляки, женихъ и невѣста въ подвѣнечномъ нарядѣ, изъ окрестностей города Ловича, Варшавской губерніи	33
4.	Полька, новобрачная, изъ окрестностей города Ловича, Варшавской губерніи	49
5.	Полька, крестьянская дѣвушка, 17 лѣтъ, изъ окрестностей Варшавы	59
6.	Полякъ, крестьянскій парень, 15 лѣтъ, изъ окрестностей Варшавы	73
7.	Полякъ—Куявянинъ, крестьянинъ изъ окрестностей города Влоцлавска, Варшавской губерніи	89
8.	Пахарь съ сохой у риги, изъ Новоминскаго уѣзда, Варшавской губерніи	103
9.	Польскіе крестьяне Люблинской губ. и уѣзда, въ зимней одеждѣ	119
10.	Поляки, Люблинской губ. и уѣзда. Слѣва парень и дѣвушка, справа молодожены	135
11.	Группа польскихъ крестьянъ (членовъ одного рода), Люблинской губ. и уѣзда, на хозяйственно-промышленной выставкѣ въ Люблинѣ 1901 г.	155

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Глава I	5
Глава II	25
Глава III	38
Глава IV	53
Глава V	57
Глава VI	70
Глава VII	84
Глава VIII	88
Глава IX	109
Глава X	120
Глава XI	127
Глава XII	131
Глава XIII	134
Приложеніе первое	159
Приложеніе второе	163



Книжный магазин
издательства
„Советский писатель"
Цена